ПИОНЕР

ИЮЛЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1960 год 7

Сенокос. Пионерский день начинается с зарей. Ученики Яснополянской школы на Калиновом лугу.

Фото С. Карасева.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 37-й

Слушай, пионер!

ГДЕ БЫ ТЫ НИ БЫЛ, ПОМНИ:

ПИОНЕР — всюду пионер. Куда бы ни забросила его судьба на лето, он всюду найдет себе хорошее дело.

В ДЕРЕВНЕ организует «летучую команду помощи взрослым». Помощь может понадобиться всюду: на почте, в клубе, в доме колхозницы, которой не с кем оставить малыша.

В ГОРОДЕ соберет дружную команду двора, и все вместе отправятся в хороший, далекий поход.

НА ДАЧЕ подружится с соседями, с местными ребятами и уговорится с ними пойти поработать в колхозе.

В ЛАГЕРЕ предложит ребятам взять шефство над самым младшим отрядом. Пусть у каждого мальчика появится братишка, а у девочки — сестренка. И никому не давать их в обиду!

издательство „ПРАВДА"

Июль № 7 1960

Я тебе верю

Юрий ТОМИН **Рисунки Д. Пяткина.**

Кассирша аэропорта приподнялась со стула. Перед окном кассы стоял мальчик лет двенадцати в летной канадке с капюшоном.

— Ты один хочешь лететь?

Мальчик кивнул.

— А откуда у тебя деньги?

Рука с деньгами выскользнула из окошка. Настороженно глядя на кассиршу, мальчик начал пятиться к выходу.

— Подожди.

Мальчик метнулся к двери. Но в этот момент проход загородила широченная фигура летчика.

— Задержите его!

Большая ладонь легла на плечо мальчика. Он рванулся. Ладонь легко, почти без усилия отстранила его от двери.

— В чем дело?

— Ах, это вы, Гога... Вот мальчик какой-то странный... Хочет один лететь. И деньги у него...

— Понятно, — сказал летчик. — Сейчас разберемся.

Мальчик головой едва доставал до пояса высокого летчика.

— Что же, будем молчать? — спросил летчик. — Как зовут?

— Пусти!

— Не могу я тебя отпустить, — сказал летчик. — Ты объясни сначала, куда летишь? Зачем? Может быть, я сам тебя повезу. Надо же мне знать! У нас порядок такой...

Задрав острый подбородок, мальчик смотрел на летчика, и губы его дрожали.

— Пусти! Не ваше дело!

— Чистый хорек! — засмеялась кассирша.

Летчик сердито взглянул на кассиршу. Та покраснела и провела рукой по пуговицам кофточки.

— Идем, — сказал летчик. — Поговорим.

Они шли вдоль ангаров, и рука летчика по-прежнему лежала на плече мальчика.

— Ты из дома удрал, верно?

— Ну да еще! — сказал мальчик.

— Тебя как зовут?

— Федя.

— В поселке живешь?

— В поселке.

— А кто твой отец?

— У меня нет отца.

— А мать?..

— У меня нет мамы, — сказал мальчик. — Пусти. Больно!

— А ты не убежишь? Даешь слово?

— Даю.

Летчик остановился и убрал руку с плеча.

— Вот и хорошо, — сказал он. — Всегда лучше, чтобы честно...

И в эту секунду мальчик бросился к забору. Он с разбегу прыгнул, навалился животом на заостренные доски частокола, перекатился на ту сторону и побежал к Енисею, топча запыленные кустики.

* * *

Уже вечером летчик шел вдоль стоянки «шаврушек» [1]. Возле одной из машин он остановился, постучал носком сапога по дутику [2] и сказал вполголоса:

— Как дела, шавруха? Тебе не скучно одной?

Машина молчала.

— Ты никого здесь не видела?

Машина молчала.

— Ты не видела человека, который продал свое честное слово? — уже громче повторил летчик и прислушался.

Но машина молчала, изо всех сил молчала.

— Ну?..

И вдруг «шаврушка» вздохнула протяжно и шумно:

— Пш-ш-фу-у...

— Давно бы так, — сказал летчик. Он шагнул к борту и откинул крышку багажника. В тесном закутке, скрючившись, лежал мальчик с красным от напряжения лицом. Он задерживал дыхание больше минуты.

— Слушай, Федя, — сказал летчик, — почему ты бегаешь и прячешься? Может быть, ты жулик?

— Сам ты жулик, — сказал мальчик и заплакал.

Летчик подхватил его под мышки и поставил на землю.

— Я тебе не верю, — строго сказал он. — Ты слово продал. Может быть, ты и плачешь нарочно.

Федя перестал плакать.

— Не продал... — с вызовом сказал он.

— Почему же ты от меня убежал?

Федя отвернулся.

— Ну вот что, — сказал летчик, — идем. Покажешь, где твой дом. И не вздумай убегать: на этот раз догоню.

Они пересекли поле и оказались на дороге, ведущей к поселку. Федя шел посередине, загребая ногами.

— Перестань пылить, — сказал летчик. — Ты человек, а не бензовоз.

Федя ничего не ответил, но пылить перестал.

— А в багажник ты зря полез, — продолжал летчик. — Все равно его открывают перед вылетом: зажимы складывают. Ну, Федор, понял теперь?

Федя отвернулся и снова начал пылить.

Летчик нахмурился.

— Напрасно я с тобой связался. Тебя, пожалуй, прямо в милицию надо бы отвести.

— Ну, ведите! — крикнул Федя, резко повернувшись к летчику. — Чего же вы не ведете?!

— Не веду потому, что сам такой был.

— Как я, жулик, да? — звонко спросил Федя.

— Нет, не жулик. Такой же дурной.

Они молча прошли через весь поселок и скоро оказались на дальнем его конце.

— Где твой дом?

— Там остался.

— Почему же ты не показал?

— Забыл.

— Хорошо, идем обратно, — спокойно сказал летчик. — Постарайся не забыть на этот раз.

Через двадцать минут они снова стояли на дороге, ведущей к аэропорту.

— Ну?.. — спросил летчик.

— Забыл! — упрямо сказал Федя.

Летчик внимательно и строго взглянул на Федю. На лице мальчика ни смущения, ни

[1] «Ш-2», двухместный самолет-амфибия.

[2] Одно из колес, выпускаемых при посадке на землю.

страха, только вызов. Летчик отступил на шаг и вдруг расхохотался.

— А ты упрямый! — проговорил он сквозь смех. — Только я тоже упрямый. Вы не знаете, где живет этот мальчик? — обратился он к женщине, проходившей мимо.

Женщина широко открыла глаза и с любопытством посмотрела на Федю.

— Ой, знаю! — сказала она. — Или натворил чего? Вон, под зеленой крышей, видите? Ихний — рядом.

— Спасибо, — сказал летчик.

— Да я лучше провожу, — заторопилась женщина. — Чего он наделал?

— Спасибо, — повторил летчик. — Теперь я сам найду.

— Ой, да тут и трудов-то нет ничего! — настаивала женщина. — Я вас и до крыльца доведу. Парень-то у вас в порту нахулиганил или как?

Летчик скосил глаза на Федю.

— Да тут такое дело... — серьезно сказал он. — Дом поджег.

— Неужто?! — ахнула женщина.

— Ага, — подтвердил летчик. — Каменный дом — с одной спички.

Федя отвернулся и фыркнул. Летчик легонько шлепнул его по спине, и они двинулись к дому с зеленой крышей.

— Балабон! — строго сказала женщина. — Взрослый, а балабонишь!

* * *

— Вор... вор... — Тетка сидела на кровати, приложив ладони к вискам. Раскачиваясь, она почти пела: — Во-ор... сын моей сестры растет вором...

Деньги, свернутые рулончиком, лежали на столе. Когда тетка умолкала, слышно было, как бумажки похрустывают, распрямляясь. Но затем снова наполнял комнату ее голос: казалось, где-то в углу запутался и дрожал в паутине бесконечно долгий звук: «и-и-и-и...»

— Грела его... кормила... Господи! Все в гнездо свое... все-то в дом... Господи!..

Летчик, стоя у двери, молча смотрел на тетку.

— Послушайте, — сказал он наконец, — мальчик с утра на аэродроме. Он не ел целый день.

— А я... — сказала тетка. — Он подумал, когда я ела? Кто об этом подумал?

— Ты ела утром! — крикнул Федя. — И деньги не твои! Они — за папу.

— Молчи, вор, — сказала тетка. — Неблагодарный вор!..

Федя сорвался с места, выбежал в сени, хлопнув дверью.

— Послушайте, так нельзя...

— Уходите, — сказала тетка. — Бог с вами, я вас не звала.

Летчику вдруг стало жарко. Нагнув голову, он шагнул в сени. Ему тоже хотелось хлопнуть дверью.

Федя был во дворе.

— Давно здесь живешь?

— Два года и три месяца.

— ...И три месяца, — задумчиво повторил летчик. — Ну, пойдем, проводишь меня немного.

— Зачем?

— Затем, — сказал летчик, — познакомимся. Придешь в следующий раз на аэродром, будет у тебя там знакомый. Ты с ребятами дружишь?

— Дружу. Только на улице. Домой она не пускает.

— Хорошо, — сказал летчик. — Идем.

Федя нерешительно потоптался на месте.

— А слово я не продал, — сообщил он. — Я когда говорил, фигу в кармане держал.

— Ну и что?

— И то... — сказал Федя. — Тогда не считается, вот что.

* * *

Отец погиб в апреле 1945 года в воздушном бою над чешским городом Братиславой. Федя родился через два месяца после его смерти. Два года тому назад ушла в тайгу и не вернулась Федина мать, инженер по лесному делу. Мальчик остался у тетки, которая недели две горевала и плакала. Тетка не умела плакать без слов.

— Ей теперь все равно, — говорила она. — А мне за что такое? За что?

Феде нестерпимо было видеть ее опухшее от слез лицо и то, как она привычно и торопливо крестится после еды, но тут же, взглянув в окно, выбегает на улицу и визгливо, краснея от натуги, начинает орать на ребят, играющих возле дома. Феде нестерпимы были ее разговоры с богом, которого она, кажется, жалела, как и себя, но которому всетаки жаловалась на свою долю, на погибшую сестру и на самого Федю.

Бог висел на стенке в углу. Это был человек с усталым взглядом, как будто измученный бесконечными теткиными просьбами. Из своего угла он печально смотрел на тетку, слушал ее брюзжание и, казалось, сам готов был крикнуть ее же словами: «Господи, да когда же все это кончится!»

Когда тетка вытирала полотенцем тарелки или стирала Федину рубаху, то с лица ее не сходило выражение скорби и, как ни странно, тихой, внутренней радости. Ей было приятно, что она мучается и что мучения эти видны всем, в том числе богу и Феде. Тетка любила страдать и умела это делать...

— Может, она и не сестра маме? — сказал Федя летчику. — Мама к ней не ходила. Она была веселая... И фамилии у них разные.

Свесив ноги в канаву, они сидели у дороги на полпути к аэродрому.

— Чудачина ты, — отозвался летчик, — у твоей мамы фамилия мужа.

— Папина?

— Да.

Федя опустил голову и зябко повел плечами. Стало тихо. В этой тишине плыл далекий, еле слышный звон. Он доносился сверху. Высоко над поселком шла четверка самолетов с лихо заломленными назад крыльями. Они появились прямо из неба и растворились в небе, оставив после себя розовый пенистый след.

— Почему они у нас не садятся?

— Это военные машины, — сказал летчик. — Знаешь, на какую высоту они забираются? Там небо уже не голубое, а темно-синее, и даже днем светят звезды.

— Откуда ты знаешь?

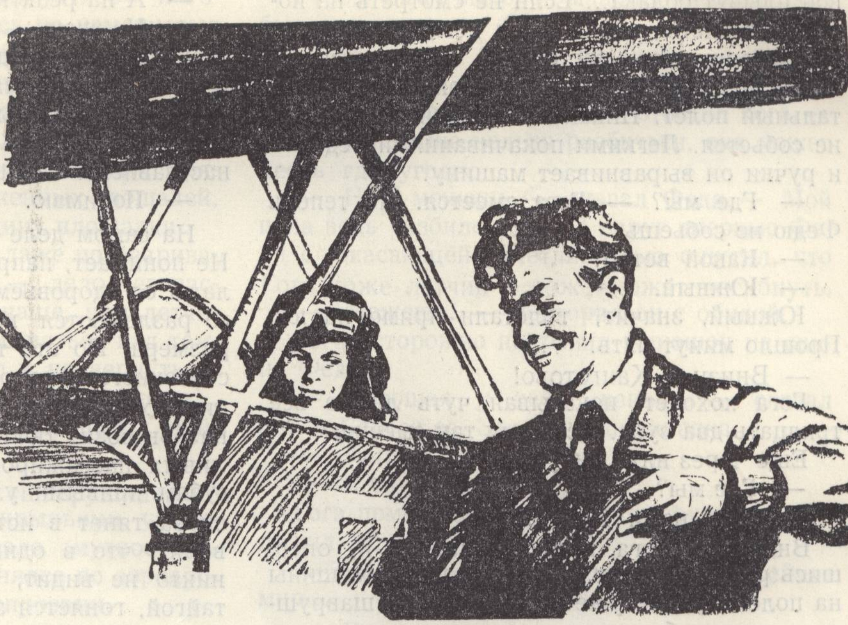
— Знаю. — Летчик поднялся, отряхнув брюки. — Ты приходи на аэродром, летать научу. Спросишь Гогу Сизова. Договорились?

— Приду, — сказал Федя.

* * *

Федю пускали всюду, даже в радиорубку. Его видели то в ремонтных мастерских, то в кабине тягача-буксировщика, то в учебном классе, где на стенах висели пропеллеры и разрезанные цилиндры на досках.

Но больше всего Федя любил полеты с Гогой. В этих полетах Федя сидел на пилотском кресле. Гога — справа, пассажиром.

Федя сжимает ручку управления, ноги его лежат на педалях. Он слушает негромкие команды летчика.

— Крен влево!

Ручка плавно идет влево. Только ручка! Ноги замерли на педалях. Ни в коем случае нельзя качнуть педалями. Не вираж, а крен! Только ручка!..

— Выравнивай! И сразу: — Правый вираж с набором высоты!.. Правая педаль... ручка на себя и чуть вправо... Еще на себя! Здорово! Молодец! Я молодец!

Федя косится на Гогу. Тот отрицательно покачивает головой.

— Ты свалил машину в штопор, — с огорчением говорит он.

Штопор! Вихляясь волчком, земля несется навстречу самолету. Она приближается с каждой секундой... Левая педаль утоплена до отказа. Ручка от себя... Или на себя? Постой, как же ручка?.. Кажется, так! Теперь хорошо! Хорошо? Снова взгляд направо.

— Какая была высота?

Федя, чувствуя неладное, на всякий случай прибавляет высоту:

— Тысяча метров.

— Нет, — говорит Гога, — высота была двести метров. Ты уже покойник.

— Я тороплюсь, когда ты командуешь, — говорит Федя. — Лучше я сам.

— Ну что ж, давай сам.

Короткое движение руки к щитку... Стартер... газ... еще газ. Ручка на себя... еще на себя... Все точно, как нужно! Гога уже не хмурится. Значит, все в порядке! Над голо-

вой плывут облака... Если не смотреть на поле и самолеты, сидящие на нем, то кажется, что «шаврушка» постепенно отрывается от земли и уходит в полет. Спокойный горизонтальный полет. Никаких виражей. Тут Федя не собьется. Легкими покачиваниями педалей и ручки он выравнивает машину.

— Где мы? — Гога смеется. Но теперь Федю не собьешь.

— Какой ветер?

— Южный.

Южный, значит, взлетали прямо на юг. Прошло минут пять.

— Внизу — Канготово!

Гога хохочет, показывая чуть ли не все тридцать два зуба. Чего ему так смешно?

Еще через пять минут:

— Где мы?

— Под нами Искуп.

Внезапно Гога приподнимается и, опершись руками о борт, выпрыгивает из машины на поле. Ну, это уже свинство! На «шаврушках» летают без парашютов...

Федя встает с кресла и вытягивается, разминая ноющую спину.

— Ты уже покойник! — сердито говорит он.— Высота была двести метров. Ты разбился насмерть.

В ответ Гога показывает на рукоятку тормоза. Она отведена до упора. Колеса схвачены намертво. Значит, не было никакого полета. В лучшем случае, «шаврушка», завывая от натуги, проползла на брюхе несколько метров.

Федя смотрит на тормоз и краснеет.

— Ну, довольно,— говорит Гога.—Идем в столовую.

И Федя понуро бредет за Гогой в столовую.

* * *

Вечером Федя долго ворочается на скрипучей раскладушке, поставленной рядом с кроватью Гоги. Теперь он часто ночует в авиагородке. Тетка не обижается: расходов меньше.

Федя вздыхает, переживая дневную неудачу.

— Да ладно тебе...— говорит Гога.— Ты ведь просто не взлетел.

— А штопор?

— Ну, штопор — это да,— соглашается Гога.— Тут ничего не скажешь.

— А думаешь, я скоро научился бы летать?

— Скоро. Только торопиться не следует. Сначала школу закончи.

— А на реактивные меня возьмут?

— Не знаю,— говорит Гога. По тому, как несколько раз подряд вспыхивает папироса, Федя догадывается: Гоге неприятно напоминание о реактивных.

— Не знаю,— повторяет он.— Это не от нас зависит. Понимаешь?

— Понимаю.

На самом деле Федя многого не понимает. Не понимает, например, какие могут быть нелады со здоровьем у Гоги, на плечах которого разлезаются кожанки пятьдесят второго размера. Но это так. Гогу перевели в отряд с военного аэродрома, где он летал на реактивных истребителях. А теперь на «гражданке» он возит тюки с почтой и смирных, боязливых пассажиров с их приклеившимися к губам кривыми улыбками. Может быть, его снова тянет в истребительную авиацию. Говорят, что в одиночных полетах, когда его никто не видит, Гога с ревом носится над тайгой, гоняется за орланами, пикирует, вытряхивая из машины душу. Гогины пассажиры рассказывали, что во время полета он поглядывает на них в зеркальце, укрепленное над головой, и загадочно улыбается.

Пассажиры наливались тихим ужасом и замирали, видя эту улыбку: им были известны слухи о Гогиных одиночных полетах. А Гога вел машину бережно, как детскую коляску. Но пассажиры, вылезши из кабины, никак не могли отделаться от чувства, что они избежали смертельной опасности, и на прощание подозрительно долго тискали Гогину руку.

Федя знает все это. И потому нарочито грубовато, чтобы убедительней звучали слова, он говорит в темноту:

— Ну и что?.. Тебя возьмут обратно. Только ты не кури. Это же вредно.

— Есть не курить! — Окурок, вычертив огненную дугу, летит на пол.

— Спим?

— Спим.

Через несколько минут Федя приподнимает голову с подушки и спрашивает:

— Гога, а ты правда орлов гоняешь?

— А ты сам как думаешь?

— Я не знаю. Разве можно?

— Нельзя.

— Значит, не гоняешь. Правда?

— Я уже сплю,— говорит Гога.

* * *

Гога часто уходил в полеты. Он летал в самые отдаленные станки, сплавные пункты, расположенные в верховьях рек. Там не бы-

ло места для посадки больших «Илов», и Гогина «шаврушка» садилась на каменистые пятачки, на извилистые речушки, на гнилые озера с риском напороться на корягу.

Впрочем, остальные пилоты отряда летали по тем же трассам. Они кляли низкую облачность, боковые северные ветры, топляки, прячущиеся под водой, стреноженных лошадей, вылезающих на самую середину площадки.

Но все же они летали. И даже поговаривали, что авиация в наш век — дело безопасное: ведь пешеходы гибнут чаще, чем летчики. Пилоты не любили задумываться над тем, что из таких полетов можно и не вернуться. Неисправность? Случайность? Ну, что ж!.. Плюхнется где-нибудь в тайге. Поищут... Найдут!

Но все же, когда Гогина «шаврушка», поблескивая матово-зелеными крыльями, уходила в воздух, Федю охватывало смутное беспокойство. Он без толку слонялся по аэродрому и надоедал диспетчеру вопросами.

Однажды ему пришлось поволноваться всерьез.

В конце июля отряд топографов остался в тайге без продуктов. Постоянной радиосвязи с ними не было, и они два дня звали в эфире открытым текстом, пока их не услышал радист аэропорта.

На поиски вылетели три машины.

Тянул холодный низовой ветер. Он окутал тайгу моросящим дождем; все было одинаково серо. Два пилота прилетели к вечеру на последних каплях бензина. Гога не возвращался.

Федя вышел на крутой енисейский берег и стоял, вглядываясь в мутную мглу, повисшую над рекой.

Самолет появился уже в темноте. Еле перевалив через край обрыва, он бесшумно пронесся над головой. Мотор не работал, и Федя слышал, как тоненько посвистывает воздух в расчалках. Едва не задев крышу гостиницы, машина приземлилась на огородах.

Это мог сделать только Гога. Он возвращался, набирая высоту, пока не опустели баки и не задохнулся мотор. В темноте он вывел машину прямо к авиагородку, и, не дотянув до аэродрома, каким-то чудом умудрился разглядеть внизу свободный клочок земли. Он единственный разыскал отряд и сбросил продукты.

В этот раз Гога нарушил инструкцию. Но если знаешь, что где-то рядом люди варят суп из коры, то трудно заставить себя жить по инструкции. И Гога, получив от командира хорошую взбучку, был счастлив в этот вечер.

Утром тягач выволок машину на поле. Она была невредима.

— А если бы ты разбился... — сказал Федя.

— Я не могу разбиться, — ответил Гога. — На этой машине нельзя разбиться, она может сесть где угодно.

— Нет, можешь, — сказал Федя. — Мой папа ведь разбился... — И вдруг впервые Федя с ужасающей отчетливостью ощутил, что Гога тоже летчик и тоже может погибнуть.

— Можешь! — повторил он с обидой.

Гога осторожно поправил капюшон на спине Феди.

— Хорошая у тебя канадка, — сказал он. — Береги ее. Это славная канадка.

— Папина.

— Я так и думал.

Гога помолчал минуту. Снял фуражку, положил ее на траву.

— Твой отец погиб на войне. Сейчас мир...

— Все равно можешь...

Снова рука летчика разгладила несуществующие складки на капюшоне. Не глядя на Федю, он спросил:

— А ты бы ко мне пошел жить?

— Я?!

— Ну да, ты.

Федя недоверчиво взглянул на летчика.

— Ты... нарочно?

— Такими вещами не шутят, — ответил Гога.

Больше Гога ничего не сказал. Но с этого дня между ними установилось молчаливое согласие, как будто все уже было решено, будто был уже назначен день, когда Федя уйдет из теткиного дома. И, проходя по пыльным туруханским улицам, Федя внимательно оглядывал дома, вывески магазинов, словно старался запомнить все это накрепко: все-таки жаль расставаться с городом, в котором вырос.

О тетке он не жалел.

Шел август. По утрам бензовозы прокладывали на росистой траве темные колеи. Из оврагов, ложбин тянуло накопленным за ночь холодом. В студеном августовском небе далеко разносилось стрекотание моторов. Гога давно обещал взять в полет Федю, но погода часто портилась, и в редкие летные дни пилоты едва успевали управляться со срочными грузами. Федя уже перестал надеяться. И вдруг Гога сказал, что они летят завтра.

Было тихо и солнечно. «Шаврушка» поднялась с аэродрома и ушла на запад, чтобы вернуться спустя четыре часа, после несложной посадки в Янов-Стане.

Но в срок она не вернулась.

Аэропорт по радио запросил Янов-Стан. Самолета Гоги там не видели. Не прилетел он ни к вечеру, ни утром следующего дня.

Все восемь самолетов отряда поднялись в воздух и ушли на поиски. До темноты тарахтели над тайгой моторы, и пилоты, креня машины, до ряби в глазах вглядывались вниз, надеясь увидеть зеленые плоскости «шаврушки». Но тайга умела хранить свои тайны. Восемь машин, одна за другой, вернулись ни с чем.

В бревенчатом доме аэропорта с этажа на этаж, врываясь в кабинеты, в диспетчерскую, металась Федина тетка. Голос ее слышен был в самых глухих уголках здания.

— Убийцы!

Измученные пилоты боком, как виноватые, проходили мимо нее; кассирша, выписавшая вчера пассажирский билет для Феди (деньги платил Гога), сидела в своей комнатке, испуганно вздрагивая. Но голос проникал и в ее комнатку, и под наушники радиста, и за обитую войлоком дверь кабинета начальника аэропорта — пронзительный, наполненный каким-то исступленным торжеством голос:

— Убийцы!

* * *

В двухместной открытой кабине Федя сидел рядом с Гогой. Далеко внизу проплывали ослепительные извивы рек. Круглая, плоская, как блин, земля плавно покачивалась под брюхом машины. От этого слегка кружилась голова. При виражах земля вставала на ребро, и Федя видел, как уже не внизу, а сбоку скользит по ней, словно по стенке, тень самолета. Федя — серьезный и напряженный — вытянулся на сиденье, всем телом ощущая толчки и покачивания машины. Стенки кабины были тонкими, и сама вздрагивающая «шаврушка» казалась маленькой и хрупкой; вначале Федя боялся даже пошевелиться.

Но страх постепенно прошел. Федя повернулся к Гоге и несколько минут наблюдал, как тот управляет машиной.

Все было удивительно просто. Гога сидел, чуть сгорбившись, сжав ручку управления. Короткими толчками он посылал ручку то вперед, то назад и слегка, словно разминая ноги, пошевеливал педалями. Одно движение переходило в другое, будто Гога танцевал танец. Движения эти были едва заметны. Феде казалось, что если Гога уберет ноги с педалей и бросит ручку, то «шаврушка» и без него будет продолжать тот же спокойный и прямой полет.

Но вот Гога повернул голову к Феде и... Лишь на секунду остановилась в одном положении ручка, прекратили тряску педали... И сразу же поплыла вбок земля, горизонт на-

кренился и встал под углом. Нет, оставлять управление нельзя было даже на секунду!

Примерно через час полета Гога толкнул Федю в бок и кивком головы показал вниз, за борт самолета. Федя, осторожно вытянув шею, взглянул на землю. Под ними, чуть впереди, тяжело махая крыльями, стоял на месте косяк гусей. Федя не сразу понял, почему они еле двигаются. Грузные, неуклюжие птицы летели чуть медленней самолета.

Тень машины упала на стаю. Гуси чаще замахали крыльями. Теперь уже они летели чуть быстрее «шаврушки» и постепенно уходили все дальше. Гога прибавил газ. Мотор заревел громче. Гуси, словно подхлестнутые этим ревом, рванулись изо всех сил. И снова они летели немного быстрее.

Федя засмеялся. Гога мельком взглянул на него, поправил рукой шлем и...

Ручка плавно ушла вперед. Взметнулся вверх и исчез горизонт. Федя почувствовал, как тело его, став необычно легким, приподнялось с кресла, словно стремилось оторваться от самолета. Он хотел крикнуть: «Не надо!», — но тут же его прижало к сиденью: выравнивая машину, Гога обрушился на косяк. Отчаянно махая крыльями, гуси разлетались в стороны. И Федя, понимая, что все уже кончилось, охваченный радостью победы над своим страхом, крикнул: «Догнали! Догнали, Гога!».

И вдруг один из гусей метнулся навстречу машине. То ли он обезумел от ужаса, то ли в глупом своем гусином бесстрашии думал напугать врага... Расплывчатой тенью он мелькнул над щитком, и Федя услышал глухой удар. Самолет вздрогнул, заходил ходуном в неистовой, бешеной тряске.

Прежде чем Федя успел шевельнуться, даже прежде чем он успел напугаться, рука Гоги протянулась к щитку и выключила зажигание. Тряска прекратилась мгновенно, как и возникла. Наступила тишина. И в этой тишине стремительно понеслась навстречу земля.

Федя с ужасом, с последней надеждой взглянул на Гогу. Гога сидел, слегка подавшись вперед; глаза сузились, будто он прицеливался. У Гоги была твердая рука. «Шаврушка» планировала, оседая, но шла ровно, как по нитке. Гога тянул, сколько мог. Но внизу была тайга, сплошная тайга. Она щетинилась навстречу машине пиками елей...

Последним движением ручки, в последнем точном расчете Гога бросил «шаврушку» вниз, на прогалину, поросшую невысокими молодыми елочками.

Федя почувствовал, как рука Гоги опустилась на его плечо, вдавила в сиденье. И сразу же в брюхо машины хлестнули частые удары. Федю оторвало от кресла и швырнуло вперед, на приборную доску. Он успел разглядеть надвигающуюся стену плотного леса. Она закрыла горизонт и, подпрыгивая, перекашиваясь, мчалась навстречу Феде, вырастая с каждым мгновением. Над головой Феди мелькнули ветви, он ощутил сильный удар и потерял сознание.

...На прогалине стояла тишина. От одного ее края до другого тянулся широкий коридор, пробитый в высокой траве. В этом коридоре, вздрагивая, словно от испуга, медленно распрямлялись молодые ели...

Открыв глаза, Федя увидел над собой темно-зеленое небо. В голове расплывалась тупая боль. С рассеченного лба на канадку падали капли крови. Постепенно прояснилось зрение, и лишь тогда Федя понял, что видит не небо, а зелень еловых лап. Гоги рядом не было.

Перевалившись через борт кабины, Федя спустился на землю. Голова болела невыносимо, и Федя с трудом заставил себя оглядеться по сторонам.

Гога лежал метрах в пяти впереди искалеченного самолета.

Каждый шаг болью отзывался в затылке, и, подойдя к Гоге, Федя опустился на колени.

— Гога! — позвал он.

Гога молчал. Он лежал ничком у подножия дерева, и левая рука его была вытянута и сжата в кулак, будто он все еще держал ручку.

Федя осторожно приподнял его тяжелую голову и заглянул в лицо.

— Гога!

Гога открыл глаза и посмотрел на Федю непонимающим, хмельным взглядом.

— Сейчас... — сказал он спокойно и равнодушно. Он шевельнул рукой, как будто хотел поднести ее к голове, и на лице его появилось выражение боли и радости.

— Ты жив? — спросил он.

— Голова очень болит.

— Ты жив, Федька! — повторил Гога. — Помоги мне сесть...

Федя потянул его за кожанку. Гога, опираясь рукой о землю, приподнялся и прислонился спиной к дереву. На лице его выступил пот, и он снова закрыл глаза.

— В кабине, в боковом кармане... аптечка... принеси.

Федя с трудом добрел до машины. Свесившись в кабину, он достал аптечку. Гога от-

крыл ее одной рукой и обмотал Федину голову широким бинтом. Кровь перестала течь.

— Теперь нужно достать брезент, он в багажнике. Помоги мне встать.

Федя присел. Гога обнял его за шею, и они оба, покачиваясь, поднялись на ноги. Голова Феди гудела, но все же он заметил, что каждое движение дается Гоге с большим трудом.

— Почему ты не можешь идти сам? — спросил он.

— У меня внутри что-то неладно. Кажется, ребра...

Они вытащили брезент и расстелили его у подножия той самой ели, о которую ударился Гога.

Так они просидели ночь, а наутро услышали далекий рокот мотора. Он погудел чуть слышно и стих.

— Они могут нас не найти, — сказал Гога. — Мы шли километров на тридцать южнее трассы. А машина врезалась в самую гущу: сверху не видно. Понимаешь, Федор?

— Да.

— Ты можешь идти?

— Сейчас. — Федя поднялся на ноги. Все поплыло, закружилось перед глазами. — У меня будто лопнула голова, — сказал Федя. — Я хочу идти и не могу.

— Это получилось глупо, — сказал Гога, глядя прямо на Федю. — Я не должен был этого делать. Но я пугал их не раз, когда летал один... Они всегда разлетаются. Их нельзя сбить, даже если хочешь. Этот дурак ударился о винт, и полетела лопасть... Я не оправдываюсь, малыш! Когда мы вернемся, мне не будет пощады!

— Я никому не скажу, — ответил Федя. — Ты не думай...

— Спасибо, — медленно проговорил Гога. — Спасибо, Федор. Но я сам себе не дам пощады. А теперь я должен идти. Если я встану, то дойду. Я не бросаю тебя, понимаешь? Все дело в том, что они могут нас не найти. Отсюда километров двадцать до реки. Но они ищут совсем не там. Помоги мне чуть-чуть.

И снова мальчик опустился на четвереньки, а взрослый навалился на него грузным своим телом. Гога медленно с трудом поднялся и встал, покачиваясь, а Федя сел на землю, устало прислонившись спиной к стволу.

— Оставляю две плитки шоколада, это весь бортовой «НЗ». — Гога бросил к ногам Феди шоколад, ракетницу и три толстые гильзы с ракетами. — Ракетница заряжена. Если услышишь мотор, стреляй вверх. Шоколад постарайся растянуть на два дня. Завернись в брезент сам; я не могу наклоняться.

Федя с трудом понимал слова. Все плыло перед глазами от нестерпимой боли в голове, и все, кроме этой боли, было ему безразлично. Когда он поднял голову, то, как сквозь туман, увидел высокую фигуру летчика, которая, странно вздрагивая и покачиваясь, постепенно скрылась за деревьями.

Федя сидел, не шевелясь: малейшее движение причиняло боль. Он не думал ни о себе, ни о Гоге, не думал о том, найдут их или нет, — ему было сейчас все равно.

Рядом искалеченная «шаврушка» уткнулась крылом в землю. Теперь она принадлежала тайге и как бы стала ее частью. Она была мертва, и мальчик равнодушно смотрел на ее стрекозиный профиль, уже не удивляясь тому, как нелепо выглядит ее поплавок, уткнувшийся в развороченную муравьиную кучу. Есть ему не хотелось. Муравьи облепили плитки шоколада. Но Федя даже не протянул руку, чтобы спрятать плитки в карман.

К вечеру снова послышался гул мотора. Он приближался, нарастая, и вот уже гремел где-то справа, совсем близко. Федя нащупал рукой ракетницу и выстрелил вверх. Рокот мотора начал удаляться. Превозмогая боль, Федя еще дважды закладывал толстые гильзы в ствол и стрелял вслед уходящему самолету. Но пилот не заметил ракет.

Где-то на западе уходило за горизонт невидимое солнце. Между деревьями поползли голубые ручьи тумана. В глубине леса потрескивали стволы, отдавая тепло короткого дня.

Федя плотнее закутался в брезент, но долго не мог уснуть и почти до утра просидел, прислушиваясь к звукам, доносящимся из темноты. Он не пугался этих звуков: ему было все равно.

Утром на брезенте выступили капли росы. Федя шевельнулся, и капли, сбивая одна другую, покатились вниз, образовав в складке маленькую лужицу. Федя двумя руками приподнял край брезента, поднес его ко рту и только тогда понял, что ему очень хочется пить.

Это было утро третьего дня.

Вскоре снова донесся шум самолета.

Мальчик слушал приглушенный рокот, и в его затуманенной голове возникла неясная, но назойливая мысль, что оставшаяся ракета последняя и что он не имеет права просто так выпустить ее в небо. Дальнейшее Федя делал почти машинально. Он поднялся и, нетвердо ступая затекшими ногами, направился к самолету. Забравшись на поплавок, он открыл сливной кран. Толстая струя бензина из чудом уцелевшего бака ударила в землю. Федя слез, отошел метров на пять и, спрятавшись за дерево, выстрелил из ракетницы в бензиновую лужу. Пламя факелом взметнулось вверх.

Федя отошел в глубь леса и лег.

Над тайгой потянулся дымный след.

* * *

Спасательный отряд, высланный к месту пожара, указанному пилотом, обнаружил Федю метрах в пятидесяти от сгоревшего самолета. Когда его спросили о Гоге, он уже не мог говорить и только слабо махнул рукой в сторону реки.

Гогу нашли уже на другом берегу реки. Он стоял, прислонившись к стволу дерева, и медленно сползал вниз на подгибающихся ногах. Но он не упал, а выпрямился, и снова начал сползать, и снова выпрямился. Он не имел права падать, потому что встать уже бы не смог. Эти двадцать километров он шел почти сутки — от ствола к стволу, в густой, по пояс траве, спотыкаясь о гнилые лесины. И за все сутки Гога ни разу не лег и даже не сел: он боялся, что не сможет подняться.

Когда его заметили, он, еще не видя людей, отпустил ствол березы и, наклонившись, почти падая, перешел к следующему.

До поселка ему оставалось километра два.

Их доставили в город на одном самолете и положили в больницу. У Феди оказалось сотрясение мозга. У Гоги было сломано четыре ребра.

Ночью Гога потребовал врача.

— Что с мальчиком?

— Вам обязательно знать сейчас? — сказал врач. — Для этого вы меня подняли с постели? Вы должны лежать спокойно и не задавать вопросов.

— Я очень прошу вас!.. — сказал Гога.

— У него сотрясение мозга.

— Что ему может помочь?

— Ничего. Только покой.

— Он будет жить?

— Наверное.

— Он выздоровеет полностью?

— Возможно.

— Позовите пилота, — сказал Гога.

— Какого пилота? Сейчас ночь!

— Любого пилота с рейсовой машины. Они ночуют в гостинице.

— Я еще не сошел с ума! — сказал врач.

— Я вас очень прошу, — повторил Гога.

Он добился своего. Пилот пришел.

— Слушай, друг, — сказал Гога, — ты когда будешь в Красноярске?

— Завтра.

— А обратно?

— Послезавтра.

— Привези профессора. Тебе доктор объяснит, какого нужно.

— Ему не нужен никакой профессор, — сердито сказал врач, — ему нужен только покой.

— Я не хочу вас обидеть! — Гога умоляюще взглянул на врача. — Но мне не приходится выбирать. Я хочу, чтобы он жил.

— Немедленно спать! — крикнул врач, окончательно выйдя из себя. — А вы, товарищ, отправляйтесь домой!

* * *

Сентябрь сыпал с неба пригоршни колючей крупы. На берегу в ожидании первых морозов уже стояли на катках катера. Навигация заканчивалась. Из-за окна доносились в Федину комнату басы пароходов. Больница стояла на откосе над самой пристанью.

Феде уже разрешили ходить. Раза три появлялась тетка. Она сидела у постели, роняя на белый халат слезы, и советовалась с Федей, в какой суд лучше подать, в здешний или прямо в Москву. Она хотела получить с Гоги какие-то деньги за увечье.

Приходили ребята из Фединого класса. Белые халаты топорщились на них, говорили они почему-то шепотом. Ребята чувствовали себя неловко и быстро ушли, оставив на табуретке пахнущие весной апельсины.

— А я уезжаю... — сказал им Федя на прощание.

Пилот все-таки привозил профессора, который, как и туруханский врач, рассердился, сказал, что нечего было поднимать панику, и улетел, не взяв денег.

В один из октябрьских дней Гога пришел к Феде в больницу.

— Я уезжаю сегодня, — сказал он. — Это последний пароход.

Федя смотрел на его плечо. Федя смотрел только на плечо, потому что боялся расплакаться.

— А я... — наконец выговорил Федя. — Меня выпишут завтра...

— Я не забыл уговора. Понимаешь, Федор, мне нужен год, чтобы снова стать человеком. Я добьюсь этого. Мне не верят сейчас. И они правы, что не верят...

— Я никому не говорил про гуся, — тихо сказал Федя. — Они приходили спрашивать, а я ничего не сказал.

— Да разве в этом дело! Через год... ты веришь в клятвы? Я клянусь: через год я заберу тебя отсюда! А сейчас и ты не имеешь права мне верить. Я получил строгое взыскание...

— Пускай... — сказал Федя.

— Меня понизили в должности.

— Пускай...

— Меня переводят отсюда. Я не могу смотреть ребятам в глаза...

— Пускай, пускай!..— упрямо повторял Федя.— Чего ты мне объясняешь? Ты сам не хочешь... И я... И не надо...

— Не обижайся, Федор! — Гога обнял его за плечи, но Федя вырвался и подошел к окну.— Я даю слово: через год... Сейчас нельзя. Я сам еще не знаю, что со мной будет.

Гога ушел, сказав на прощание пустые слова: «Будь мужчиной!» Но Федя не хотел быть мужчиной.

Федя стоял у окна и видел Гогу, идущего с чемоданом к пристани. Трап прогибался под тяжестью его шагов. Поднявшись на пристань, Гога обернулся, и Федя резко отодвинулся от окна.

Басистый гудок — один длинный, другой короткий. Под его мощным напором дрогнуло стекло. Федя почувствовал это лбом. Заторопились грузчики, вкатывая по трапу последние бочки.

Второй гудок проревел и утонул в сером промозглом тумане, опустившемся на реку.

Матрос на пристани подошел к тумбе и начал неторопливо сматывать канат.

И вдруг Федя подумал, что он не сказал Гоге самого главного. Да, он не сказал, что все-таки верит и будет ждать.

Федя толкнул раму, вскочил на подоконник и, как был,— в серых больничных штанах и халате — бросился вниз по откосу. Он ворвался на пароход вместе с третьим гудком, перепрыгнул через какие-то корзинки и сразу же увидел мокрый прорезиненный плащ Гоги.

— Я хотел тебе сказать...— проговорил Федя.

Но машина уже работала, и пристань медленно уходила от парохода.

— Ерунда,— засмеялся Гога.— Я сам хотел... Ты понимаешь, Федор! Мы купим тебе одежду на первой же остановке.

★

Звездный театр

Н. КОРДО

Сто чудесных сцен подряд
постановщик создал.
Посетитель очень рад:
все артистки — звезды!

Представления дают
крупные светила.
Марс, Нептун собрались тут
(избранные силы!)

Небо Мексики,
Афин,
острова Суматра
смотрит с красочных афиш
звездного театра.

Вот Луна
(она с пятак
или чуть поменее).
Начинается спектакль
«Лунное затмение».

Тьма сгущается вокруг
лунных полушарий...
Ну,
сообразил, мой друг!
Это планетарий!

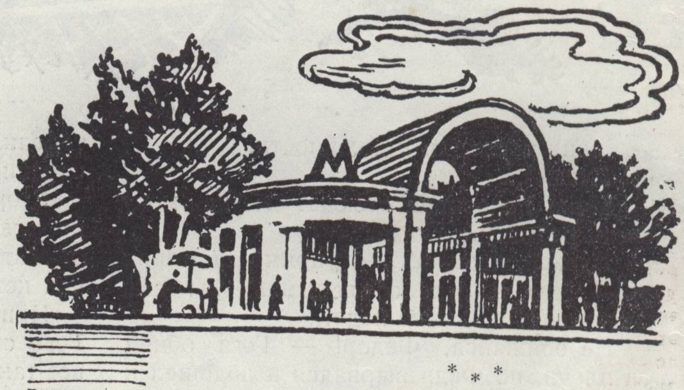

Блины

Великолепны
красавцы блины!
Любой ноздреват,
как поверхность Луны
Любой аппетитен,
румян
и увесист.
Отрежь половину —
получится месяц.
Лежит на тарелке
гора полнолуний.

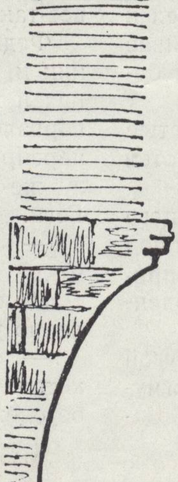
Сознайтесь, ребята,
текут у вас слюни!

* * *

В разветвлениях метро
бродит множество ветров.
Взад-вперед,
вокруг да около,
из конца Москвы в конец,
от Сокольников до Сокола,
ходит ветер-сорванец.
Он спешит по переходам.
Бьет ключом его струя.
Тут стоит своя погода,
а на улице — своя.
На земле сегодня ведренно,
под землей сегодня ветрено.

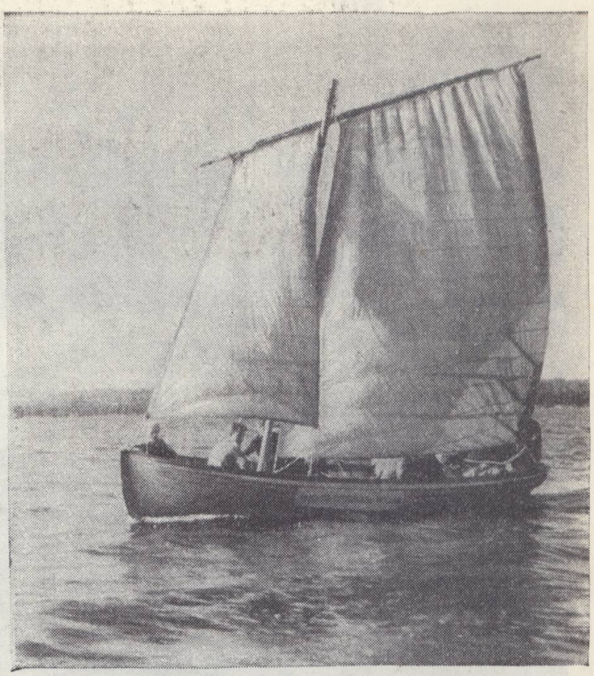

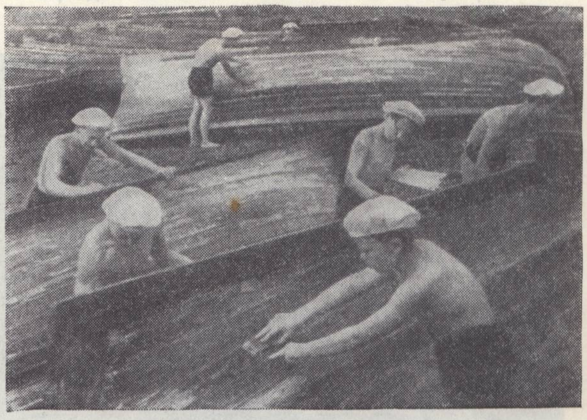
Рисунки В. Федяевской.

Москва— Ярославль— Москва

Фотоочерк С. КАРАСЕВА и Е. РУБЦОВОЙ.

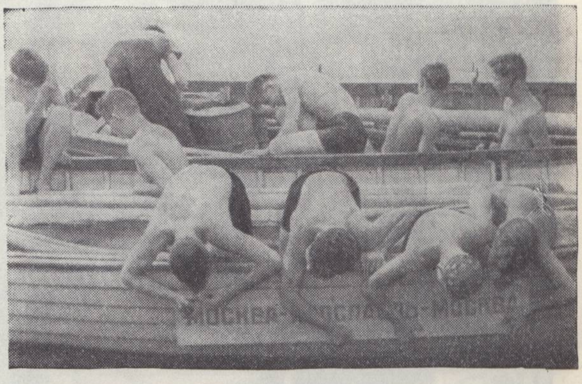
Их было двадцать шесть. И три «шестерки» —три шестивесельные морские шлюпки, вооруженные рейковым парусом, веслами и мотором. Так сказать, на все случаи жизни. Среди двадцати шести были люди разных специальностей. Одни умели взнуздать ветер грот-шкотом и, поймав его в паруса, вести судно так, что седые «усы» пенятся у форштевня. Другие повелевали силами, возникающими в цилиндре подвесного мотора, когда горючая смесь, сжатая поршнем, воспламенена искрой. Третьи... Впрочем, третьих не было, потому что владеть веслами полагалось всем мореплавателям — и «парусным» и «моторным».

Двадцать шесть юных моряков Московского городского Дома пионеров готовились к походу задолго до того часа и дня, в который началось плавание. Зимой они изучали теорию. Одни — мотор, другие — парус. Законы, по которым воздух и вода помогают (или мешают!) движению судна. Правила плавания по водным путям. Ведь это действительно сложная наука! Надо знать язык пароходных гудков, язык сигнальных огней, мигающих, движущихся и неподвижных. Красными, зелеными и белыми звездами зажигаются они на воде, как стемнеет. Одни из них говорят: «Здесь фарватер, так держи курс!» Другие говорят: «Я встречное судно. Буксир. Не пересекай мой кильватер: в нем тянутся три баржи». Третьи предупреждают: «Здесь мель». Четвертые: «Вход в канал. Если тебе сюда, измени курс». Пятые: «Стою на якоре. Веду гидрографические промеры. Обойди меня по правому борту».

Все это узнавалось зимой, а потом были экзамены. Редко случается, чтобы экзамены нравились. Но если на экзаменах вопросы, от которых веет морем, штормами и солнцем, если в ответах такие слова, как «клотик», «ахтерштевень», «бегучий такелаж», «ходовые огни», «бакштаг» и «дирик-фал», каждый чувствует себя старым морским волком...

Кавалерист ухаживает за своим конем. Моряк — за своим судном. Весна принесла юным морякам новые увлекательные заботы: надо было готовить пионерскую флотилию к плаванию.

«Шестерки» зимовали на Химкинском водохранилище. Кусочек берега, где, перевернутые, они скучали всю долгую зиму, с первым весенним солнцем превратился в док.

Здесь каждое воскресенье кипела работа вовсю. Сначала ребята скребли бока и днища своих кораблей, скребли «до дерева», удаляя старую краску. Потом тщательно шпаклевали все швы, потом грунтовали. И вот наконец, блистая белизной свежей покраски, покачиваются спущенные на воду «шестер-

ки», уложены на банках вдоль бортов рангоут и паруса, а на левом борту у каждой шлюпки торжественно водружается надпись: «Москва — Ярославль — Москва». Таков маршрут шлюпочного пионерского похода — традиционного похода юных моряков Московского Дома пионеров.

Итак, их было двадцать шесть. Вот они все торжественно выстроились на берегу перед выходом в плавание. Вот у входа в канал они сменили паруса на мотор. Вот уже весело булькает и шипит первая каша на первом привале, а волны Московского моря тихо набегают на бережок. Можете быть спокойны — каша получилась на славу.

Кстати сказать, слова «повар» и «кашевар», разумеется, отсутствовали в походном словаре. Вместо них было звучное и веселое морское слово «кок». Кок — должность увлекательная. Одно название чего стоит! Обязанности кока исполняют по очереди. Сперва отличился Саша Кулаков, самый молодой кок. Его обеды и завтраки были признаны особенно вкусными. Потом два Юры: Николайчик и Раевский. Они сумели разжечь костер и приготовить ужин под проливным дождем. Эти два искусных кока получили награду: банку сгущенного молока «в личное пользование».

Перед приходом в какой-либо морской порт — например, в Дмитров на Московском море или в Углич на Рыбинском море — последняя стоянка всегда бывала полна хлопот и волнений.

В экипажах трех «шестерок» крепки традиции большого флота. Какой моряк выйдет на берег неряшливым, неподтянутым, неотутюженным! А где на линкоре или на подлодке мамы, бабушки, старшие сестры? Каждый моряк умеет стирать, шить, штопать, утюжить. И наши двадцать шесть — тоже. Вот почему перед прибытием в порт, на последнем привале ца-

рило оживление: стирались тельняшки, отглаживались складки на брюках, пришивались на «суконку» освеженные утюгом синие матросские воротники — «гюйсы», до блеска чистились ботинки...

А потом снова ветер, солнце, волны. Снова парус.

Иногда для отработки мастерства объявлялась тренировка в гребле. И вот дружно взлетают и ложатся на воду весла, и кажется, шлюпки не шлюпки, а огромные рыбы шевелят перьями своих плавников. Шлюпки идут кильватерной колонной, потом делают поворот «последовательно», а если будет команда к повороту, «все вдруг» выполнят и ее.

Идут, словно суда в кильватере, дни и недели, наполненные мужественными радостями морской жизни и морских приключений.

И вот «шестерки» возвращаются к причалам «водного стадиона» в Химках. Ребята, совершив плавание по трем рекам, двум морям, многим километрам Канала имени Москвы, снова дома. Дома — это не только в квартире, где ты спишь, учишь уроки, отдыхаешь, где мама ждет тебя с обедом или ужином. Дома — это и в том старинном особняке на тихой улице, которая носит имя коммуниста Александра Стопани, где маками цветут красные галстуки и где ребята учатся хорошо дружить, хорошо отдыхать и весело трудиться. Словом, Московский городской Дом пионеров.

Сибиряк

С. АНТОНОВ

Рисунки Е. Афанасьевой.

Война с бабушкой у Наташи началась давно и шла беспрерывно, с переменным успехом. То и дело можно было слышать:

— Ты куда собралась?

— На улицу.— Наташа на ходу натягивала на себя пальто.

— Никуда не пойдешь.

— Я к девочкам хочу.

— Довольно, Наташа. Два часа уже болталась с ними незнамо где.

— Я на минутку, бабушка.

— Нет, Наташа, хватит. Вечер на дворе.

— Хорошо, не пойду.— Наташа подчеркнуто спокойно снимала пальто, вешала его на место.— Но и есть твою противную кашу не буду. В печенках эта каша у меня сидит. Вот где! — И Наташа показывала на сердце.

Потом она уходила в комнату и брала в руки книжку. С бабушкой все-таки легче, с мамой труднее: от нее и шлепок можно получить, хоть и легонький. А это обидно для человека, который вместе с другими распевает «Широка страна моя родная...» и учит про Конституцию.

Столкновения у Наташи с бабушкой происходили и по другим поводам. Можно было услышать такое:

— Нарядила меня в это пальто, я от жары чуть не умерла.

Это Наташа пришла из школы. Щеки у нее горят, пальто расстегнуто, варежки в кармане; пихнула их туда кое-как, большие пальцы оттопырены в сторону, будто они-то и помешали всунуть варежки глубже.

— Ни за что больше не надену.— Наташа тянулась вверх и вешала пальто на место.— Наказание какое-то, а не пальто!

— Наверное, бежали сломя голову, вот и жарко. А если идти спокойно, промерзнешь. Что по радио передавали? Три градуса ниже нуля...

— Идти... Кто же из школы спокойно идет, бабушка? — удивлялась Наташа.

Так и жили бабушка и Наташа, пока ее отец и мать были на курорте.

Однажды, когда Наташа вернулась из школы, она увидела в коридоре чемодан, а на вешалке пальто и пиджак. Пальто было большое, пиджак — маленький. На вопрос Наташи бабушка ответила, что к их соседу по квартире приехали брат Василий и племянник Степан.

Она тут же узнала от бабушки, что Степа — хороший, послушный, не в пример ей, мальчик. Случилось так, что и в следующие дни Наташа не увидела его: когда уходила в школу, Степа еще спал, когда возвращалась, он был в зоопарке или в планетарии. А бабушка при каждом столкновении с Наташей ставила Степу в пример:

— Степе скажут, что нельзя, он и слушается, а ты сплошное наказание! Мальчик меньше тебя, а, ей-богу, умнее! Сейчас же садись за стол, ешь суп и ничего не выдумывай! «Селедкой пахнет»! Надо же придумать! Мы ее полгода не покупали. Садись, Наташа, ешь!

Степа, неведомый Наташе, все чаще и чаще упоминался как примерный мальчик.

После обеда он помогал тете Вере таскать грязную посуду из столовой на кухню, чего Наташа не делала; Степа с удовольствием крутил ручку мясорубки...

— Он мужчина,— услышав о мясорубке, перебила Наташа бабушку.— И пусть крутит. А я девочка!

— А девочке положено тарелки мыть, а ты не моешь!

— А Степа твой моет, бабушка? — спросила Наташа.

— Не моет, но если скажут, и тарелки помоет. И ест все подряд, что дашь.

— Наверное, вкусное дают,— заметила Наташа.

— Он ест все, что дают.

Степа и спать ложился вовремя, и грубо не отвечал старшим, и занимался своими делами, не болтаясь под ногами у взрослых, и прочее, и прочее, и прочее.

Наташа чаще всего молчала, когда ей говорили о Степе, но однажды заметила все же:

— Уши ты мне прожужжала своим Степой!

В воскресенье рано утром она вышла в коридор, чтобы увидеть этого Степу. Он долго не появлялся, но наконец, прыгая на одной ножке, Степа выскочил из комнаты в коридор. Заметив Наташу, он побежал к себе и вернулся в коридор, неся в руке мешочек. Степа был светло-русый, небольшого роста, немножко курносый мальчик. Обут он был в старые валенки.

Подойдя к Наташе, Степа тихо спросил, застенчиво и приятно улыбаясь:

— Ты Наташа?

— Да. А ты Степа?

— Ага.

— Ненавижу я тебя,— ответила Наташа.— Вот!

И убежала в комнату да еще хлопнула дверью.

Степа постоял, растерянный, и пошел к себе, не понимая, что произошло. Мешочек с кедровыми орехами, подарок Наташе из Сибири, он положил обратно в шкаф, ничего не сказав ни отцу, ни тете, ни дяде. Все дни ему, Степану, говорили, что он должен вручить подарок сам и познакомиться с Наташей. Она хорошая девочка, может многое рассказать ему о Москве, показать книжки и игрушки, среди которых было много интересных. Он не столько обиделся, сколько не мог понять, отчего Наташа так плохо отнеслась к нему. Вскоре, увлеченный другими занятиями, он забыл об этом, по-прежнему скакал на одной ножке, что-то мурлыкал себе под нос, рисовал.

Он часто стоял у окна и смотрел на город, открывавшийся ему с высоты четвертого этажа. Такого большого города Степа еще никогда в жизни не видел, и его интересовало, а что вон за теми домами, за тем корпусом.

За теми домами оказывались другие дома, а за другими домами еще дома, и так, казалось, до бесконечности. Где же конец этому городу и есть ли он?

Когда звонил телефон, Степа старался первым подбежать к столу и осторожно снимал трубку.

— Да,— отвечал он невидимому собесед-

нику.— Нет, не Вера Ивановна, а Степа. Какой? Степа из Сибири.

Его увлекали эти разговоры, и он спрашивал:

— А откуда этот дядя звонил?

— Как откуда? Из квартиры.

— А квартира далеко?

— На Таганке.

— Сколько же это будет километров?

— Не знаю, Степа. Пять или десять.

— Де-е-есять? — удивленно повторял Степа, растягивая слово.

Телефон он скоро освоил и сам стал часто звонить. Но так как знакомых в Москве у него не было, он звонил на станцию автоматических часов.

Услышав время, сказанное четким мужским голосом, он говорил: «Спасибо» — и смотрел на часы, стоявшие на столе. Если они врали, он подводил их.

Будильник, настольные часы, наручные часы дяди и тети были выверены до минуты.

Степин дядя, уходя на работу, часто забывал взять с собой то очки, то носовой платок, то мелочь для троллейбуса. Заметив это, Степан иногда по утрам кричал вслед уходящему:

— Дядя Вась! Дядя Вась! Очки не забыл?!

Тот, проверяя свои карманы, отвечал:

— Нет, Степа, здесь очки.

— А платок взял, дядя Вась?

— Платок? Взял, взял.

— А мелочь, дядя Вась?

— Мелочь? Гм... Мелочь не взял.

И Степа бежал к дяде Васе с мелочью.

После обеда, когда Наташа возвращалась из школы, Степа старался реже появляться в коридоре. Так или иначе они виделись, но не разговаривали.

Наташа заметила, что Степа вместо «да» говорит «ага», вместо «немножко» — «маленько», вместо «класть» — «ло́жить» и очень часто к месту и, как казалось, не к месту — «однако». Тетя Вера просила мальчика:

— Степа, милый, не надо говорить «ага». Говори «да». Ты понимаешь меня? Так будет лучше и правильнее. Понимаешь?

— Ага,— ответил Степа и поправился: — Да, тетя Вера.

То обстоятельство, что в образцовом и непогрешимом Степе вдруг обнаружился какой-то изъян, обрадовало Наташу. Пусть теперь бабушка сделает ей замечание и поставит в пример Степу, она ей ответит! Она скажет, что какая бы она плохая ни была, она все-таки не говорит ни «ага», ни «ло́жить». Пусть только бабушка что-нибудь скажет! Но потом что-то смутило Наташу. Она подумала, что все-таки Степа ни в чем не виноват. Он же сибиряк, а в Сибири, очевидно, многие так говорят, просто это у них такая привычка.

Но в другой раз Степа действительно оказался в ее руках.

Наташа вернулась из школы и вдруг услышала, как в коридоре тетя Вера звала:

— Степа! Степа, где ты?

Ответа не было.

— Степа! — слышала Наташа голос тети Веры, искавшей Степу уже по своим комнатам.

Степа не отзывался.

Наташа вышла в коридор. Тетя Вера снова была здесь. Она заглянула в ванную, на кухню, Степы не было.

— Пиджак-то...— спохватилась тетя Вера и подошла к вешалке. Пиджак Степы висел на месте. Это еще больше испугало ее. Куда же он мог уйти зимой без пиджака?

— Наташенька, не видела Степу? — спросила тетя Вера.

— Нет, тетя Вера, не видела.

— Клавдия Петровна,— обратилась тетя Вера к Наташиной бабушке,— вы ничего не видели, ничего не знаете?

— Да вот только сейчас здесь бегал, вот только что, как Наташе прийти,— в недоумении сказала бабушка.— Ну иди, Наташа, иди, суп остынет. Не знаю, куда он мог деться. Под кроватями, под тахтой искали, Вера Павловна? Ведь они такие. У меня дочка раз полчаса под кроватью сидела, пряталась.

Тетя Вера бросилась искать Степу под кроватями и тахтой. Но его и там не было. Не было его и на площадке.

— Вот ваш Степа,— сказала Наташа, вылавливая из супа картошку.— За весь мой век никто меня не искал, нигде я не пропадала.

— Молчи! — прикрикнула на нее бабушка, подавая оладьи.— Может быть, не дай бог, с ним случилось что. Говорунья! — Она помолчала и, озабоченная, добавила: — Посмотреть на площадке еще раз...

Бабушка вышла на площадку, Степы там не было. Вера Павловна выбежала во двор, но тщетно. Ребятишки лениво катались на салазках, выковыривали из-под снега кирпичи, недавно сброшенные с автомашины. Степы и на дворе не было.

Наташа доела компот, усиленно звякая

ложкой о стакан. Но, озабоченная и встревоженная, бабушка ничего не сказала Наташе, и та, вставая из-за стола, тихо проговорила вместе с громким «спасибо»:

— Вот ваш Степа!

— Наташа! — строго сказала бабушка.

— А я ничего,— сказала Наташа и почувствовала, что перестаралась. Ведь бабушка волнуется за Степу. Как ни ссорилась Наташа с бабушкой, она всегда помнила, что бабушка ее любит, может быть, именно поэтому так строга с ней и придирчива. Наташа тоже любила бабушку и не хотела, чтобы та волновалась. Она облизала губы и вышла на площадку. «Где же все-таки этот Степа?»

Рассеянно глядя на поднимавшийся с тихим сухим треском лифт, Наташа заметила в нем светло-русую головку, выглядывавшую из-за чьих-то пальто. «Степа!»

Стремглав бросилась она наверх, желая скорее проверить самое себя. Наташа была уже на площадке пятого этажа, когда лифт спускался вниз. В кабине был Степа. Один. «Вот ты где!» — подумала Наташа и побежала вниз, перепрыгивая через одну-две ступеньки. «Вот ты где!»

В лифт входили, поэтому Наташа застала его внизу, но войти в него не успела. На ее глазах захлопнулась дверца, и кабина поплыла вверх. Наташа сложила на груди руки, как это делала бабушка, когда заставала Наташу за неподобающим занятием. Бабушка в таких случаях со сложенными на груди руками молча на нее смотрела, всем видом как бы желая сказать: «Хороша, что и говорить! Посмотрю я, что ты сейчас будешь делать!»

Наташа дождалась, когда лифт снова опустился, и едва он, останавливаясь, мягко подпрыгнул на тросе, вошла в кабину.

— Катаешься? — спросила она Степу.

— Ага,— спокойно ответил Степа.

У Наташи зачесались руки.

— Во-первых,— запинаясь от нетерпения, быстро заговорила она,— во-первых, «ага» не говорят, а говорят «да», а во-вторых, в доме с ног сбились, тебя ищут. Тетя Вера к управдому звонит.

Степа покраснел и полуоткрыл рот. Действительно, он сделал что-то не так.

— А-а! — с укором сказала Наташа.

Она метнулась на лестницу, потом вернулась в лифт — так будет быстрее! — и нажала кнопку своего этажа. Ей не терпелось сообщить новость, упиться своим торжеством. Степа был у нее в руках. Сейчас она, едва остановится лифт, выскочит из него и вбежит в коридор.

— Степа на лифте катается! — оповестит она всю квартиру.

Это будет значить: вот ваш хваленый, образцовый, непогрешимый Степа, которого ей бабушка все время ставит в пример. Вот! Вот! Вот!

Лифт остановился, Наташа выбежала на площадку, но Степа остался в лифте. Он был расстроен, стоял и хмуро смотрел в пол.

Ему было досадно, что так нескладно все получилось.

— Нельзя кататься на лифте? Ага? — спросил он Наташу.

— Подниматься можно, а катаются на троллейбусе или в метро,— сухо ответила Наташа.— Выходи, выходи, может быть, кому лифт нужен.

Степа вышел. Наташа захлопнула дверцу.

— На лодке еще можно кататься,— сказал он.

— А ты катался на лодке? — спросила Наташа.

— Ну а как же? — удивился Степа.— Весной у нас в школу иной раз по дороге не дойдешь, на лодке добираюсь.

— В школу на лодке? — изумилась Наташа и засмеялась.— Вот это здорово! А я вообще на лодке не каталась. А хорошо на лодке?

— Хорошо,— ответил Степа и добавил:— Когда днище не худое...

— А что такое днище?

— Днище. Ну, днище... Дно.

— А-а,— поняла Наташа.— Дно... А ты катался на худой лодке?

— Маленько пришлось.

— Почему «маленько»?

— Тонуть стала,— просто ответил Степа.

— Как тонуть? — с испугом спросила Наташа.— Просто-таки тонуть? С тобой?

— Ну а как же? Со мной.

— Это ж можно помереть было совсем.

— Можно. Но вот не помер, но болел. Я за корягу схватился.

— А что такое коряга? А на какой реке это было? Чем ты болел?

— На Ангаре, однако. А коряга...

Но Степа не успел ответить. Дверь открылась, в ней стояли тетя Вера и бабушка.

Пока растерявшиеся от неожиданности взрослые приходили в себя, Наташа взяла Степу за руку и мягко сказала, переступая порог:

— Он на лифте катался. Мы вместе катались. Там, где он живет, нет ведь таких высоких домов. Там маленькие дома.

— Степа! — только теперь выкрикнула тетя Вера, хватаясь за сердце. Она увела его к себе и, посадив на колени, обняла.— В отсутствие отца! Что могло быть! Наташенька, спасибо тебе, родная.

Наташа стояла рядом с бабушкой и молча кивала головой.

Когда все успокоились, Степа достал из шкафа мешочек с кедровыми орехами и подошел к Наташе.

— Вот, привезли маленько,— сказал он, смущаясь.— Сам собирал, однако. Бери.

— Спасибо, Степа,— ответила Наташа и увела его к себе послушать, как он тонул в реке Ангаре.

ХЛЕБ

Елена БЛАГИНИНА

На свете я видела хлеба немало...
Крестьянка его из печи вынимала
И клала на стол, осеняя крестом,
И он отдыхал, накрытый холстом.

В горнице пахло сильно и сладко,
Хлеб грозным казался, как имя отца.
За трапезой ели его без остатка —
Ни корки, ни крошки, ломоть — до конца!

На свете я видела хлеба немного...
Его отмеряли так скудно, так строго,
Его запивали крутым кипятком,
Его называли не хлебом — пайком.

С соломой, с мякиной, с трухой, со жмыхами,
Он все же казался желанней всего.
И матери тайно и тяжко вздыхали,
Когда на частицы делили его.

На свете я видела хлеба — разливы:
Мешки, бункера, элеваторы, нивы...
Он золотом лился, волною бежал,
Горой на токах деревенских лежал.

И если примечу кусок в небреженье —
В грязи придорожной, в подножной пыли,
То самое первое сердца движенье —
Поднять и спасти это чудо земли.

«ЧП» В ПЕРВОМ ОТРЯДЕ

Недавно я целый месяц провел в одном пионерском лагере. Называется он «Белые поляны». Хороший лагерь. Мне очень там понравилось. Знаете, я люблю такие лагеря, где на ребят не кричат, не шумят, где все живут свободной жизнью. Нет, конечно, режим дня там соблюдается: и ложатся спать вовремя, и на линейку ходят, и даже мертвый час есть — по-настоящему «мертвый», а не так, как в других лагерях, где после обеда только и начинается игра в пинг-понг да катание на качелях. Но в остальном жизнь здесь свободная. Решат ребята: завтра в поход пойдем. Посоветуются с вожатым, маршрут позамысловатее, поинтереснее выберут, выпишут продукты и пойдут. Или ночную военную игру устроят. Или вдруг совесть заговорит в них: «Что это мы бездельниками живем?» Встанут пораньше, до жары, и колхозу помогут: сено ворошат, копнят его или грядки полют. А после ужина наберут картошки — да в лес, на заветную отрядную полянку, костер жечь. Эх, хорошо же у такого костра! В этом лагере ребята не глупцы: они не станут к костру стихи учить да монтажи по бумажкам читать. Огонь разведут небольшой, усядутся, улягутся потеснее, и начинаются рассказы, разговоры, споры...

Словом, хорошо было в лагере.

Только в первом отряде что-то не ладилось. Я сначала никак не мог понять, чем не нравится мне этот отряд. Но перед самым концом смены там произошло чрезвычайное происшествие — «ЧП», как говорят в лагерях, — и тогда все стало понятно.

Однажды после завтрака пропал Володя Бехтерев. Когда ребята собирались идти купаться, все видели его. Саша Машков еще сказал Володе:

— Сегодня я первый с ластами плаваю.

Володя молча протянул свои ласты. И больше его никто не видал. Если бы Володю в последний раз заметили на реке, все бы испугались. Думали бы, что утонул. Там очень коварная речушка. Гусиха называется. В одном месте ее октябрята вброд переходят, а сделаешь шаг в сторону — взрослому с ручками. Со дна ключи холодные бьют, так что человека могут судороги схватить. Страшная эта Гусиха. Но мы все знали, что Володя Бехтерев на реке не был, а сам без отряда он купаться не побежит. В этом лагере никто в одиночку не купался. Зачем? И с отрядом можно вдоволь понырять. Одному на речке что делать? Скучища.

Значит, не утонул.

Однако настало время обеда, уже кончился мертвый час, скоро ужин, а Бехтерева все нет. Вожатая в отряде молоденькая, первый год в лагере, так она места себе не находит, растерялась.

А ребята ничего не говорят. Ходят мрачные. Только Саша Машков подошел к Люсе — так вожатую звали — и сказал:

— Да вы не беспокойтесь! — Потом усмехнулся и добавил: — Оборвался он...

— Как «оборвался»? — не поняла Люся.

— Ну, значит, убежал, — пояснил из-за спины Саши его дружок — маленький Витька Корниец.

И правда. На следующий день начальник лагеря Виктор Владимирович помчался в город на грузовике, на котором продукты возят, а вечером вернулся, пришел мрачный в отряд и сказал:

— Вещи его соберите. Отправить надо.

Вещей набралось немного: мыло, да зубная щетка с пастой, да футболка. Саша Машков принес Володины зеленые резиновые ласты, похожие на лапы огромной лягушки. С ними очень удобно плавать. Вещь новая, модная, ее раньше никогда в лагере не видали.

Виктор Владимирович взял ласты, покрутил их в руках и спросил:

— Что тут у вас произошло?

Ребята молчали.

— Трус он, вот и сбежал, — сказал Саша Машков и отошел в сторону.

И все как-то сникли, все отводили глаза в сторону. Я тогда сразу понял: что-то произошло в отряде. Ребята знают, почему убежал Володя Бехтерев. Но не говорят. Что Бехтерев — трус, это понятно. Только трусливые люди бегут из лагеря. Но, видно, не один он трусил. Потому что неспроста молчали ребята. Боялись они кого-то...

* * *

Потом, когда все выяснилось, когда состоялся тот разговор, я все думал: «Как же это случилось? Как один человек мог запугать целый отряд?»

И знаете, ребята, скажу честно: я так и не понял, почему это произошло. Ну, верно, Саша Машков — сильный парень. Широкоплечий, коренастый, большой. Пожалуй, он был сильнее всех в отряде. Но не такой уж он сильный, чтобы сразу со всеми справиться! Верно, что парень он был, как бы вам сказать... Вот если бы мы с вами были девчата, мы бы сказали, что он «нахал». Некоторые девочки почему-то любят это противное слово. У них каждый второй человек или «нахал», или «нахалка». Но мне всегда не нравилась нагловатая усмешка, которая нет-нет да промелькнет на лице у Саши Машкова. И все-таки бояться человека, потому что он нахал, — это уж ни на что не похоже.

Однако, как потом выяснилось, его боялись. Перед ним пасовали. Сначала это в мелочах проявилось. Играют ребята в пинг-понг, установят очередь. Подойдет Машков, протянет руку: «Давай ракетку!» Тот, чья очередь играть, только проговорит жалобно: «Саша, мне играть...», — а сам уже уступает место у стола. У Саши Машкова всюду были лучшие места: лучшее, у окна, место в спальне; лучшее, у самой кухни, место в столовой. И ведь ни разу он не дрался за свое место, ни разу никого не ударил. Так само собой получалось. Все ему уступали. Как потом объяснил Игорь Гаврилов, «связываться не хотелось». С этого «не связываться» началась смена. Ну, а позже Машков стал полным хозяином в отряде.

Знаете, бывают такие двуличные люди: с виду человек как человек, ничем особенным не отличается от других. Живем мы с ним рядом и ничего не подозреваем. А потом выясняется, что он исподтишка такое творит! Вот и отряды подобные бывают. На первый взгляд отряд как отряд: на линейку строится, в самодеятельности участвует. А на самом деле это не пионерский отряд, а что-то вроде бурсацкой компании. Есть такая книга — «Очерки бурсы» Помяловского. Кто не читал, прочитайте. Там, в бурсе, сильные великовозрастные ребята всегда измывались над остальными, изводили товарищей. Это было давно, в прошлом веке, при царском режиме. Бурсы теперь и в помине нет. А вот нравы бурсацкие кое-где еще остались.

К концу смены в первом отряде установился такой «порядок»: что Саша Машков хочет, то отряд и делает. Взбредет ему в голову: «Не пойдем в поход» — и ничего вожатая сделать не может. У одного голова болит, у другого — нога, к третьему мама должна приехать — не может он из лагеря отлучиться... Так и не состоится поход. Начали играть в военную игру, и случилось так, что Машкова первым «убили» — начальник лагеря за нарушение правил снял с него нашивку. Лег Машков на поляне и ребят вокруг себя собрал. «Кончайте», — говорит. Так и сорвалась игра.

По вечерам, когда вожатая, уложив ребят, уходила из спальни, Саша Машков начинал забавляться: то к одному пристанет с насмешками, то к другому.

И вот этих-то приставаний и боялись больше всего ребята. Какой-то странный народ подобрался в этом отряде. Ведь почти все страдали от Машкова. Им бы собраться да выступить против него сообща: живо бы сбили спесь с наглеца. А они лежат, бывало, на своих кроватях, и каждый радуется, что не к нему Машков с дружками пристает...

* * *

Ну, вот я и подхожу к концу истории. Вы, наверное, и сами уже догадываетесь, что случилось в первом отряде, почему убежал Володя Бехтерев.

Володя был новичком в этом лагере. Парень он хороший, ребята любили его. Взять хотя бы эти самые ласты. Их привез Володя, но, пожалуй, никто в отряде не пользовался ими так мало, как Володя. Кто ни попросит — бери, пожалуйста. Это он и научил Машкова плавать с ластами. И первые дни Володя и Саша дружили. А потом Володя начал понимать, что за человек Саша Машков. Пошли ребята как-то собирать хворост для костра. А в тот день привезли в лагерь маленькие удобные топорики. Сухую елку таким топориком в два счета срубишь. Кто-то из мальчишек поменьше сбегал к старшей вожатой за топориком, прибежал счастливый. Машков взял топорик, попробовал лезвие и пошел.

— Саш, я первый взял... — заныл мальчишка.

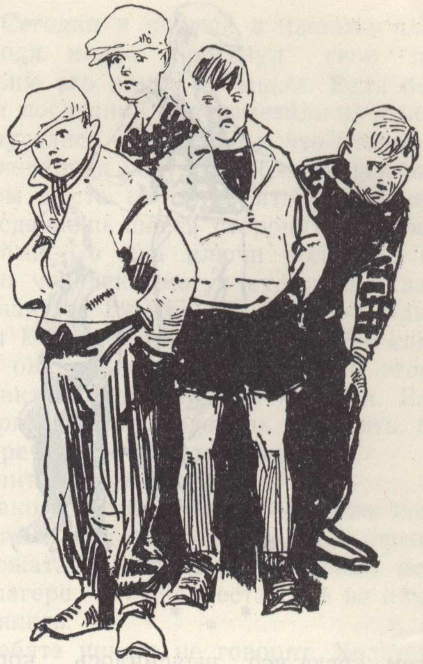
— А получишь последний. Понял? — только и сказал Машков.

Володя Бехтерев видел эту сцену.

— Отдай топорик! — сказал он.

— А ты чего лезешь? — холодно спросил Машков. Так спросил, будто они и не были друзьями, будто всегда врагами были.

Отошел Володя Бехтерев. С этого дня все и началось. Невзлюбили они друг друга. Но Володя такой: не нравится ему человек, он к нему и не подходит и не трогает его. Тоже странноватый парень был, как будто и не мальчишка. Он своей жизнью жил: с фотоаппаратом возился, на рыбалку ходил, «Юный техник» читал. Словно он один в отряде, ничего его не касается. Он, пожалуй, мог бы собрать ребят вокруг себя, дать отпор Машкову. А не хотел. «Мое дело — сторона» — вот какую позицию занимал Володя Бехтерев. А такая позиция никогда к хорошему не приведет.

Что ж тогда начнется в жизни, если вот такие Машковы станут управлять, а все вокруг будут рассуждать: «Да ладно, не стоит с ним связываться...»!

И знаете, что получилось?

Терпел Володя, не связывался, но однажды и у него терпение кончилось. Дал он ласты какому-то мальчишке, а Машков тут же подошел и отнял их.

— Ну и подлюга же ты! — сказал Володя Бехтерев.

Машков не ожидал этого.

— Ты у меня получишь... — пробормотал он.

— Драться хочешь?

И договорились противники драться. Вечером, после линейки, в палатке речного патруля. Стояла в лагере большая армейская палатка, в ней одно время жил речной патруль — несколько ребят, которые днем с биноклем и спасательными кругами дежурили на речке, чтоб ничего не случилось. В тот день там никого не было, палатка пустовала. Там и решили драться — один на один, и чтоб никто в лагере не знал.

Но, видно, не понимал Володя Бехтерев, с кем он имеет дело. Потому что когда он после вечерней линейки зашел в палатку, на него набросились сразу с четырех сторон — Машков и трое его дружков.

Володя сумел выбежать из палатки. А утром ушел из лагеря.

Я понимаю, почему он это сделал, не оправдываю его, а понимаю.

Только на минуту хватило у Володи Бехтерева мужества восстать против Машкова, и, конечно, ничего из этого не вышло. Потому что в одиночку кулаками таких людей не победишь. Остаться же в лагере и воевать с Машковым дальше Володя не мог. Он уже привык жить «в сторонке». Если человек отступает раз, другой, третий, он постепенно, сам того не замечая, становится трусом.

«Храбрости» у Володи хватило только на то, чтобы убежать из лагеря.

* * *

Вот и вся история о чрезвычайном происшествии. Осталось только добавить, что в ту же ночь после побега состоялся в спальне мальчиков первого отряда какой-то разговор. Я не знаю, о чем там говорили. Есть у ребят свои разговоры, в которые вожатому вмешиваться не полагается. Знаю только, что на следующий день ребята пришли гурьбой и сказали:

— Пусть Машкова из нашего отряда заберут.

— Почему? — удивилась вожатая.

(Мы тогда еще не знали всей этой истории, даже не подозревали, что во всем виноват Машков.)

— Ну, если не заберете, мы все равно его в отряде не считаем...

И действительно, последние дни Саши Машкова как будто и не было. Целыми днями слонялся он по лагерю как неприкаянный, запускал бумажных голубей с малышами из пятого отряда. А на следующую смену он в лагерь не приехал, хотя давно было известно, что мать ему заранее купила путевку. Все-таки ребята победили Машкова, хотя бить его не били. Зачем драться? Есть, видно, и другие средства покончить с бурсаками и бурсацкими нравами.

Вожатый Сима СОЛОВЬЕВ

Ловись, рыбка, большая и маленькая!..

Старая русская поговорка гласит: «Дело мастера боится»; а есть еще и другая, специально о рыбной ловле: «Без труда не вытащишь и рыбки из пруда».

Что же прежде всего нужно знать рыболову? Надо знать, когда какая рыба лучше ловится и как выбирать место для удачной ловли.

Цветной рисунок на последней странице обложки журнала поможет вам в этом. Вверху вы видите двенадцать самых распространенных рыб в средней полосе нашей страны. На нижнем рисунке показано, в каких местах чаще всего держатся эти рыбы.

Линей иногда называют водяными поросятами, потому что они все время проводят на дне захламленных прудов со стоячей водой, копаются там в иле, богатом кормом. И карасей немало в таких водоемах.

В заросших прудах тоже много корма для рыб, и вода там лучше: растения обогащают ее кислородом. Здесь к карасям и линям присоединяются лещи, язи и карпы.

Щуки обычно прячутся в зарослях водяных растений или под корягами. Место, где живет и охотится щука, можно узнать: при нападении щуки мелкие рыбешки врассыпную бросаются к поверхности воды, и водная гладь как бы вскипает.

Уклейки, плотички и небольшие окуньки живут в текучей воде. Вблизи песчаных отмелей, где быстрое течение и вода чистая, прозрачная, держатся пескари. Около перекатов на неглубоких местах быстро текущих речек любят охотиться за упавшими в воду насекомыми голавли (7).

Только тут надо действовать осторожно и наживу закидывать так, чтобы не спугнуть выплывающего на охоту голавля и в то же время привлечь его внимание к наживе.

Когда же лучше всего ловить рыбу? Днем, когда жарко, рыба отдыхает в глубине, где вода прохладнее; кормиться она выходит утром и вечером.

Как только солнце станет близиться к горизонту, то тут, то там по воде начнут расходиться круги, а иногда блестящей, серебристой полоской выпрыгнет рыбка и шлепнется обратно.

Вот теперь-то самое время для рыбной ловли.

Еще лучше клюет рыба на утренней заре.

Впрочем, есть рыба, которая ловится и днем: на мелких песчаных местах клюют пескари (1); около плотов и мостов, около свай в запрудах и в омутах клюют уклейки (2), плотички (3) и небольшие окуньки (4), а иногда и ерши (5).

В речных заводях и на озерах днем, особенно в теплую пасмурную погоду, можно удить карасей (6).

Линей (8), язей (9), лещей (10) и особенно сазанов (11) перед началом ловли приваживают (прикармливают). Щук (12) и крупных окуней ловят на «живца» — маленькую живую рыбку, зацепленную губами за крючок.

Но поймать рыбу на удочку — это еще не все: нужно суметь ее вытащить. Нередко рыба, особенно крупная, обрывает леску и уходит с крючком. Чтобы этого не случилось, крупной рыбе не дают уйти в коряги и вытаскивают ее не сразу, а постепенно, сначала утомив ее.

Есть еще особые способы спортивной рыбной ловли. О них вы можете прочитать в книгах Г. А. Скребицкого «С ружьем и без ружья» и в «Детском календаре природы» за 1958 год.

П. СМОЛИН

Становись

Я задам вам, ребята, немножко необычный вопрос. Вот какой:

— Что вы сейчас ищете?

Да, да, именно так: что вы сейчас ищете? Что вы изобретаете, чего добиваетесь, над чем мучаетесь, какую загадку хотите разгадать, какую задумку осуществить?

Я знаю, что ответили бы ребята из Свердловского экспедиционного отряда № 3209. Недавно Галя Каурова из этого отряда нашла на чердаке одного дома полевую сумку с документами времен гражданской войны и старинный кортик в потертых ножнах. Казалось, невозможно установить, чьи это вещи. И все-таки ребята сумели разыскать владельца сумки и кортика — красного командира Николая Ивановича Варзанова. Сейчас поиски интересных вещей продолжаются.

Витя Сюнягин, семиклассник из пятнадцатого интерната в Ленинграде, сказал бы: «Вот, понимаете, телескоп мастерю... Никак не получается!»

В селе Абрау-Дюрсо мальчишки измеряли глубину озера Абрау и вдруг обнаружили, что оно гораздо мельче, чем обозначено на карте. В чем дело? Что случилось? Почему мелеет озеро? Это еще не выяснено. Ребята обратились к ученым: может, они сумеют помочь открыть секрет озера?

Тысячи таких ответов можно получить, потому что очень многие ребята в душе изыскатели.

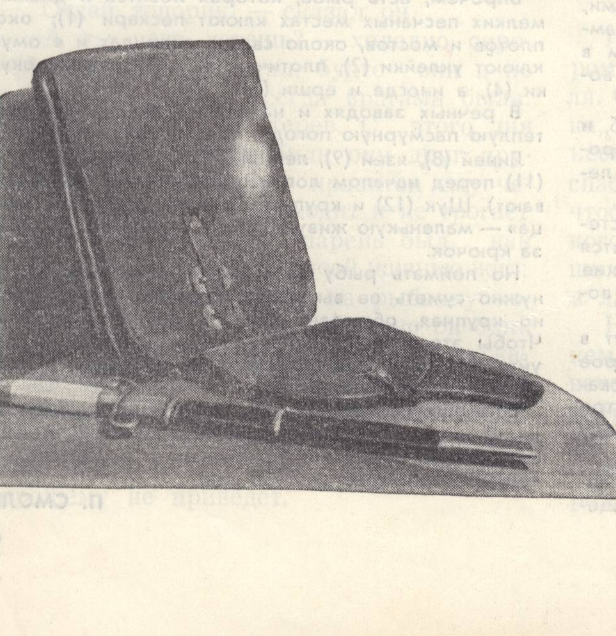
Вы знаете, кто такие изыскатели?

О них хорошо написано в книге писателя Сергея Михайловича Голицына «Сорок изыскателей», которая недавно появилась в библиотеках. Там, в этой книге, один из героев прямо говорит: есть на свете изыскатели и есть... «тюфяки».

Изыскатели — люди горячие, любознательные, настойчивые. Они всегда что-то ищут, чего-то добиваются. Они ищут «на земле, под землей, на воде, под водой и в воздухе» — так говорят герои книги «Сорок изыскателей».

Изыскатель всегда увлечен важным делом, для которого ему не жаль ни времени, ни сил, ничего. Помните девиз Сани Григорьева из книги В. Каверина «Два капитана»: «Бороться и искать, найти и не сдаваться...»? Изыскатели очень любят этот девиз.

А «тюфяки»? Обидное, конечно, слово, но что поделаешь! Есть ведь ре-

Вот кортик, полевая сумка и кобура. Ребята из Свердловского экспедиционного отряда № 3209 нашли их на чердаке старого дома... Оказывается, эти вещи принадлежали участнику разгрома белогвардейского корниловского мятежа Николаю Ивановичу Варзанову. С ними красный командир был на приеме у Владимира Ильича.

Изыскатели-свердловчане нашли много разных интересных документов времен гражданской войны, например шифр Петроградского военного округа. Все находки ребята передали в Ленинградский музей Октябрьской революции. Их и сейчас можно увидеть в музее, в зале № 14. Там под стеклом хранятся драгоценные пионерские экспонаты.

П. ИСТОМИН

изыскателем!

бята, которых ничто не интересует, которые готовы часами болтаться у ворот, слоняться по двору, изнывая от безделья, которые и в поход-то отправляются просто так, как на прогулку, а лето проводят дачниками. Чем не «тюфяки»? Право, их даже жалко становится, когда подумаешь, какой скучной, неинтересной жизнью они живут!

Нет, это очень нужно хотя бы себе самому ответить на вопрос: «Кто ты? Изыскатель? Или...»

Знаете что, ребята? Есть такое предложение: пусть каждый, кто стал изыскателем, напишет нам, в журнал «Пионер», о том, что он ищет, чего добивается.

Ведь изыскателю важно, чтобы о его находках, победах и изобретениях узнали и другие. А может, ему в одиночку не справиться с поисками? Может, ему нужна помощь других ребят?

Итак, мы ждем сообщений от изыскателей, от ребят, готовых бороться, искать, найти, не сдаваться.

Вожатый Сима СОЛОВЬЕВ

И отправились в путь сорок изыскателей — герои книги С. Голицына.

КТО БЫ ВЫ НИ БЫЛИ...

Если вы, дорогие ребята, прочтете мою книгу, вы узнаете, что я, например, был раньше самым обыкновенным нерешительным и немножко смешным пожилым детским врачом, а потом пошел в туристский поход с мальчиками и девочками из Золотоборского Дома пионеров и стал изыскателем.

А вам, живущим по всей нашей стране — от солнечного Таджикистана до туманного Заполярья, от Карпатских гор до дальневосточной тайги,— неужели вам не хочется стать изыскателями?

Возможно, некоторым из вас придется немножко встряхнуться...

Давайте — рюкзаки за плечи, и айда пешком по неизвестным дорогам искать старинные рукописи или месторождения известняка, исследовать реки, изучать леса. Впрочем, быть может, вы предпочтете сесть за стол и приметесь мастерить новую модель планера или радиоприемник на полупроводниках? А то возьмете в руки лопаты и грабли и на своем школьном участке разведете такие знаменитые цветы или овощи, что они попадут на выставку?

Кто бы вы ни были: юные туристы, юные техники или юные натуралисты, — всегда будьте пытливыми, смелыми, изобретательными, дружными, всегда будьте настоящими изыскателями.

С. ГОЛИЦЫН

ПИОНЕРские ИЗВЕСТИЯ

№ 7 ИЮЛЬ 1960

ЮнТАСС СООБЩАЕТ:

БЛАГОВЕЩЕНСК. В Свободненской средней школе № 8 открылся историко-краеведческий музей. Активное участие в создании музея приняли ветераны гражданской войны. Через несколько лет на базе школьного музея будет открыт большой городской музей.

СТАЛИНГРАД. Бассейн длиной 25 метров, шириной 6 метров построен учениками школы № 54.

ПЕШКОМ НА ЧЕРНОЕ МОРЕ

Ученики Ново-Урупской восьмилетней школы уже несколько лет подряд совершают туристские походы. В этой школе почти все, от октябрят до выпускников, заядлые походники. У многих старшеклассников есть значок «Турист СССР». «Значок должен быть у всех»,— решили пионеры. Скоро они уходят в поход через Кавказские горы на Черное море.

Станица Ново-Урупская, Краснодарского края.

ТВЕРДОЕ сердце

Тетка Мария без устали ругалась. Ух, как зла она на этого Федоткина! Ничего, скоро почувствует, как умеет мстить Мария Симикина!

Заместитель председателя колхоза Александр Иванович Федоткин не раз стыдил Симикину на людях, уличал ее в нечестности.

— Я его подожгу,— бурчит Симикина, всовывая в руки племянницы бутыль с керосином.

Аня пробует отказаться.

— Убью! — замахиваясь, кричит пьяная тетка.

Они медленно выходят за калитку. Ладони пионерки жжет черная холодная бутыль. Через несколько шагов Аня незаметно бросает ее за темную изгородь какого-то палисадника. Показался дом Федоткина. Тетка решила подождать, пока в окнах погаснет свет.

— Пора! Давай бутылку! — услышала Аня над самым ухом.

— А у меня ее нет!

Сильный удар пришелся по лицу, Аня отшатнулась. Ругаясь, пьяная вытаскивала спички.

— Я буду кричать, тетя! — с отчаянной решимостью пригрозила девочка...

Тетка вдруг сникла, сгорбилась и побрела домой...

Утром следующего дня в правлении колхоза «Россия» Аня честно рассказала обо всем случившемся. Симикина строго осуждена колхозниками и народным судом. А ученицу 6-го класса Тарадеевской школы Шацкого района Аню Уласову наградили именными часами. Ее имя занесено на доску почета районного Дома пионеров.

Г. Ларина

г. Орел.

ГЕРОЯМ-ПИОНЕРАМ

Все на Полтавщине знают пионеров-партизан Борю Гайдая, Ваню Сацкого и Толю Батьковщину. Они организовали крушение немецкого паровоза. Гестаповцы расстреляли пионеров. Героям-ленинцам недавно установлен памятник.

Рома Саитов живет в пос. Золотая Гора, около г. Карабаша. Недавно он спас, рискуя своей жизнью, тонувшего в бурном потоке четырехлетнего Борю Пичугова. Семилетний Рома — один из самых юных среди награжденных медалью «За спасение утопающих».

ПИОНЕР НЕ ДАЧНИК

Сидит мальчишка в комнате и ворон считает. Потом с часок в футбол погоняет. Вечером смотрит, как соседи в домино играют... Прошел день. А в это время:

написать летопись строительства. Теперь мы частые гости на стройке. Многие наши ребята хотят после окончания школы работать на комбинате.

Юля Ковальская

Донбасс, г. Авдеевка.

Пионеры чистят телятник, подвозят теплую воду, носят дрова, кормят и поят животных.

Многие наши пионеры, когда вырастут, обязательно станут колхозниками.

Боря Весовщиков,
ученик 7-го класса Уренской школы

СВОЯ РАССАДА

Самый разгар работ у юных натуралистов Осиноторфской школы Оршанского района. Десять тысяч торфоперегнойных горшочков для рассады сделали весной ребята!

В. Курто

г. Минск.

Все подруги на ферму пошли, а одна осталась: «Больно надо в грязи копаться!»

Скучно, правда, одной. Покрутилась по деревне, избу прибрала, поспала, книжку полистала... День и прошел. А в это время:

Рисунок Наташи Новиковой

Национальная спортивная комиссия Кубы уже вложила более 600 тысяч долларов на строительство стадионов для трудящихся страны. Для детей создаются спортивные школы.

* * *

«Нет — атомной смерти!» — под таким лозунгом состоялся в Бельгии поход молодежи, участие в котором принимали и дети.

Спорт

КОМАНДА С «ОКРАИНЫ РОССИИ»

На седьмой Спартакиаде школьников РСФСР победы добились школьники Подмосковья. На втором месте — ростовчане, а на третьем — команда Магаданской области. Это большой успех магаданских школьников.

ПЕРВАЯ РАКЕТКА

В Таллине закончились всесоюзные юношеские соревнования по настольному теннису. Юный спортсмен из Азербайджана Николай Новиков стал одним из победителей этих соревнований.

ПРИЗЫ ИЗ БРНО

Вот уже десять лет, как завязалась дружба между школьниками города Челябинска и чехословацкого города Брно. Недавно челябинцы решили провести заочную спартакиаду с друзьями. К соревнованиям ребята готовились с большим старанием. После подсчета очков оказалось, что первое общекомандное место заняли школьники Челябинска. Но в отдельных видах программы победили чехи. Наши ребята отправили в Брно призы и дипломы для вручения победителям спартакиады. Из Брно также пришли призы для советских школьников. Они были вручены челябинцам их землячкой, олимпийской чемпионкой Лидией Скобликовой.

ЛЕТОПИСЬ СТРОИТЕЛЬСТВА

В районе нашей станции Авдеевка геологи нашли пласты высококачественного коксующегося угля. Начались строительные работы. А мы, ученики 8-го класса «А», решили

МЫ ШЕФЫ

Наша школа шефствует над фермой колхоза «Трактор». Мы очень полюбили телят, да и они нас радостно встречают: мычат, трутся мордочками,— знают, что каждому достанется лакомый кусочек.

Ну, а сам-то ты, друг, не сидишь сложа руки? Половина каникул уже прошла; посмотри: кругом кипит работа. Веселая, с песней. Так что ж, от товарищей отставать? Настоящий отдых ведь не в скуке...

★

К ПОХОДУ ГОТОВЫ!

С заданием от Института почвоведения уходит на Тянь-Шань один из отрядов туристского кружка городского Дома пионеров. Экспедиция будет трудной, но ребята не боятся: с Тянь-Шанем они старые друзья. За два последних года ленинградские школьники побывали в горах Тянь-Шаня и в уссурийской тайге, разыскивая документы о жизни и деятельности Пржевальского. Другой отряд отправляется на Кольский полуостров, где будет изучать быт и историю народности саами. Сейчас участники этого похода занимаются под руководством сотрудников Института этнографии и охраны природы.

г. Ленинград.

Зачитались...

Фото В. Загорского.

МАЙ в походе

Молодчина Май! Каждый день пишет. Скоро, наверное, вернется. В этом номере помещаем его телеграммы и странички из дневника.

**Сегодня каждый очень рад:
В поход уходит наш отряд.
Нам предстоит нелегкий труд —
Составить карту и маршрут.**

понедельник

**Целый день искали брод
И решили сделать плот.**

вторник

**Стоит горячая пора:
На десять рук — два топора.
Туристский закон:
«Кто не пловец —
из похода вон!»**

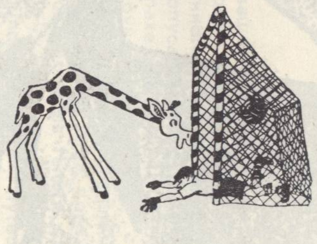

**Только мы вступили в лес,
Я за гнездами полез.
Был как злостный хулиган
Выруган.**

среда

**Мы не спим
И сидим у костра,
Бьем врагов-комаров
До утра.**

**Работали в поле,
Рыхлили, пололи.
Играли в футбол.
Забил гол.**

**Почистились, подняли флаги.
«Усталыми не казаться!»**

**Отряд возвращается в лагерь,
А я вылетаю в редакцию.**

Жирафенок Май

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Алеша Шестопал (редактор), Женя Берлянд, Таня Копылова.

Рисунки Миши Корси.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КРУГЛОГОЛОВЫХ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

(Окончание.)

В. САПАРИН **Рисунки П. Кирпичева.**

— Начинаем торможение,— вмешивается равнодушный голос автомата.— Все по местам.

Карбышев расслабляет мускулы и погружается в полузабытье. Очень хитрое искусственное полузабытье: десятки приборов, размещенных в одежде, следят за пульсом, кровообращением, положением внутренних органов, состоянием организма. И не просто следят, а принимают меры, чтобы сохранить условия биологического равновесия. Прошли времена, когда человек один на один встречал страшную силу, которая сплющивала его, вдавливала в кресло, путала сознание. Первые полеты в космосе были поистине героическими. На этом мысль Карбышева застопоривается. Электрогипноз делает свое дело.

Проходит какое-то время, не ощущаемое Карбышевым, но строго отмеренное приборами, и в точно назначенное мгновение с него снимают забытье.

Никакой перегрузки нет. Он свободно двигает руками и может ходить.

— Берите управление в свои руки,— говорит автомат.

Ракета висит в воздухе. Тормозные двигатели уравновесили ее. В иллюминаторах ничего не различишь. Лиловый кисель, сплошная облачность.

Положив пальцы на клавиатуру управления, Карбышев медленно перемещает корабль. По экрану локатора ползет поверхность суши с языками заливов, пятнами зарослей, невысокими холмами. Вырисовывается предмет чуждых для живой природы строгих геометрических очертаний.

Ракета наведения!

Теперь Карбышев ведет корабль в другую сторону. Опять ракета.

Так же методично Карбышев разыскивает третью космическую станцию наведения. Автоматы привели межпланетный корабль точно в центр образованного ими треугольника. Но не это занимает Карбышева.

— Где ракета Ольсена?

— Надо делать посадку,— замечает Сун-лин.— Ракеты, которые идут следом, не смогут финишировать, пока мы не сядем.

Туман в иллюминаторах исчезает. Свет, рассеянный, но яркий, проникает внутрь корабля, озаряет бурую поверхность планеты. Вода отсвечивает сиреневым.

Но тут автоматы, видимо, решив, что дали людям достаточно времени действовать самостоятельно, снова берут управление.

— Девяносто девять,— объявляет холодный голос,— девяносто восемь, девяносто семь...

— Дифферент — шестьдесят пять градусов,—сообщает другой.

— Пора выпускать шасси,— подсказывает третий.

— Задняя пара выпущена,— докладывает четвертый. Автоматы правы. Сажать корабль — их дело.

Легкий, чуть заметный толчок. Кормовые ноги коснулись грунта. Сейчас они вдавливаются в него. Ракета, как кузнечик, опирается всей тяжестью на пару длинных кормовых ног. Потом она, все больше наклоняя нос к линии горизонта, выпускает пару за парой растопыренные в стороны ноги. Некоторые проваливаются слишком глубоко. Ракета выдвигает их тогда на запасную длину. Другие, наоборот, она укорачивает. Но вот наконец корабль стоит строго горизонтально, похожий на многоножку, только с ногами разной длины.

Один за другим, надев скафандры, люди выходят наружу.

Откидывается грузовой люк, и под брюхом космического корабля появляется нечто напоминающее гигантскую черепаху.

«Лучший вездеход для Венеры,— рекомендовал его когда-то Ольсен.— Не боится синей глины».

Ох, уж эта синяя глина! Она дала себя знать первым исследователям планеты. Если на Марсе песок проваливался и осыпался под гусеницами, то здесь они скользили в сырой массе, похожей на мыло. Вездеходы часто не могли взять даже небольшого подъема. Теперь черепаха повезет космонавтов на розыски Ольсена.

Ветер, налетавший порывами, взлопачивал водную поверхность залива и заставлял людей пригибаться.

— Горин, вылетайте на разведку! — распорядился Карбышев.— Возьмите вихрелет. На вибролете вас сдует, как бабочку.

В черепаху сели пятеро.

— Шанцевый инструмент,— напомнил Сун-лин.

Шанцевый инструмент — очередная выдумка Ольсена. Космический корабль не всегда садится удачно — иногда приходится выравнивать грунт, чтобы установить его как следует; и при вылете случается нужда в такой работе.

С корабля, из открытого люка, оставшийся вахтенным Лыков сбросил землеройные приборы вместе с тонким гибким кабелем. Нгарроба запихнул их в багажник черепахи.

Вихрелет круто взмыл и пошел против ветра на стометровой высоте.

4.

«Черепаха» зашевелила лапами с толстенными подушками присосов. В отличие от обычной черепахи она была шестиногой. Едва она пришла в движение, как позади корпуса забили три мощных воздушных струи, и черепаха довольно быстро двинулась по болотистому грунту.

Длинный залив преградил ей путь. Она плюхнулась в воду и, не сбавляя хода, поплыла. В кормовой части вместо воздухометов теперь заработали водометы.

Едва выбравшись на берег, путешественники натолкнулись на густые заросли.

Растения переплетались, словно гигантские проволочные заграждения, у которых «проволока» была толщиной в руку, а «колья» — в два-три обхвата. Местами они стояли густо, как забор, местами пересекали растительную паутину под всевозможными углами. Колючки самого разного размера, от штопальной иглы до штыка, торчали во все стороны.

Люди в кабине невольно поежились.

— Двигайтесь напрямик,— послышался голос Горина в шлемофонах.— Полоса зарослей не широка.

— Попробуем ножницы? — предложил Гарги.

Карбышев кивнул.

— Сбавь ход,— попросил индиец.

Черепаха теперь ковыляла на своих лапах с неуклюжестью настоящего животного. Гарги надел перчатки управления ножницами. Он протянул руку вперед, и, повторяя его движение, черепаха выдвинула огромную клешню с массивными двухметровыми кусачками на конце.

Гарги сделал движение пальцами, и ножницы перекусили ствол, словно прут. Левая клешня, с зубчатой поверхностью, подчиняясь движениям левой руки Гарги, схватила откушенную часть ствола и бросила в сторону. Черепаха медленно протискивалась в выстригаемый ход.

— Вижу ракету,— раздался взволнованный голос Горина.— Она затонула. Из воды торчит хвост. Я один ничего не могу сделать. Спешите!

Легко сказать: спешите! Древесные культяпки от состриженных стволов визжали, царапая борта. Наконец черепаха уткнулась в безнадежно спутанный клубок зарослей.

— Дайте я,— нетерпеливо сказал Нгарроба.

Гарги отдал перчатки. Однако сила Нгарробы не давала ему тут никакого преимущества. Гибкие и тренированные пальцы — больше ничего сейчас не требовалось. Механизмы, казалось, даже мешали Нгарробе: ему хотелось растолкать стволы своими могучими плечами. Деревья стояли так плотно, что между ними не оставалось щелей. Ножницы не могли протиснуться, чтобы захватить стволы.

— Придется выжигать,— решил Карбышев.

Нгарроба втянул клешни и снял перчатки.

Ножницы перекусили колючий ствол...

В передней части черепахи стал медленно вращаться блестящий диск, из него вырвалось несколько тонких струй пламени.

— Наденьте очки,— предупредил Гарги.

Ослепительно белые струи прорезали сумрак чащи. Они прожигали стволы, как солому.

Люди наблюдали сквозь прозрачный фонарь, как вспыхивали ветви и раскаленными концами тыкались в черепаху. Установленные по бортам разбрызгиватели сеяли туман, гасивший пламя. Сун-лин вел черепаху ускоренным ходом.

— Кончатся когда-нибудь заросли? — нервно сказал Гарги.

— Просто не понимаю, как местные жители пробираются в таких чащах! — покачал головой Барч, молчавший все время. Он впервые был на Венере.

— Судя по строению их тела, они больше приспособлены для путешествий по воде,— отозвался Карбышев.

Последний ствол, обуглившись, упал под брюхо черепахи, и путешественники вырвались из зарослей. Впереди простирался узкий заболоченный берег, а дальше до самого горизонта тянулась водная гладь. На расстоянии двух-трех километров косо торчал из воды хвост узкой и длинной ракеты. Над ней кружил вихрелет, подобно шмелю над цветком.

Сун-лин включил водометы, и черепаха поплыла к ракете. Волны подбрасывали ее, но она плыла, перебирая по-собачьи лапами; это помогало ей удерживать равновесие.

Вблизи ракета напоминала покосившийся маяк. Волны плескались об нее. Путешественники обошли ракету со всех сторон. Она основательно ушла в воду, а возможно, и в грунт носовой своей частью.

Вихрелет, словно ястреб, описывал в небе круги.

— Что видите? — спросил Сун-лин.

— Ни малейших признаков жизни,— ответил Горин.

— Погружение! — скомандовал Карбышев.

Черепаха стала опускаться. Она обходила ракету, погружаясь с каждым витком все глубже. Ни малейшего лучика не пробивалось изнутри космического корабля.

— Включите фары!

Темный корпус космического корабля засеребрился. Со дна поднялось темное тело, удивительно похожее на черепаху, в которой сидели путешественники. Существо размером со стол, темно-зеленого цвета медленно приближалось, сверкая большими зелеными глазами. Самое удивительное, что у него оказалось шесть ног, как и у металлической «родственницы», а спереди виднелись клешни. Существо постояло, медленно перебирая лапами, потом вдруг метнулось в сторону, причем путешественникам показалось, что сзади у него был водомет.

— А вы знаете, ведь это жук! — сказал Гарги.

— Ух! — Нгарроба передернул плечами.— Знаете, когда я был мальчишкой, мне пришла как-то в голову мысль: что было бы, если бы пауки, жуки и гусеницы стали величиной с теленка или корову? И вот, извольте, как раз такой экземпляр!

Сун-лин выключил лапы черепахи. Теперь она плавно спускалась на дно. Облако мути все же поднялось, когда она коснулась грунта.

— Дно илистое,— заметил Нгарроба.— Не удивительно, что ракета ушла в него так глубоко.

— Понятно, почему не было сигналов Ольсена,— проворчал Барч.— Радиоволны не проходят сквозь воду. И он не может без нашей помощи выйти наружу.

— Попробуем откопать? — предложил Гарги.

Достали шанцевые инструменты. Сун-лин вонзил в грунт лопатку на тонкой длинной рукоятке, и клубы ила повалили так густо, словно началось извержение подводного вулкана.

Нгарроба опустил на илистое дно винт с большими лопастями и осью в виде штопора. Тот закрутился с бешеной скоростью и поднял целый вихрь. Вокруг винта быстро образовался кратер. Он рос в глубину и расширялся, а порождавший его винт все глубже и глубже вгрызался в дно.

Пелена мути повисла вокруг ракеты. Как сквозь туман, виднелся тускло поблескивающий в лучах фар корпус, все больше освобождавшийся от темной, обволакивающей его массы.

Время от времени путешественники передвигали свои орудия. Когда встречался твердый слой и лопата его не брала, в дело пускали вибролом.

— Стоп! — скомандовал вдруг Карбышев.— Выключить фары.

Взбаламученный ил медленно оседал. В яме, вырытой вокруг ракеты, тускло засветилось круглое пятнышко. Затем оно исчезло в падающих хлопьях грунта.

— Иллюминатор?

— А может быть, животное какое-нибудь? Здесь наверняка есть светящиеся твари.

Проваливаясь в разрыхленном грунте, Нгарроба спустился на дно кратера. Он выдернул вибролом и постучал изо всей силы твердым, как алмаз, концом по обшивке космического корабля. Затем приложил ухо. Сквозь многослойную оболочку не доносилось ни звука.

Вдруг послышался слабый скрежет. Нгарроба вздрогнул и тут же увидел жука, в точности похожего на прежнего, а может быть, того же самого. Жук выползал из-за округлости ракеты, запуская время от времени клешни в налипшие на ее поверхность комья.

Представитель местной фауны явился весьма некстати. Африканец ткнул жука ломом. Тот быстро выкинул клешни, одной уцепился за лом, а другую протянул к Нгарробе. Клешня вполне могла отхватить руку, не говоря уже о том, что жуку ничего не стоило разорвать скафандр. Только сейчас Нгарроба подумал об опасности, которой они подвергаются здесь, на дне венерианского озера.

Сильный, как все жуки, подводный великан, вцепившись в лом, упорно тянул его к себе, яростно размахивая свободной клешней. Нгарроба рванул лом, жук мотнулся, как привязанный, но не выпустил добычи. Нгарроба невольно подтащил врага ближе. И клешня жука протянулась к скафандру.

— Даю ток,— спокойно предупредил Гарги. Он следил за борьбой в яме.

Вспыхнули фары. Острие лома, который Нгарроба держал за ручку, завибрировало. Жук мгновенно разжал клешню. В следующее мгновение подводное чудовище исчезло, словно растаяло в непроглядной бурой мгле.

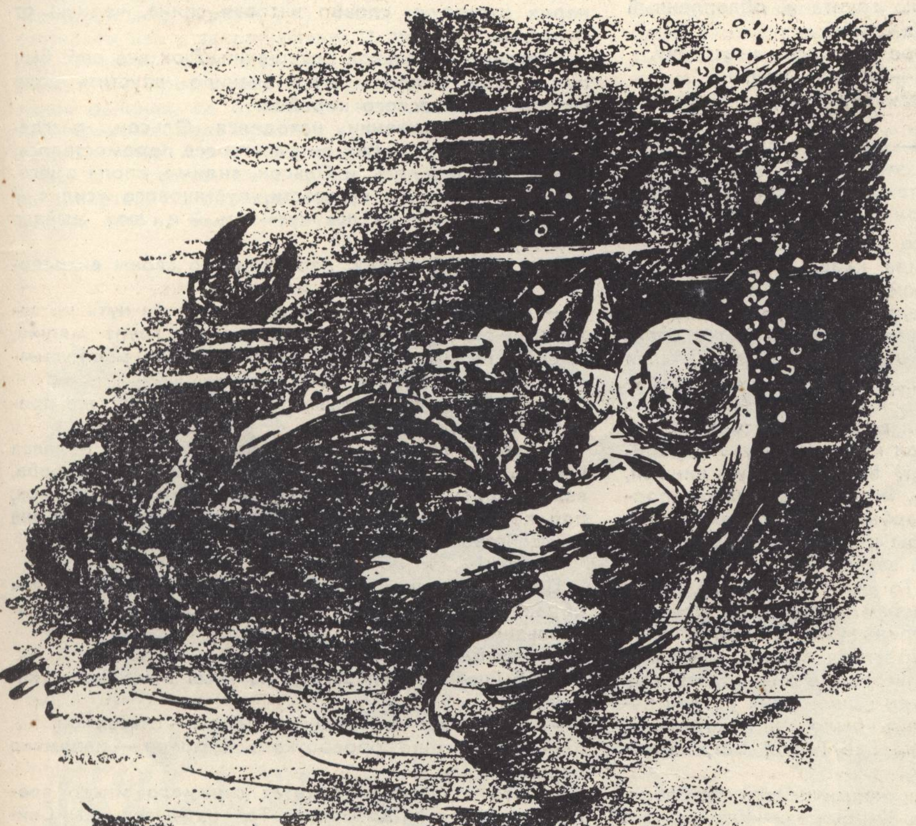
В тот же момент Горин — с ним поддерживалась связь при помощи буя с антенной — сообщил, что видит вспышки пламени в одной из дюз.

— Сигналы!— закричал Нгарроба.— Сигналы!

— Сигнализация одной дюзой невозможна,— возразил Сун-лин,— они включаются попарно.

— Значит...

— Скорее всего замыкание проводов. При посадке порвалось что-нибудь. Мы расшевелили ракету. Смотрите, у нее и наклон стал другой....

Одной клешней жук уцепился за лом, другую протянул к Нгарробе.

Действительно, ракета стояла уже не так круто, как прежде.

— Нашел! — послышался голос Нгарробы. Он копошился на дне ямы, невидимый в пелене мути.— Антенна! Присоединяюсь.

В шлемофонах слышалось только сдавленное дыхание Нгарробы.

— Свет! — вдруг крикнул Гарги.— Снова свет!

Он бросился вперед и, сделав три шага, исчез в желтом тумане.

— Подползаю,— услышали его голос путешественники.— Это иллюминатор.

Наступила пауза.

— Вижу ногу. От ступни до колена. Нога неподвижна. Ой!

Огромный корпус ракеты сдвинулся с места. Затем корабль стал медленно валиться набок.

— Нгарроба! Гарги! — крикнул Сун-лин.

— Выключите инструменты! — распорядился Карбышев.

— Включите ток! — раздался тотчас же голос Нгарробы.— Ах, черт!

— Что с вами? Где Гарги?

— Не могу двинуться с места. Меня засыпало почти до шеи. И на меня напал этот жук.

— Иду на помощь,— поспешно сказал Карбышев.— Барч, постерегите черепаху.

— Я тоже иду,— подхватил Сун-лин.

— Нгарроба! Гарги!

В ответ не раздавалось ни звука.

Нос корабля вырвался из грунта и, облепленный вязкой глиной, торчал над дном.

Что-то большое и неясное двигалось навстречу.

— Приготовьте оружие! — сказал Сун-лин.

Темная фигура вытянулась в вышину и оказалась Нгарробой.

— Почему вы молчите? — рассердился невозмутимый всегда Сун-лин.— Что это значит?

Сквозь прозрачный колпак они увидели, что губы Нгарробы шевелились.

Вглядевшись, Сун-лин все понял:

— Эта бестия перекусила кабель.

Нгарроба тащил за собой, как рыбу на лесе, на обрывке провода, что соединял каждого с черепахой, упирающегося огромного жука. У того, видимо, пропало всякое желание нападать, он пытался изо всех сил освободиться. Но провод опутал одну из клешней.

Когда Нгарроба подтянул водяного жителя поближе, стало видно, что вторая клешня у жука перебита и беспомощно свисает. Быстро вынув кинжал, Сун-лин перерезал «лесу», и жук с обрывком провода тотчас же удрал. Карбышев присоединил кабель от телефона Нгарробы к своей катушке.

— Он вытащил меня из завала,— торопясь, начал рассказывать Нгарроба.— То есть он сначала напал на меня. Я дал ему по зубам. Вернее, по клешне. Виброломом. Кажется, парень уже знаком с этим инструментом, он сразу бросился бежать. Но запутался в проводе. Я, разумеется, не мог отдать ему имущество экспедиции, и он вынул меня из той пакости, в которой меня чуть было не похоронило. Удивительно сильная тварь! Где Гарги? Вот, кажется, его кабель...

Провод уходил под бок космического корабля.

— Осторожнее,— сказал Карбышев.— Как бы эта чертова ракета опять не сдвинулась с места!

Нгарроба отбросил вибролопату и принялся разбрасывать комья руками.

— Не знаю, зачем нужна современная техника,— не удержался Сун-лин,— если существуют такие люди, как Нгарроба!

Нгарроба осторожно вытащил из-под ракеты безжизненного Гарги. Индиец казался ребенком в его могучих объятиях.

— Его нужно немедленно доставить на корабль!

Нгарроба с Барчем всплыли на поверхность и передали Гарги на вихрелет, который Горин спустил к воде. Горин включил вихрелет на полную скорость и помчался к кораблю.

5.

Оставшиеся приступили к последней стадии спасательных работ. Из багажника черепахи извлекли тончайшие пластмассовые мешки, прилепили их к носовой части ракеты, подсоединили к шлангу, а его с помощью буя вывели на поверхность.

— Мотор!

Заработал насос, и мешки стали наполняться воздухом. Сначала они зашевелились, как водоросли, облепившие нос ракеты. Потом начали вырастать в объеме и приобретать округлую форму.

Корпус ракеты тронулся с места.

— Стоп! Иначе лопнут.

Ракета снова замерла.

— Надо подкопать грунт под кормовой частью.

Включили винт, и тот стал выметывать грунт. Что-то в точках опоры ракеты изменилось, и нос ее пополз кверху. Он даже высунулся из воды. Но теперь ракета застыла окончательно. Волны перекатывались через округлую, словно китовая спина, черную от окалины обшивку.

Устроили маленькое совещание. Люк все еще был под водой. Открыть его — значило впустить воду внутрь космического корабля.

В каком положении находился Ольсен, разглядеть не удавалось. Внутри ракеты все переместилось, кресло накренилось, и Ольсен, видимо, сполз с него.

— Не хватает, в сущности, пустякового усилия,— заметил Сун-лин.— Еще чуть-чуть — и люк выйдет наружу.

Тень упала на воду. Это Горин со своим вихрелетом повис над местом работ.

— Ракета вдавила Гарги в грунт, и он чуть не задохся,— сообщил он.— Хорошо, что грунт мягкий, как кисель. На обратном пути я принял радиограмму: Гарги пришел в себя.

Он сбросил с вихрелета трос. Его тотчас же прикрепили к ракете.

Вихрелет натянул трос, и нос корабля подался кверху. Как только люк показался из воды, Нгарроба, взобравшись на корпус ракеты, отвинтил колпачок, под которым скрывалась аварийная кнопка. Но она не действовала.

— Лом!

Под нажимом лома крышка стала отходить. Едва образовалось небольшое отверстие, в него проскользнул Сун-лин.

Нгарроба захлопнул крышку.

Карбышев бросил взгляд на часы в манжете скафандра.

— Открывает внутреннюю дверь,— сказал он.

— Нужна еще обработка в тамбуре,— напомнил Барч.

— Это в прежних ракетах отнимало много времени,— возразил Карбышев. Теперь — секунды. Сейчас он надевает скафандр на Ольсена. Через минуту они появятся.

Прошла минута. Потом пять минут. Потом десять. Крышка люка стала тихо вздрагивать.

— Он не может открыть люк! Нгарроба!

— Вырубать отверстие?

— Должен быть аварийный патрон.

— Ага, вижу красную кнопку.

— Запас времени — минута,— предупредил Карбышев.

Нгарроба изо всей силы нажал кнопку и кинулся в воду. Едва он успел отплыть, как тяжелая дверь, словно крышка закипевшего чайника, подпрыгнула и со звоном ударилась в обшивку ракеты.

В отверстии люка показался Сун-лин. На лице его было написано отчаяние.

6.

После того, как охотники убежали, Лоо остался один. Он смотрел на небесную кулу, которая спряталась в Большой воде.

Ничего больше не происходило, и нигде не было круглоголовых. Тут снова раздался грохот — в который раз! — и еще одна небесная кулу примчалась из-за туч. Она выла, как остальные, и села на ровном и сухом месте.

Прячась в кустах, Лоо попробовал подобраться к ней. Укрывшись в зарослях, он терпеливо наблюдал. Должны были появиться круглоголовые. Но никто не показывался. Кулу стояла, как высохшее дерево.

Тогда Лоо осмелел и подошел ближе. Кулу не заметила его. Вглядевшись, Лоо убедился, что она и не могла его видеть: у нее не было глаз. У кулу, что прилетала первый раз, было два глаза, и они светились, как у зверей ночью. А эта кулу была слепая. Высокая, огромная, она стояла, как неживая. Может, это просто мертвая кулу? Она упала из облаков раненая, ее отчаянный крик был предсмертным криком... Ведь простые кулу, когда они тяжело ранены, тоже кричат очень сильно.

Все шло совсем не так, как ожидал Лоо. Никто не прилетел. Из облаков появлялись одни кулу. Небесных коу не было. Разочарованный, обманутый в своих надеждах, Лоо повернул обратно. Он переплывал воду, пробирался в зарослях. Временами снова раздавался грохот и слышался рев кулу, но Лоо даже не поворачивал головы.

Он шел к Большим пещерам...

7.

Ракеты стояли на растопыренных ногах, словно диковинные дома небывалого города. Впрочем, они и на самом деле служили домами. Тридцать семь человек, составлявших первую смену научной станции на Венере, жили в пассажирских ракетах, пока шел монтаж постоянных зданий.

Участок, выбранный под станцию, тянулся на километр с лишним. Его сфотографировали, потом на фото наложили график — план расположения зданий, вычерченный в том же масштабе и заготовленный Ольсеном заранее, и сообщили данные автоматическим станциям наведения. Те подводили каждую грузовую ракету в соответствии с ее номером и опознавательными сигналами прямо к месту разгрузки. Только краны свободно бродили по всему участку. Они набрасывались на очередной прибывший космический грузовик, быстро опустошали его трюмы и без всяких пауз, тут же монтировали стены, крыши-купола, переходные коридоры и прочие части зданий. С помощью других кранов устанавливалось оборудование.

— Да, это не на заводе,— сказал Мак-Кинли, на Земле работавший дежурным надсмотрщиком большого автоматического предприятия.— У нас автоматы собирают все сами. А тут охрипнешь, отдавая команду кранам. И перчатки управления тоже не слишком удобны: утомляет хватать все эти блоки даже мысленно.

Он пошевелил пальцами в перчатках со множеством члеников, похожих на ножки краба, и отдаленный кран размером с десятиэтажный дом повторил движения своими могучими захватами.

Под облачным небом Венеры вырос целый городок.

— А мне нравится такая работа,— откликнулся самый молодой участник экспедиции, которого все звали просто Костя.— Ощущаешь могущество человека еще сильнее, чем на Земле.

— Да,— заметил многозначительно Барч,— в бесчисленных фантастических романах описывалась встреча землян с существами других миров. Пришельцы рисовались более совершенными, и от них должны были земляне получить знания, которыми сами еще не располагают. Но пока никто из космоса на Землю не прилетал. Наоборот, мы оказались в положении высокоразвитых гостей для хозяев этой планеты.

— Но где же они,— спросил Костя,— жители Венеры?

Действительно, все предпринятые разведывательные полеты не обнаруживали никаких признаков обитателей Венеры. Если бы не фильм, заснятый участниками предыдущей экспедиции на Венеру, можно было подумать, что встреча с венерианцами простонапросто померещилась. Никто не знал, куда делись дикие существа, атаковавшие прошлый раз ракету.

8.

На двенадцатый день Барч и Горин, находясь в очередном патрульном облете, заметили среди зарослей рыжую гору с крутым, изрытым склоном. Она напоминала помятую шляпу, изъеденную с одного края молью. Приглядевшись, патрульные обнаружили, что здесь склон горы усеивают отверстия пещер.

Они осторожно сели у подошвы. Лишь крылатые лягушки, похожие на огромных кузнечиков, прыгали вокруг, развертывая свои радужные перепонки.

— Заглянем в пещеру? — предложил Барч.

Горин кивнул.

Они выбрали самую большую.

— Пещера вырыта,— сказал Барч.— Видите?

На стене в мягком грунте виднелись следы пальцев. В нескольких местах стены были обложены большими необработанными камнями.

Барч, работавший на Земле в Службе биологической защиты, по привычке следопыта оглядел пол. На глине сохранились отпечатки ног. Ступни широкие, с растопыренными веером пальцами. На одном из следов ясно запечатлелась перепонка, соединяющая пальцы.

Патрульные заглянули еще в несколько пещер. Все оказались пустыми.

— Где же обитатели?

Барч показал на истоптанный берег.

— Они ушли водой. Значит, не оставили и следов.

9.

Наступил день похорон Ольсена.

Приборы, сохранившиеся в целости, рассказали, что произошло со сверхскоростной ракетой. Она шла по сложной кривой и при подлете к Венере очутилась в стороне от места, предназначенного для посадки. Станции наведения еще не прибыли: Ольсен обогнал их в своем ускоренном полете. С помощью бортовой счетной машины он вычислил необходимые поправки и точно вывел ракету к холму, где должна была садиться экспедиция. Но когда он, уравновесив тормозными двигателями силу притяжения, «подвесил» корабль над холмом, ракету бросило в сторону ураганным ветром.

Ольсен сделал самое простое и правильное: включил первую скорость, чтобы придать ракете больше устойчивости. Но тут с одной из дюз что-то приключилось, она стала работать на полную силу, повернула ракету и вонзила ее носом в дно озера. Как выяснилось впоследствии, перегорела заслонка, не дослужив всего несколько секунд до конца полета.

Огонь в этой дюзе и видел Горин с вихрелета. Остальные дюзы автоматически выключились, когда корабль уткнулся в грунт. Эта же продолжала время от времени давать вспышки.

От сильного, а главное, неожиданного толчка и резкого непредвиденного поворота Ольсен слетел с сиденья и ударился головой о массивную стойку с приборами. У него хватило сил добраться до кресла, разложить его и улечься. Здесь он через несколько часов и умер.

Случай, тот самый случай, с которым Ольсен воевал всю свою жизнь и над которым одержал столько побед, подстерег его в конце концов. Конечно, злосчастная заслонка будет подвергнута тщательному изучению: наверное, обнаружится какое-нибудь незначительное отступление от нормы — что-нибудь такое, что случается раз в сто лет и что почти невозможно предотвратить заранее.

Сейчас Ольсен лежал в прозрачном гробу из пластилита в самом большом зале станции.

Под облачным небом Венеры вырос целый научный городок. Здания, увенчанные куполами, то крутыми, то приплюснутыми, как перевернутое блюдце, соединялись переходами в виде толстых прозрачных труб. Свет венерианского дня беспрепятственно проникал во внутренние помещения: купол и стены — где полупрозрачные, где пропускающие свет, как чистое стекло,— делали окна ненужными.

А когда наступала темная, беззвездная венерианская ночь, городок, растянувшийся на добрый километр, светился, словно огромный фантастический фонарь. Обзорная башня, единственное высотное сооружение, возвышалась, как маяк.

В круглом зале приглушенно и скорбно звучал похоронный марш. Товарищи взяли гроб на плечи, и траурная процессия двинулась к выходу. Пройдя тамбур и надев скафандры, земляне сразу обрели вид прилетных гостей планеты — стратонавтов. Лишь Ольсен лежал в обычном земном костюме.

Процессия остановилась у грузовой ракеты, подготовленной к старту. Накануне были проведены все необходимые вычисления; после того, как двигатели в заранее заданной точке прекратят работу, ракета станет вечным спутником Солнца. Орбиту выбрали с таким расчетом, чтобы летающая гробница в своем нескончаемом движении вокруг Солнца время от времени приближалась к Венере, где закончил свой жизненный путь один из замечательнейших космонавтов, и к Земле, где он родился и во славу которой отдал жизнь.

Гроб подали краном к открытому люку. Тяжелая крышка захлопнулась: самозавинчивающиеся болты наглухо задраили ракету. Не успел кран отойти, как взметнулись языки пламени, моторы взревели, ракета оторвалась от того, что мы на Земле зовем землей, и устремилась вверх, в космос, к Солнцу.

— Да, печально началась эта экспедиция,— сказал Гарги, когда ракета исчезла в тускло-лиловом небе.— Гибель Ольсена. Исчезновение жителей Венеры, ради которых мы сюда прибыли.

— Нас послали, чтобы помочь обитателям этой планеты в их развитии,— сказал Карбышев.— Ради этого погиб Ольсен. Ради этого мы, тридцать семь оставшихся, будем трудиться все три с половиной

года нашего пребывания на Венере. Мы выполним поручение Земли.

— Все в сборе? — забеспокоился вдруг Барч.— Я вижу кого-то среди зарослей. Смотрите! Вон там!

На фоне далеких кустарников возникла темная тень, широкая, словно человек в старинном скафандре. Она двигалась. Скоро уже ясно различались гладкая голова, толстая шея, покатые могучие плечи; ноги были коротковаты для столь мощного тела.

— Человек Венеры! — торжественно произнес Карбышев.

— Он вооружен! — воскликнул Горин.— И вполне современным оружием. Смотрите!

— У него в руках электропистолет, — подтвердил Барч.

— Ну,— спросил Сунлин, обращаясь к Карбышеву, Нгарробе и Гарги,— узнаете?

— А ведь это он! Честное слово, он! — обрадовался Нгарроба.

— Узнаю,— улыбнулся и Карбышев.— Тот малый, что подобрал мой пистолет. Определенно!

— Хотел бы я знать,— заметил Гарги,— научился ли он обращаться с пистолетом? И остался ли там заряд?

Человек Венеры остановился. Теперь он был виден во весь рост. Высокий, чуть сутулый, обросший густой короткой шерстью, он вглядывался в людей Земли круглыми глазами без век. Электропистолет он держал в длинной опущенной лохматой руке.

— Лоо, — сказал житель Венеры.

Нгарроба первый шагнул навстречу.

— Остальным не двигаться,— сказал Карбышев.

Человека Венеры все больше и больше охватывала тревога, по мере того, как расстояние между ним и Нгарробой сокращалось. Под конец он стал дрожать крупной дрожью. Но он стоял не отступая, не делая ни шага назад,— победитель первобытного страха.

В шлемах последней конструкции можно было разговаривать вслух на близких расстояниях. Ольсен придумал эту штуку на случай, если радио почему-либо выйдет из строя. Это аварийное устройство сейчас очень пригодилось. Нгарроба надавил подбородком пластинку в нижней части шлема и услышал тяжелое дыхание юноши, стоящего против него.

Тогда он просто и спокойно перешагнул отделявшее их расстояние и взял человека Венеры за руку.

Юноша схватил руку Нгарробы, сжал («Ну и сила!» — подумал Нгарроба) и тут же отпустил.

Нгарроба заговорил. Поток ласковых непонятных слов произвел сильное впечатление на юношу: он отпрянул назад, потом стал напряженно вслушиваться. Несколько раз провел могучей рукой по лбу, и кожа на лбу собралась в складки.

Нгарроба продолжал говорить. Конечно, не слова, а интонации должны были произвести впечатление. Но кто мог знать, соответствуют ли модуляции человеческого голоса совсем иным звукам языка другой планеты!

Изваяние ожило. Большой рот, почти пасть, широко открылся. Внутри шевелился маленький язычок.

— Лоо,— сказал житель Венеры и замолчал.

— Кулу,— произнес он после паузы.

Он слозно выдавливал из себя слоза. Но то были слова. Нгарроба сразу понял.

Голос звучал резко и чуть протяжно. Юноша стоял теперь свободно и смело.

Нгарроба положил руку на волосатое плечо юноши. Теплая кровь струилась под шерстевым покровом. Брат с чужой планеты стоял перед Нгарробой.

— Идем! — сказал Нгарроба.

И тот без боязни, напротив, с какой-то жадной готовностью шагнул за Нгарробой.

Так двигались они, очень разные и в чем-то схожие: оба рослые, сильные, смелые. Если в прошлом веке один великий народ Земли указал другим народам своей планеты путь освобождения и развития, то теперь объединенный народ Земли протянул руку населению иной планеты.

— Нас снова тридцать восемь, — заметил Сун-лин.

— Поднять флаг! — распорядился Карбышев.

Флаг Земли, приспущенный в память Ольсена, медленно пополз вверх по шпилю обзорной башни. Станция на Венере вступала в строй. Ветер развернул красное сверкающее полотнище — символ свободы, разума, неустанного торжествующего движения вперед.

И Лоо, не нашедший своих сородичей у Больших пещер, покинутый ими, смотрел вместе с землянами на алое шелковое пламя, трепетавшее под низким сумеречным небом Венеры.

КОРАБЛЬ ЛЕТИТ

Фотоплакат А. Костромичева.

Читатель! Ты только что «возвратился» на Землю с Венеры. Ты окончил чтение научно-фантастического рассказа о межпланетном путешествии...

Чем объяснить, что мы любим научную фантастику? Вероятно, тем, что научно-фантастическая книга — порождение нетерпеливой мечты, нетерпеливого желания знать. Это попытка угадывать то, чего наука еще не выяснила до конца; проникать в области, для нас еще недосягаемые.

С тех самых пор, как человек понял, что блестящие точки на небе — это другие солнца и другие планеты, он вот уже несколько столетий непрестанно мечтает добраться до них. Из этого стремления к недостижимому рождались и рождаются книги о фантастических путешествиях.

И вот теперь все переменилось. Ведь ты же знаешь, что настоящий, невыдуманный космический корабль стартовал с Земли. Он ушел в полет без человека, но все в нем устроено так, чтобы человек, первый путешественник космоса, мог лететь.

Весь мир удивляется: как быстро, с какой космической скоростью штурмует небо советская наука, советский народ! От первого искусственного спутника до первого космического корабля нас отделяет меньше чем четыре года! А ведь космический этот корабль вылетел уже для того, чтобы проверить надежность всех приборов, всех защитных устройств, всех механизмов, назначение которых — обеспечить безопасность человеку в космическом полете. Значит, наступит время, когда космический корабль полетит с человеком? Да. Наступит. Вероятно, этот срок ближе любого срока, придуманного в научно-фантастическом романе.

Еще недавно, в «эру первого спутника», маленького (теперь он нам кажется маленьким!) кругленького «бип-бипа», пожилые люди говорили: «Мы-то не доживем, а ребята наши доживут до космических полетов».

Потом, после первого лунника, стали говорить: «Ребята как раз успеют вырасти, и кто-то из них станет первым космическим путешественником».

А теперь, когда прошел испытания на круговой орбите первый космический корабль, думается: «Да полно, успеют ли ребята подрасти? Не раньше ли все случится?»

...Приборы первого космического корабля работали хорошо, и это не фантастика, ЭТО УЖЕ НА САМОМ ДЕЛЕ.

Анатолий ЛЕВУШКИН

Рисунок А. Билль.

Гуцулия

Даже скалы тащит волоком
разъяренная вода.
И басит в Карпатах колокол,
чтобы прочь ушла беда.

Есть одно поверье древнее:
коль в тревожных вспышках мгла,
коль медведем меж деревьями
злая туча залегла,

бьют гуцулы в било медное,
чтобы хмары разогнать.
Помогает ли, не ведаю,
не могу о том сказать.

Но не зря, поверьте, вспомнил я:
мне по нраву, если в бой
человек выходит с молнией,
с непогодой грозовой...

И, с Черемошем вскипающим
неразлучно подружив,
гонят плот друзья-товарищи
там, где скалы, как ножи.

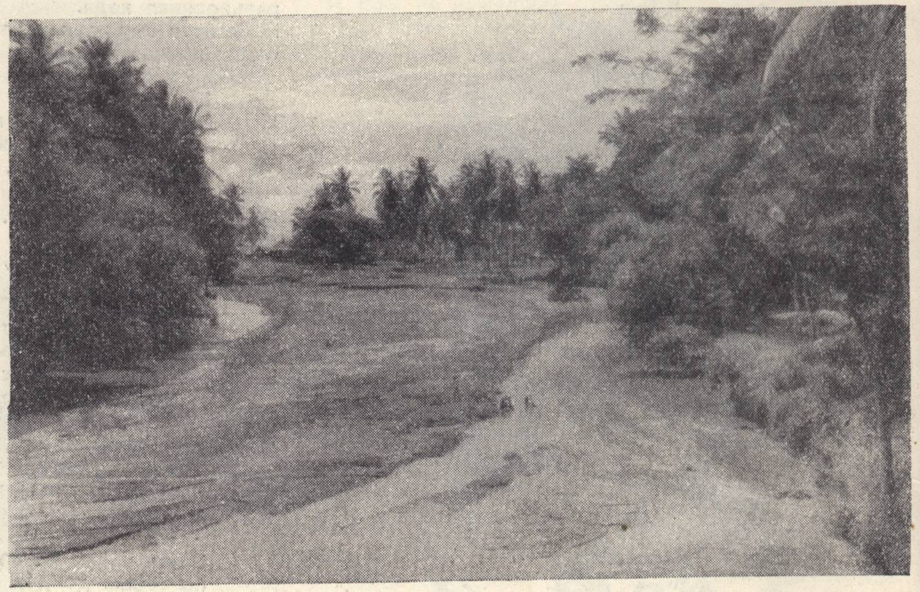
Здесь чабан до неба звездного
по горам дойдет легко
и пасет стада колхозные
да отары облаков.

Перед ним лежит открытая
вся родная сторона.
Он трембитой знаменитою
будит солнце ото сна.

На острове Бали

Ю. ЖУКОВ

Фото автора.

Типичный для острова Бали пейзаж — широкая горная река быстро катит свои волны среди пальмовых рощ. Купаясь в такой реке, люди часто входят в воду в одежде, чтобы потом дольше сохранить ощущение свежести.

Подойдите к географической карте и найдите там на экваторе «страну трех тысяч островов», Индонезию. Словно причудливые южные цветы, расцвели в этом углу карты Суматра, Борнео, Ириан, четырехвостый Сулавеси, продолговатая, похожая на тропическую рыбку Ява. Вглядитесь еще пристальнее, и вы найдете чуть восточнее Явы крохотную оранжевую бусинку, сверкающую в ярко-синем Индийском океане. Это и есть Бали, дальний удивительный островок, о котором написано и рассказано столько сказок и легенд.

Здесь, на небольшом клочке земли размером всего лишь в пять тысяч четыреста квадратных километров, живет и трудится миллион человек. Они выращивают здесь рис, кофе и какао. Куда ни глянь — шелестят своими перистыми вершинами кокосовые пальмы. Высоко в горах дышит горячим сернистым дымом вулкан Батур. Его высота достигает трех тысяч ста метров. Еще выше вздымается вершина его уснувшего собрата — вулкана Агунг. С гор бегут полноводные реки: обильные тропические дожди щедро питают остров влагой. Если добавить к этому, что в промежутках между дождями его столь же щедро согревает экваториальное солнце, лучи которого, словно стрелы, низвергаются отвесно, не оставляя ни малейшей тени, то вы без труда поймете, что сама природа превратила Бали в естественную оранжерею. Здесь нет ни весны, ни осени, ни зимы: здесь круглый год лето, и урожай можно собирать несколько раз в год. Казалось бы, здесь созданы все условия для того, чтобы человек жил в достатке, без всяких забот и пользовался всеми благами цивилизации. Но в действительности судьбы жителей этого чудесного острова сложились так, что они в наш век высокой цивилизации все еще живут чуть ли не в условиях первобытного строя.

Это милые, умные, талантливые люди. Они прекрасные мастера на все руки; многие из них после работы в поле вооружаются резцом скульптора или кистью художника, и хотя никто из них никогда не учился в художественном училище, они создают произведения искусства, славящиеся на весь мир.

Прекрасные скульптуры украшают селения Бали. Они здесь повсюду: на улицах, во дворах, вдоль дорог и на океанских пляжах. Десятки поколений скульпторов трудились над ними. История Индонезии сложилась так, что влияние ислама, распространившееся здесь в XVI веке, остановилось у ворот Бали. На остальной территории страны, в соответствии с законом мусульманской религии, было объявлено великим грехом изображать в картинах или орнаментах растения, птиц, зверей и рыб — все, что будто бы «создано богом». Художникам оставалось изображать лишь геометрические узоры. А на Бали искусство скульпторов и художников продолжало жить и совершенствоваться.

Необычайно развито на этом островке и искусство танца, оно передается из рода в род на протяжении многих веков. Многие крестьяне Бали любят говорить о себе: «Утром мы пашем, после обеда занимаемся скульптурой и живописью, а вечером танцуем». И при всем том этим людям зачастую приходится жить впроголодь, они ходят в рубище, ютятся в соломенных шалашах. Все это — результат длившегося почти четыре столетия господства колонизаторов...

Сейчас на острове Бали, как и на всех других островах Индонезии, освободившихся от ига колониализма, начинается новая жизнь. Повсюду создаются школы, в селениях острова все чаще появляются врачи. Людям дышится привольнее, и главное — у них появилась надежда, что жизнь будет становиться краше.

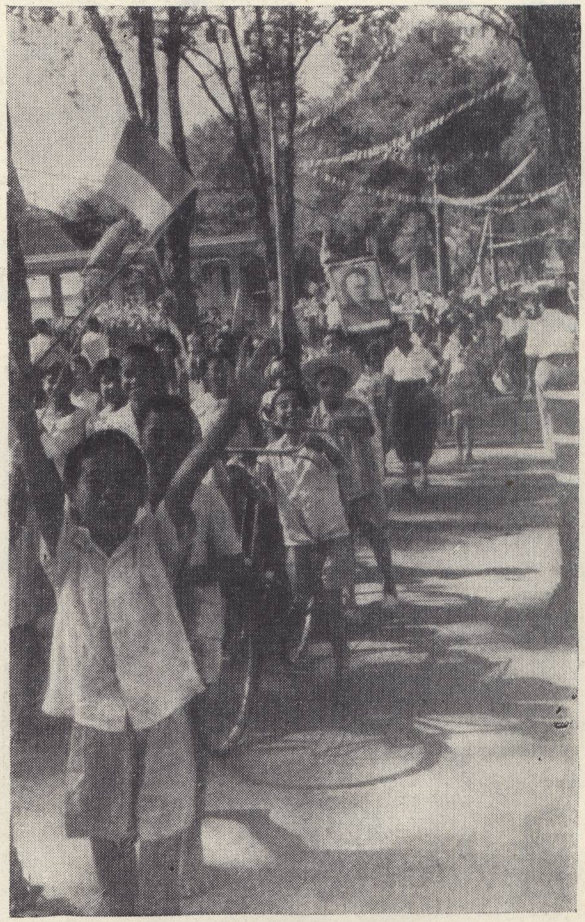
Автору этих строк довелось провести среди жителей острова Бали несколько дней минувшей зимой во время памятной поездки Н. С. Хрущева в Индонезию. Надо было быть там, чтобы увидеть и почувствовать, как тепло и дружественно встречали балийцы главу нашего государства и народа. Слухом земля полнится, и от края до края острова летела весть о том, что Никита Сергеевич здесь, на земле Бали, и отовсюду шли толпы людей, чтобы встретить его, преподнести фрукты, кокосовые орехи, букеты орхидей, осыпать его лепестками пахучих тропических цветов.

Даже здесь, на далеком тропическом острове, затерявшемся по ту сторону экватора, хорошо знают нынче, что представляет собой наша рабоче-крестьянская держава и как помогает она молодым государствам Азии и Африки, только недавно освободившимся от чужеземного угнетения и начинающим строить свою жизнь по-новому! И каждый из нас, советских людей, приехавших туда в эти памятные дни, чувствовал себя на этом экзотическом острове, как у себя дома, невзирая на совершенно непривычную обстановку, чужой горячий и влажный климат и чужое небо, в котором удивительно ярко сверкало созвездие Южного Креста вместо такой привычной нам Большой Медведицы.

Я воспользовался этими днями, чтобы сделать несколько снимков для своих юных друзей — читателей «Пионера». Надеюсь, что они дадут им хотя бы некоторое наглядное представление об этом удивительном и прекрасном острове...

Эти девушки пришли на аэродром из различных селений, чтобы встретить главу Советского правительства Н. С. Хрущева. Они надели праздничные платья, сшитые из материи, вытканной ими самими на ручных ткацких станках. На головах у девушек искусно вырезанные из золотистой бумаги венки, а в руках — чаши, наполненные ароматными лепестками цветов, которыми они, по древней традиции, осыпают дорогих гостей...

А это ребятишки из селений Бали, встречающие Н. С. Хрущева. В руках у них бело-малиновые индонезийские и алые советские флажки и портреты дорогого гостя. Посмотрите на улыбающиеся мордашки ребят! На них написана неподдельная радость...

Хижины лесной деревушки сплетены из соломы. Здесь никогда не приходится заботиться о защите от холода, поэтому жители острова не строят таких солидных, прочных зданий, какие сооружаем мы, северяне. Даже у зажиточных крестьян дом — это большей частью просто навес, без всяких стен. Под навесом стоит кровать, накрытая циновкой, которая заменяет простыню и подушку. Сверху свисает полог, защищающий спящих от москитов. Но все же и здесь люди предпочли бы, конечно, жить в более комфортабельных домах, если бы у них были средства на то, чтобы построить их...

Обратите внимание на то, как крестьяне убирают урожай риса. В руках у них нет даже серпов. Вот так, горсть за горстью, будет собран сноп. А когда работа будет закончена, крестьяне поднимут снопы на плечи и понесут их домой, в селение.

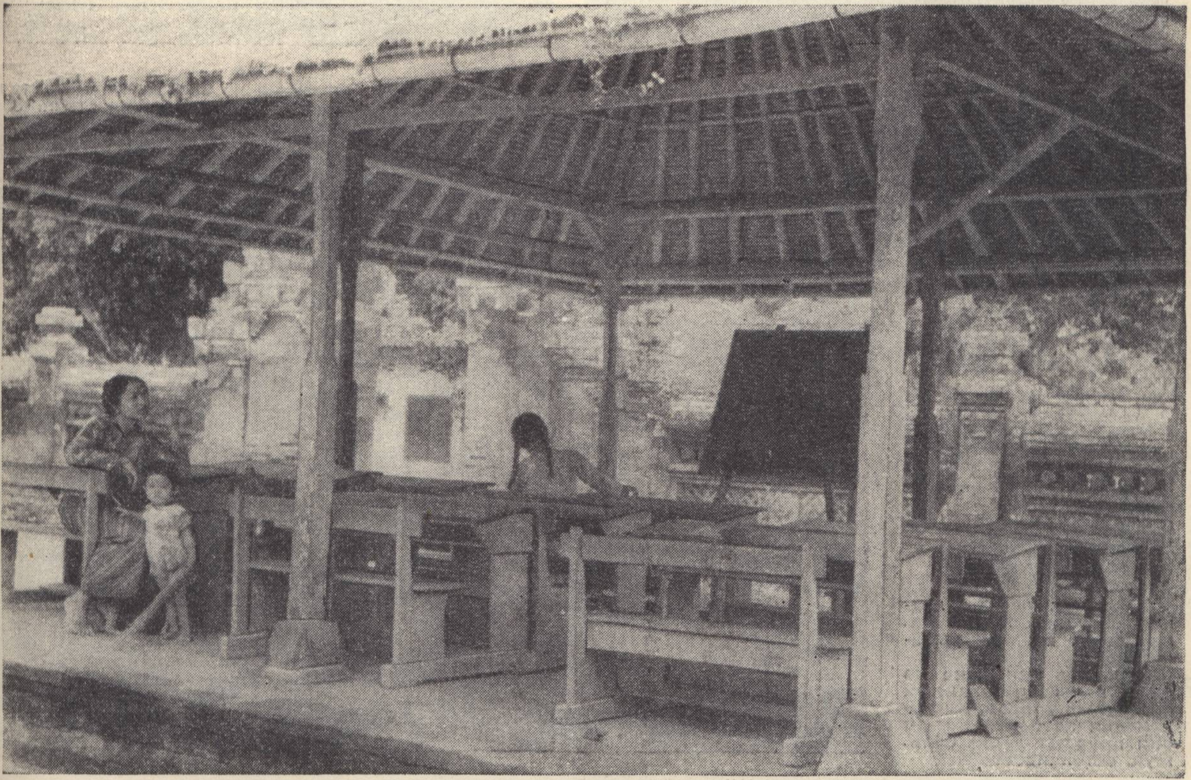

У этого рыбака нет лодки. Он забрасывает свою маленькую сеть у самого берега. Конечно, ему трудно рассчитывать на большой улов. Поглядите, как тщательно выбирает он из сети свою скудную добычу! Несколько микроскопических мальков, ракушки, морские рачки — и это все! Что ж, все-таки можно будет состряпать нехитрый ужин...

Познакомьтесь: школьники с острова Бали. Эта девочка рада встрече и в то же время немного смущена: первый раз в жизни ее фотографирует человек из Советского Союза. Она слыхала, что это большая, чудесная страна, где все дети учатся и где для них строят дворцы. Но это было похоже на сказку. И вот советские люди здесь, на острове Бали, и они подтверждают: все, что ей рассказывали о детях Советского Союза,— чистая правда...

Внизу на снимке — школа, в которой учатся балийские дети. Здесь тоже нет стен, только крыша. Но парты и школьная доска такие же, как и повсюду на белом свете... Сегодня выходной день, но одна девочка все же пришла в школу и села за парту. Может быть, ей не довелось учиться, и она просто пришла помечтать о том счастливом времени, когда ей удастся присоединиться к своим сверстницам в этой школе?.. А слева сидят мама с дочкой. Этой девочке в школу ходить еще рано. Наверное, к тому времени, когда она подрастет, школ здесь будет больше и они будут лучше...

«Купите кокосовый орех, купите! Он очень свежий». Этот молодой крепыш, хозяин дома, только что проворно влёз на пальму и срубил большие гладкие орехи, которые растут гроздьями у самой ее макушки. «Купите!» Один ловкий удар ножа — и орех превращается в огромную чашу. Он наполнен прозрачным сладковатым прохладным соком, отдаленно напоминающим наш чудесный березовый сок.

А вот снимок, сделанный на базаре. Посмотрите на эту деловую женщину — она полна гордости за свой товар. Глиняные горшки непривычной для нас формы (они похожи скорее на шляпы, чем на горшки!) сделаны на ручном станке ее отцом, братом или мужем. Я видел, как она принесла на базар свои товары: все горшки были сложены в одну хитроумную пирамиду, которая помещалась у нее на голове.

На таких легких лодках рыбаки острова Бали уходят в океан рыбачить.

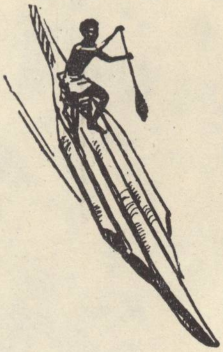
Обратите внимание на две пары деревянных изогнутых упоров, выступающих за борта лодки; они придают лодке большую остойчивость.

Делу время, а потехе час! По вечерам у стен древних балийских храмов крестьяне устраивают балетные спектакли. Их темы навеяны старинными индийскими сказаниями, сюжеты передаются из рода в род с той самой поры, когда в Индонезии господствовали индийские князья. Гордость каждого крестьянина и крестьянки — собственный костюм для участия в танце. Роли в балетных спектаклях передаются от отца к сыну, от матери к дочери, и надо сказать, что искусство исполнителей достигает высокого совершенства. Посмотрите на снимки. Внизу — сценка, показывающая, как царь-обезьяна дразнит бананом доброго духа, принявшего обличье дракона. Духа изображают два крестьянина: один впереди — вы видите его босые ноги,— второй — сзади. На верхнем снимке — танец служанки злого духа, ее роль исполняет молодая крестьянская девушка. Сколько чувства вложено в эти танцы, как точны и отчетливы каждый жест, каждое движение! Этот спектакль оказал бы честь любому балетному театру, а ведь это — всего лишь самодеятельное выступление группы крестьян глухой, далекой деревни острова Бали...

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ КАТАМАРАНА

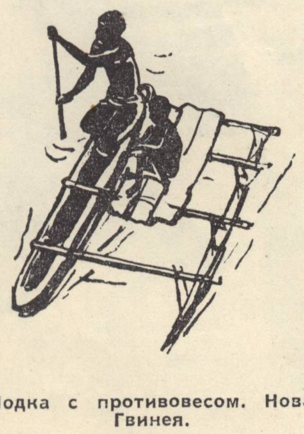
Катту марам.

Что за странные суда изображены на этой странице и на цветной вкладке? Лодки с противовесом, две лодки, три и даже четыре, соединенные вместе деревянным настилом.

Родина всех этих суденышек — острова и побережья Индийского и Тихого океанов. Европейцы называют их катамаранами. Но если вы попросите тамилов (племя, живущее на побережье Индийского океана) показать катамаран, они подведут вас к небольшому бревенчатому плотику. По-тамильски «катту марам» означает «связанные деревья». Отсюда и произошло европейское название «катамаран».

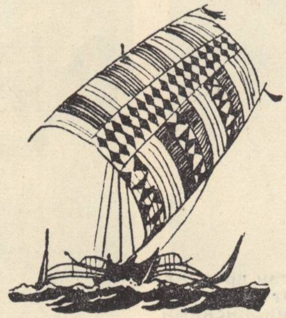
Катамараны очень остойчивы, они противостоят самым сильным ветрам и не боятся огромных океанских волн.

Попробуйте встать во весь рост в байдарке — она перевернется от малейшего неосторожного движения. Но, если к байдарке вы прикрепите жердями сбоку небольшое бревно или соедините досками две байдарки, отстоящие друг от друга на некотором расстоянии, вы сможете спокойно ходить по настилу и даже поставить мачту с парусом — ваше сооружение не опрокинется. Если крен в сторону, противоположную бревну, оно вместе с жердями образует рычаг-противовес. Если крен в сторону бревна, оно благодаря своей плавучести выдавливается из воды, не позволяет лодке крениться.

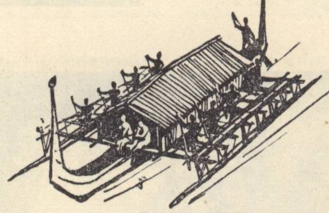

Лодка с противовесом. Новая Гвинея.

Моряки во время качки широко расставляют ноги, чтобы сохранить равновесие. Так и катамаран: раздвинул корпуса, чтобы устоять против ветра и волн.

Лодка с двумя противовесами. Филиппинские острова.

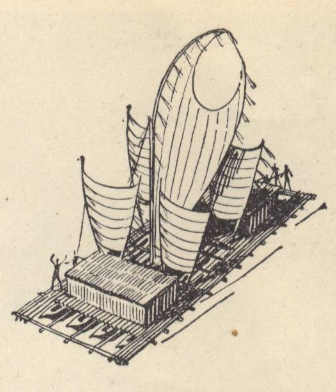
Плавучий дом с двумя противовесами. Новая Гвинея.

* * *

До самого последнего времени никто не пытался использовать тысячелетний опыт мореходов Океании. Судостроители ломали голову над тем, как усовершенствовать однокорпусные корабли. И только совсем недавно о катамаране вспомнили яхтсмены.

От чего зависит быстроходность яхты?

От величины паруса и формы корпуса яхты. Чем у́же и длиннее ее корпус при том же водоизмещении, тем меньшее сопротивление воды она испытывает; чем больше парус — площадь, на которую давит ветер,— тем быстрее яхта идет.

Четырехкорпусный катамаран. Новая Гвинея.

Положите на воду длинную тонкую жердь и короткое толстое полено того же веса. Толкните их с одинаковой силой. Жердь поплывет дальше, а полено отстанет от нее, потому что его широкий, тупой конец как бы упирается в воду, вода задерживает, тормозит полено.

Но беспредельно удлинять корпус яхты и увеличивать паруса нельзя: длинная, узкая яхта с большими парусами теряет остойчивость, легко опрокидывается.

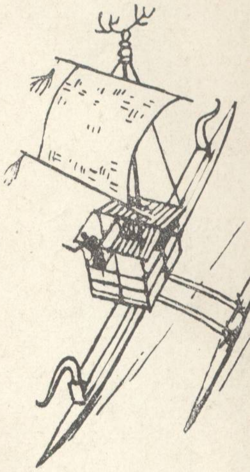
Для большей остойчивости строят яхты с тяжелым килем, прикрепляя под их днищем чугун-

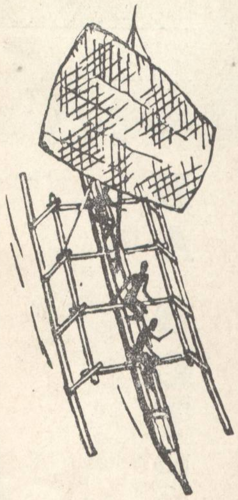
Катамаран с приспособлением для откренивания. Острова Адмиралтейства.

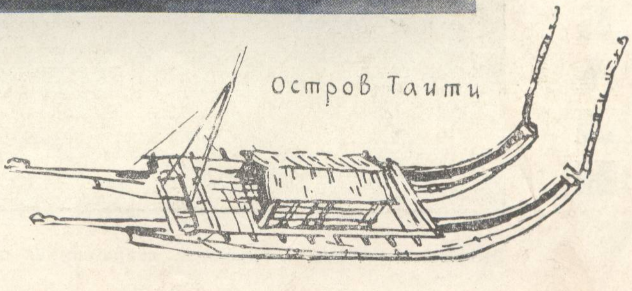
У берегов Новой Гвинеи

Остров Бири-Бири

Новая Гвинея

Остров Таити

СЕМЕЙСТВО КАТАМАРАНОВ

Крестьянин на рисовом поле. Здесь, на острове Бали, собирают с одного поля несколько урожаев в год...

НА ОСТРОВЕ БАЛИ

Это зал, в котором собираются старейшины селения, чтобы обсуждать свои крестьянские дела.

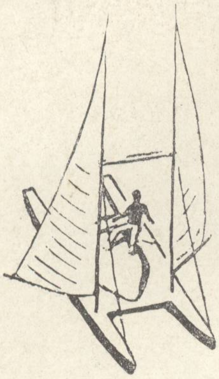
Улица городского поселка на острове Бали.

Маленький семейный храм в честь предков.

Такие статуи стоят на пляжах острова Бали. Кто знает, когда они были высечены из камня!..

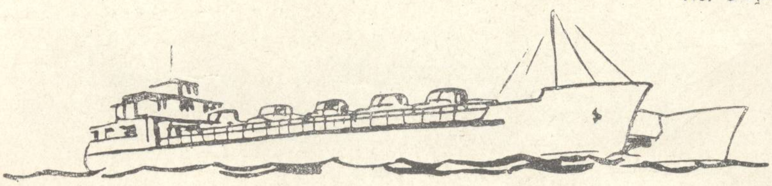

Спортивные катамараны

На Волге строится первый в м
грузовой катамаран

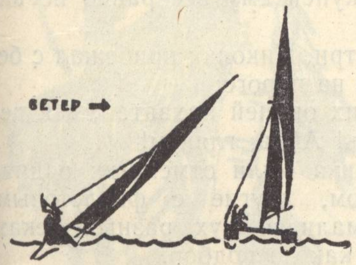
ВТОРОЕ РОЖДЕНИ КАТАМАРАНА

ный груз. Такая яхта, как «ванька-встанька», возвращается в вертикальное положение, едва ослабеет ветер, но она идет с большим креном, а крен уменьшает ее скорость.

Тут-то и вспомнили о катамаране. Соединив два узких и длинных корпуса, можно увеличить парус, и яхта даже при сильном ветре будет идти без крена с большой скоростью. Опрокинуть такую яхту очень трудно, почти невозможно.

Прошлым летом на Балтийском побережье Германской Демократической Республики появилась первая двухкорпусная яхта. На испытаниях она показала хорошие ходовые качества. В пятибалльный ветер яхта шла почти без крена со скоростью пятнадцать узлов (почти 28 километров в час). У обыкновенной яхты средняя скорость не выше пятнадцати километров в час.

Сейчас рождаются все новые и новые проекты спортивных катамаранов: тут и трехкорпусные суда, и яхты с одним и двумя балансирами, и яхты с двумя мачтами. У парусного спорта появились новые возможности. И не только у спорта.

Видите, как сильно кренится обычная яхта (слева), а катамаран идет совсем без крена.

* * *

На протяжении веков люди совершенствовали свои корабли: создавали все более быстроходные и более грузоподъемные суда. И все же скорость самых лучших кораблей намного отстает от скорости поездов.

Взять, к примеру, английский трансатлантический турбоход новейшей конструкции — «Куин Элизабет». Это настоящий плавучий город. Длина его — более 300 метров, высота — почти с пятиэтажный дом, на него можно погрузить около 12 тысяч тонн грузов. На исполинском корабле установлены двигатели в 160 тысяч лошадиных сил. Это мощность ста современных тепловозов. А проходит «Куин Элизабет» в час всего лишь 56 километров, в то время как курьерский поезд может мчаться со скоростью свыше ста километров.

Увеличивать скорость судов оказалось делом нелегким. Конечно, можно ставить на них все более мощные двигатели, но выигрыш от этого будет невелик, скорость будет возрастать незначительно.

Что же мешает судам идти быстрее? Сопротивление воды. Оно тем больше, чем стремительнее идет судно. Если, например, скорость увеличилась в два раза, то сопротивление воды возрастает не в два, а более чем в четыре раза. Значит, придется ставить двигатели во много раз сильнее: ведь они должны выработать энергию не только на увеличение скорости, но и на преодоление все возрастающего сопротивления воды.

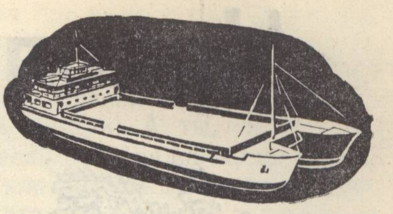
Мы уже знаем, что сопротивление воды зависит от формы судна. И все же наибольшая скорость быстроходных миноносцев, судов с длинным, узким корпусом, сравнительно невелика: всего около 38 узлов (приблизительно 70 километров в час). Почему же она не может быть больше?

Потому что у плывущего корабля образуются так называемые коравельные волны. На их образование затрачивается энергия. И чем быстрее идет судно, тем выше волны перед ним, тем больше расходуется энергии, чтобы преодолеть сопротивление воды.

Судостроители решили поднять судно над водой — построили суда на подводных крыльях. Они быстроходны, но у них небольшая грузоподъемность. Кроме того, они чувствительны к непогоде: большие волны мешают им идти на крыльях.

Профессор Горьковского института инженеров водного транспорта М. Я. Алферьев много лет занимался исследованием катамарана. Он делал расчеты, проводил опыты в своей лаборатории и, наконец, разработал проект судна катамаранного типа для перевозки грузов по большим рекам.

Алферьев как бы рассек корпус обычного судна вдоль на две равные части, придав обеим половинкам симметричную обтекаемую форму, раздвинул их на некоторое расстояние и соединил над водой прочной стальной платформой. Вместо одного широкого получились два узких длинных корпуса. От этого резко уменьшилось сопротивление воды движе-

Вот как много места для груза на катамаране!

нию судна. Катамаран может вместить гораздо больший груз, чем обычное судно такого же водоизмещения.

Проводя исследования в своей лаборатории, ученый открыл совершенно неожиданное свойство катамарана.

При тихом ходе у него совсем не образуются волны.

Но вот катамаран увеличивает скорость. Возникают волны. Они тормозят ход судна, двигатели его работают на всю мощь, тратят много энергии, чтобы преодолеть сопротивление воды. Все идет, как у обычных судов.

Катамаран еще увеличивает скорость, и... волны пропадают. Образовавшись перед обоими корпусами, они, набегая друг на друга, взаимно гасятся. У модели, которая испытывалась в бассейне, образовывалась лишь пена, волн не было.

По расчетам М. Я. Алферьева, большой катамаран с двумя тысячами тонн груза на борту сможет развивать скорость до 130 километров.

На судостроительном заводе имени сорокалетия Октября уже построен первенец будущей семьи стальных катамаранов. (Смотри рисунок на цветной вкладке.) Правда, для начала решили не делать его таким быстроходным. Его скорость будет всего лишь около 30 километров в час. Тут используют главным образом одну «выгоду» катамарана: его большую по сравнению с обычными судами грузовместимость.

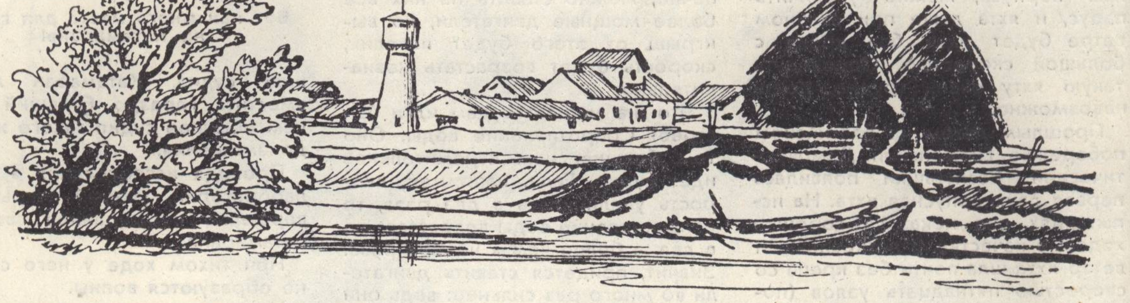
Вслед за этим будет построен первый пассажирский катамаран. У него уже есть и имя — «Отдых». Просторное, остойчивое в любую погоду, судно будет вмещать 700 пассажиров-отдыхающих.

Это лишь первые ласточки. Но, наверно, уже недалеко то время, когда быстроходные гигантские корабли-катамараны пойдут не только по рекам, но и по океанским просторам. И легкие катамараны островитян будут приветствовать своих младших по возрасту стальных братьев.

Л. ГОЛОВАНОВ,
О. РЕВО

Николка и Сергей Титыч

Вл. АРХАНГЕЛЬСКИЙ
Рисунки И. Кузнецова.

Деревенские старики давно придумали поговорку «Июнь — на рыбу плюнь!»

И как мы ни старались с Николкой, хорошую рыбину поймать не могли. Лещ и окунь словно пропали. Всех наших червей начисто объедали маленькие колючие ерши.

Уходил июнь, подоспела пора сенокоса. И мы четыре дня отработали на колхозном лугу: вручную обкашивали крутые склоны оврагов, ворошили, возили сено.

Потом смастерили перед домом фанерный столик и длинными вечерами «гоняли чаи» за самоваром. Вода в реке была маслянистой от заката, и по ней шли круги: это играли лещи. Николка глядел на их веселые игрища, давился горячим чаем и тяжело вздыхал:

— Есть, есть рыба, а не берет!

В первых числах июля появился в деревне московский удильщик Сергей Титыч, маленький и невидный старик в полотняном костюме. Костюм был так широк, что худое тело рыбака помещалось в нем, как усохшее зерно ореха в большой скорлупе.

Старик пришел к нам, снял шляпу, расправил редкую, острую бороденку и сказал тонким, скрипучим голосом, как соседская бабка Анфиса:

— Мое почтение уважаемым рыбакам!

Сказал и хитро подмигнул Николаю.

— Беда у меня: совсем рассохлась посудина. Прошу вас: дайте на денек вашу лодку — хочу окуньками побаловаться!

Мы дали ему лодку: пускай разомнет старые кости. А окуней ему все равно не видать!

Прошло часа три. Николка прибежал с берега и закричал на пороге:

— Титыч таких окуней нахватал, вся деревня сбежалась! Айда, глянем!

Окуни у старика были отменные: одни с золотым отливом, другие с фиолетовым, словно их поймали в двух разных реках. И все крупные, как на подбор.

— Где ловили-то? — Николка не смог скрыть зависти.

— Да там! — старик махнул рукой в сторону моста. — По всему плесу. И за березами, где овцы полднюют. И так жадно берут, просто душу отвел! Дали бы лодочку еще на день, я бы и вас рыбой угостил.— Старик не спеша перебрасывал окуня за окунем из кормы в холщовую торбу.— Разрешите?

— Пожалуйста! — ответил я, чтобы поскорей прекратить обидный разговор.

— Не жалко! Берите! Нам все равно не везет! — вставил Николка.

— Ловить надо уметь! Да и голова помогать должна! — захихикал Сергей Титыч и мокрым пальцем дотронулся до Николкиных вихров.— Знаю я тебя: и ночью теперь не заснешь, все будешь план строить, как старика объегорить! Хи-хи-хи!

— Ни к чему ваши слова! Не первый год с вами на реке, и все-то у вас секреты. От жадности, что ли? — пробурчал Николка.

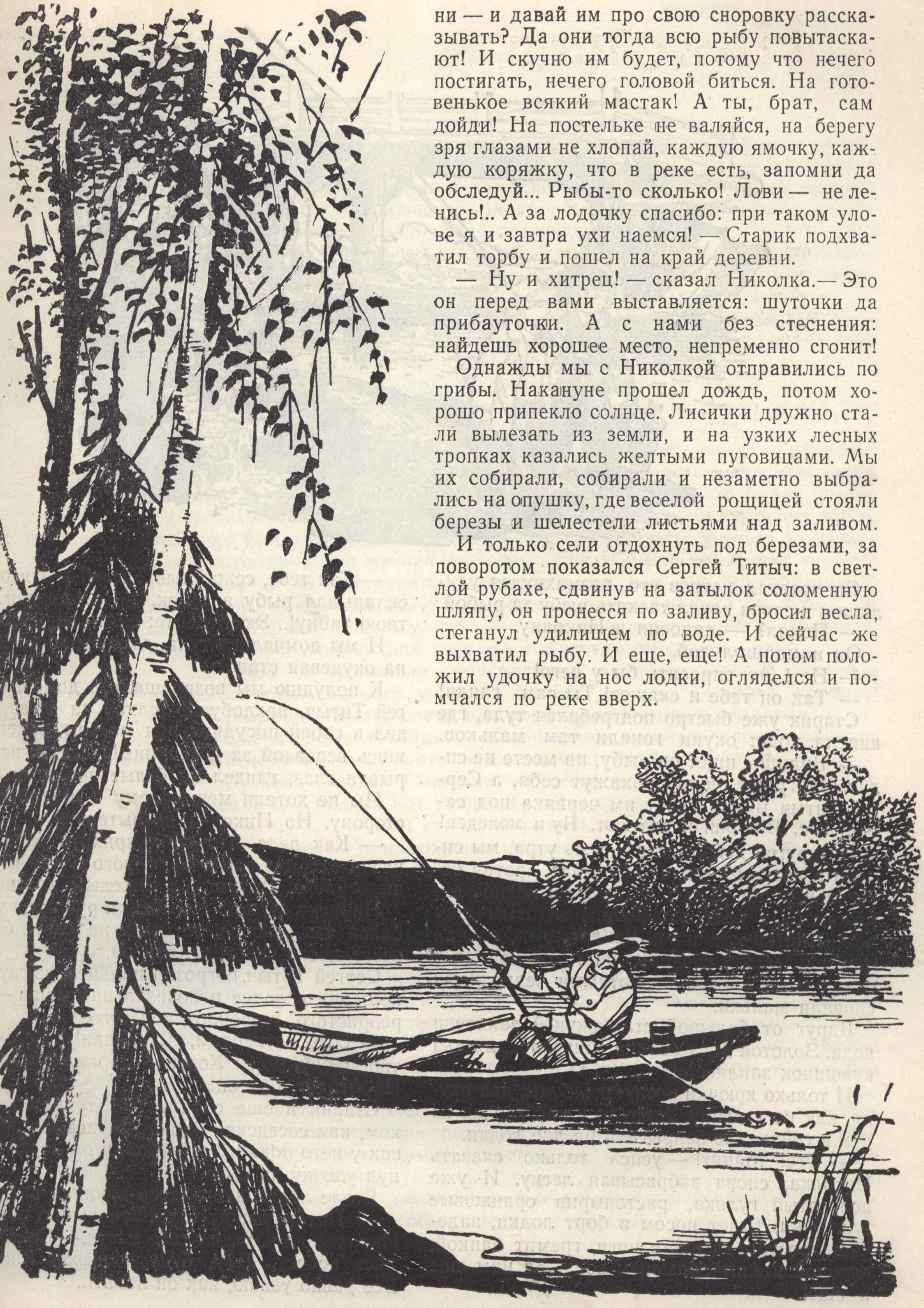
— Поговори мне еще!.. Послушать тебя, так я должен собрать ребят со всей дерев-

ни — и давай им про свою сноровку рассказывать? Да они тогда всю рыбу повытаскают! И скучно им будет, потому что нечего постигать, нечего головой биться. На готовенькое всякий мастак! А ты, брат, сам дойди! На постельке не валяйся, на берегу зря глазами не хлопай, каждую ямочку, каждую коряжку, что в реке есть, запомни да обследуй... Рыбы-то сколько! Лови — не ленись!.. А за лодочку спасибо: при таком улове я и завтра ухи наемся! — Старик подхватил торбу и пошел на край деревни.

— Ну и хитрец! — сказал Николка.— Это он перед вами выставляется: шуточки да прибауточки. А с нами без стеснения: найдешь хорошее место, непременно сгонит!

Однажды мы с Николкой отправились по грибы. Накануне прошел дождь, потом хорошо припекло солнце. Лисички дружно стали вылезать из земли, и на узких лесных тропках казались желтыми пуговицами. Мы их собирали, собирали и незаметно выбрались на опушку, где веселой рощицей стояли березы и шелестели листьями над заливом.

И только сели отдохнуть под березами, за поворотом показался Сергей Титыч: в светлой рубахе, сдвинув на затылок соломенную шляпу, он пронесся по заливу, бросил весла, стеганул удилищем по воде. И сейчас же выхватил рыбу. И еще, еще! А потом положил удочку на нос лодки, огляделся и помчался по реке вверх.

Он проехал метров сто, размахнулся удилищем и снова начал таскать рыбу за рыбой.

— Понял? — спросил я Николку.

Он наморщил лоб.

— Нет! Эх, спросить бы у него!

— Так он тебе и скажет! Ты сам гляди!

Старик уже быстро подгребался туда, где кипела вода: окуни гоняли там мальков.

— Видишь, ищет он рыбу, на месте не сидит. Заиграют окуни, покажут себя, а Сергей Титыч мигом сунет им червяка под самый нос. Вот они и хватают. Ну и молодец!

На другой день, часов в семь утра, мы сидели в лодке на широком заливе, против березовой рощи. Ветра не было, и солнце отражалось в воде пылающим золотым диском. Листья кувшинок на длинных, тонких ножках лежали спокойно на тихой воде, а в окнах между ними крохотными челночками сновали мальки.

Вдруг от большой стаи окуней закипела вода. Золотой диск солнца закачался, листья кувшинок заплясали.

И только крючки коснулись воды, два окуня, как по уговору, дернули у нас удочки из рук и сейчас же запрыгали на дне лодки.

— Эге! Манят! — успел только сказать Николка, снова забрасывая леску. И уже полосатый гуляка, растопырив оранжевые плавники, тычет носом в борт лодки, задевает хвостом за наши ноги, гремит банкой, которой мы вычерпываем воду. За ним еще и еще!

— Так тебе, секретный Титыч! — Николка складывал рыбу в садок. — Подглядели мы твою тайну!.. Эх, глядите: опять вода кипит.

И мы помчались туда, где играла еще одна окуневая стая...

К полудню мы возвращались домой. Сергей Титыч, нахлобучив шляпу на глаза, сидел в своей посудине под мостом, зацепившись веревкой за деревянный бык, и, не отрывая глаз, глядел на белые поплавки.

Мы не хотели мешать ему и отвернули в сторону. Но Николка не вытерпел.

— Как дела, Титыч? — крикнул он и показал старику самого крупного окуня из нашего улова. Окунь был тяжелый, красивый.

Николка держал его обеими руками и улыбался так, словно не было на свете более счастливого человека, чем он.

Сергей Титыч погрозил пальцем, нагнулся, пошарил в лодке и показал нам леща — серебристого, широкого, толстого.

— Это четвертый, Николка! Не чета твоим окунькам! Хочешь старика обловить? Не выйдет, братец!

Старик и еще скрипел бы тонким голоском, как соседская бабка Анфиса, но поплавок у него повалился набок, и он ловко дернул удочку на себя.

Возле лодки завозилась крупная рыба.

— Пятого тащит! Ну и вредный старик! — Николка не находил себе места. — Сейчас на мост побегу, лягу, буду в дырку глядеть! Все равно узнаю, как он ловит!..

ОТЕЦ

Геннадий Лызлов рано потерял родителей. Воспитывала его родственница, у которой и своих малышей было двое. Геннадий рос, бегал в школу. Потом он поступил в ремесленное училище и теперь мечтает стать машинистом. В училище он на хорошем счету. Ребята выбрали его секретарем своей комсомольской организации.

Казалось бы, наладилась у Геннадия жизнь... Но вот новое несчастье. Умерла его родственница — двое малышей остались круглыми сиротами.

— Погляжу на них, сердце сжимается,— говорил Геннадий своим товарищам по училищу.— Уж кому-кому, мне-то понятно, что значит осиротеть. Ума не приложу, что мне с ними делать?

— Отдай в детский дом,— советовали друзья.

— Не могу. Конечно, в детском доме не будет плохо, а все-таки не то, что дома. Нет, не могу...

Да, он не мог, хотя знал, что, если отдаст ребят, никто не упрекнет его за это. И он знал, что взять на себя обязанность вырастить двоих ребятишек очень трудно, тяжело, ответственно. Знал, что будет трудно с деньгами, что придет к нему множество новых, совсем взрослых забот, что надо будет решать сложные жизненные вопросы, учиться трудному делу воспитания. Его мучила неуверенность: «Сумею ли? Хватит ли сил?» И все же он не мог отдать малышей, видя, как они, беспомощные, маленькие, доверчиво жмутся к нему, к единственному близкому им человеку. Не мог и потому, что мать этих двух сирот нашла в себе силу, и мужество, и любовь для него самого, когда он остался один.

...Вскоре на заседании горисполкома рассматривалось заявление учащегося ремесленного училища № 24 Геннадия Лызлова, который просил разрешить взять опеку над двумя малолетними сиротами.

— Очень уж вы молоды,— с сомнением покачал головой один из членов исполкома.— Сумеете ли вы заменить малышам отца?

Сумею,— сказал Геннадий.— Привык к ним очень. И все, что надо для них, исполню, вот увидите!

— Раз Геннадий решил, сделает. Это человек слова,— поддержал своего воспитанника директор училища.— К тому же он не останется без поддержки. Комсомол и дирекция училища ему помогут.

— И мы поможем,— сказал председатель горсовета.— Товарищ Лызлов — самый молодой опекун из всех, каких я знаю. Обязательно поможем.

Недавно к одному из многоквартирных домов, построенных на улице Ленина, подошла грузовая машина, доверху наполненная мебелью и всякими домашними пожитками. В кузове сидел юноша в форме ученика ремесленного училища, в кабине с шофером — двое малышей.

— Кто же это будет жить рядом с нами? — полюбопытствовала пожилая женщина, вышедшая из дверей подъезда.— Мы, видите ли, тоже только вчера переехали...

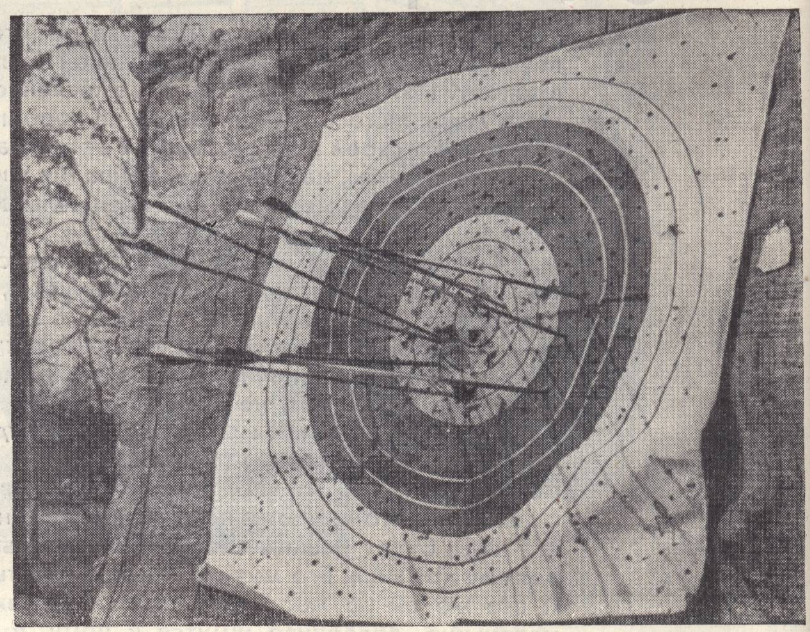
И с удивлением выслушала ответ. Удивление сменилось участием, когда она узнала историю новой семьи.

Л. АХМИН

г. Карабаш, Челябинская область.

И снова, как встарь, звенит тетива

Н. КОЛЕСНИКОВА,
П. МИХАЛЕВ

СПОРТ

Туго натянут боевой лук: добрый разбойник, предводитель «зеленых братьев», напоминает ноттингемскому шерифу, кто истинный хозяин Шервудского леса... Летит «калена стрела» былинного богатыря, вышедшего на поле-полеваньице поискать ратных подвигов, потешить свою удаль молодецкую... Юноша Гайавата метким выстрелом поражает оленя...

Робин Гуд, Добрыня Никитич, Гайавата, Вильгельм Телль, Айвенго, краснокожие охотники и следопыты Фенимора Купера, прославленные лучники всех времен и народов могут торжествовать. Лук и стрелы восстановлены в правах. Забытое искусство стрельбы из лука возрождается.

Возрождается лук? В век атомных ледоколов и электростанций? В век космических полетов? Да! Но у нас это не оружие войны и охоты, а увлекательный и красивый спорт.

Луку помог возродиться случай, и вот как это произошло.

...Уже много дней пробирался сквозь девственные леса Амазонки маленький экспедиционный отряд. Густые заросли, в которые не проникает солнце, плотные сплетения лиан, кишащие аллигаторами реки преграждали путникам дорогу. Казалось, на много тысяч километров вокруг нет ни одной человеческой души.

Но однажды руководителю отряда, польскому ученому Мечиславу Фуларскому, послышался странный, незнакомый звук. Над самой его головой тонко пропела и вонзилась в древесный ствол стрела с пестрым орлиным оперением. Чья-то рука послала ее с такой силой, что из ствола, словно кровь, брызнул белый сок. Несколько мгновений путешественники, будто завороженные, смотрели, как стрела нервно вибрировала в стволе. Потом, словно по команде, щелкнули ружейные затворы.

— Стойте! — закричал Фуларский.— Это индейцы! Они ведь не знают наших намерений. Они просто предупреждают нас!

Вскоре путешественники познакомились с хозяевами этих лесов, и так как польские исследователи пришли сюда с мирными целями, у них быстро наладилась дружба. Это было очень интересно: будто время вернулось вспять на семь веков. Племена, населявшие притоки Амазонки, не знали ни пороха, ни ружей. Но ожерелья из зубов ягуара украшали грудь смелых охотников.

Зубы ягуаров, убитых легкими деревянными стрелами! Оказывается, лук совсем не детская игрушка! Но не всякий сумеет убить ягуара из лука. Натянуть тетиву — большое искусство. Стрела послушна только сильной и умелой руке.

Возвращаясь домой, в Польшу, ученые увезли с собой подарки индейцев — несколько луков со стрелами.

Это было в 1924 году. А еще через год у Мечислава Фуларского и его товарища по экспедиции Аполлониуша Зарыхты, увлекшихся стрельбой из лука, появились сотни последователей. Первобытный лук стали делать в цехах современных фабрик: такой на него поднялся спрос.

В 1927 году в Варшаве состоялся первый национальный чемпионат по этому виду спорта. Вскоре «луковая эпидемия» охватила всю Европу. А потом стрелы полетели еще на тысячи километров дальше: в Америку, в Австралию.

Через восемь лет после того, как Мечислав Фуларский в дебрях Амазонки встретил стрелу с орлиным пером, любители спортивной стрельбы из лука собрались на свой первый мировой чемпионат. Он был необычным: еще не существовало твердых правил состязаний, мужчины и женщины мерялись силами на равных условиях. И никого не удивило, что победителями стали поляк Савицкий и его соотечественница Курковска-Спухайова. Эта замечательная спортсменка затем еще пять раз завоевывала золотую медаль чемпионки мира. Сейчас она носит почетное звание заслуженного мастера спорта Польши.

Вернемся, однако, к первому мировому чемпионату: здесь родилась Международная федерация стрельбы из лука — ФИТА. Ее первым президентом стал человек, заново открывший лук для европейцев,— Мечислав Фуларский.

С тех пор ФИТА девятнадцать раз собирала лучников со всех концов света. Лук стал полноправным членом в семье олимпийских видов спорта.

...Есть в Москве небольшой стадион общества «Авангард». Здесь, как и на всяком стадионе, хлопают выстрелы стартовых пистолетов, звенят под ударами тугие кожаные мячи. Но по вечерам на «Авангарде» в эту спортивную симфонию врываются новые ноты: свист стрел, в полете рассекающих воздух.

Лучники, застывшие на фоне вечернего неба, напоминают силуэты древних воинов. Сигнал тренера: начать стрельбу! И силуэты оживают. Правая рука медленно натягивает тетиву, левая словно окаменела в неподвижности. Но чувствуется, что у стрелка напряжен каждый мускул. Еще бы! Этот изящный вид спорта сродни труду тяжелоатлета, поднимающего стальную штангу. Натянуть тетиву спортивного лука, из которого стреляют мужчины, все равно, что поднять одной рукой груз весом в двадцать пять килограммов. А на больших состязаниях спортсмен делает около двухсот выстрелов. Подсчитали, что в день таких состязаний лучник как бы поднимает, хотя и «по частям», штангу весом в десять тонн.

Стрельба из детского лука, разумеется, не требует таких усилий, но и тут, чтобы достигнуть хороших результатов, нужна хорошая физическая подготовка.

Вот каков этот спорт! Прежде чем взять в руки легкий ореховый или ясеневый лук, приходится много тренироваться с гантелями, заниматься гимнастикой, греблей, ходить на лыжах.

Тетива отпущена. Она пружинит с легким звоном. Лук распрямляется. Стрела летит. В конце полета ее ждут цветные круги бумажной мишени. Но ведь стреле с металлическим, словно пуля, наконечником ничего не стоит пробить бумагу и крепко вонзиться в щит. А потом — тащи ее! Чтобы погасить удар, мишень прикрепляют к толстым соломенным матам.

Неопытный стрелок, конечно, попадет только в самый большой круг мишени, в белый. Через несколько дней тренировки он уже сумеет поразить соседний, черный круг. Чем выше будет становиться мастерство лучника, тем ярче «победные» цвета, ведущие его к сердцу мишени. Внутри черного — синий круг, потом красный, а в центре — заветный желтый «апельсин». Пробьешь это «апельсиновое яблочко» — получишь наивысшую оценку: десять очков.

«Авангард» на линии «огня».

Болельщики: «Вот они какие, настоящие стрелы!»

«Охота за апельсином» очень увлекательна. Недаром раза два-три в неделю Владимир Косолапов, фрезеровщик одного из московских заводов, окончив смену, отправляется на стадион «Авангард». Приходит сюда студентка Светлана Рутенштейн, будущий врач. Даже в пору зачетов она находит время, чтобы потренироваться. Приходят инженер Юрий Орлов, имеющий дело со сложными машинами, и многие другие москвичи. Все они люди очень современных профессий, но их покорило оружие Робин Гуда и Гайаваты.

Стрелы поют не только на столичном стадионе. В дни Всемирного фестиваля молодежи приехал в Москву из Львова заслуженный мастер спорта Николай Калиниченко. На стадионе он залюбовался мастерством гостей фестиваля — лучников Польши и Чехословакии. И вот Калиниченко, участник и победитель многих чемпионатов мира по стрельбе из пистолета, был «покорен» луком и стрелой.

Сейчас дома у Калиниченко, в его рабочей комнате, пахнет столярным клеем, на столе лежат образцы разных сортов древесины: ясеня, бамбука, ореха, акации, лежат пластмассовые пластинки, готовые соперничать с деревом, перья — орлиные, индюшиные, гусиные — на стабилизаторы стрел. Калиниченко занят поисками лучшей конструкции лука. Уже в нынешнем году по его проекту начала выпускать это оружие львовская фабрика «Динамо».

А пока старший Калиниченко мастерит и проектирует, младший, его сын, пионер, осваивает древнее и в то же время новое оружие. Володя Калиниченко добился уже отличных успехов: в прошлом году в чемпионате лучников города Львова он завоевал одно из призовых мест.

Как ни далеки друг от друга Москва и Львов, но столичные и украинские лучники быстро подружились. Сначала они переписывались, обменивались фотографиями, а затем... Затем прошлой весной на перрон Львовского вокзала сошли с московского поезда юноши и девушки, державшие в руках необычное оружие — луки.

В тот же день гости со стадиона «Авангард» померялись силами с львовскими лучниками в нашем первом междугородном матче по стрельбе из лука. Говорят, в своем доме и стены помогают. «Стены помогли» и в этот раз: москвичи потерпели поражение. Зато осенью, уже в Москве, успех сопутствовал им.

Попадать в «яблочко» мечтает, наверное, каждый пионер. А учиться меткости доступней всего с помощью лука. Сколько можно придумать игр и соревнований!

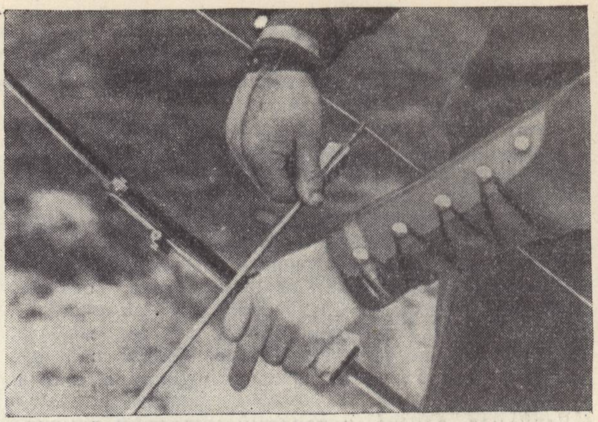
Но только запомните раз навсегда: лук не игрушка, а спортивное оружие.

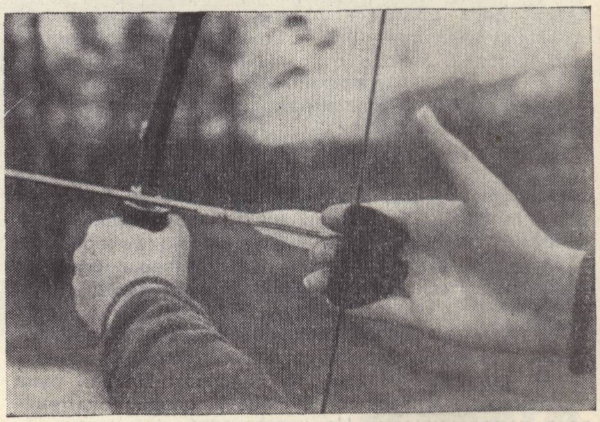
Для лука оборудуют тир, а в пионерском лагере — полигон, которым может служить всякая достаточно большая поляна или открытая лужайка.

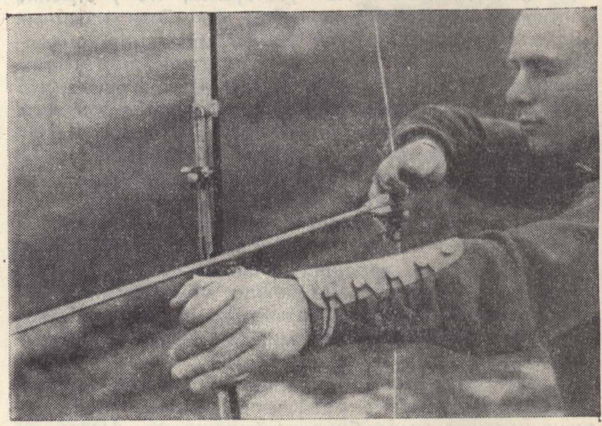
Из лука не целятся ни в человека, ни во что живое, даже шутя.

Из лука стреляют только в мишень.

Пусть это будет железным законом юных лучников!

Эти снимки учат стрелять из лука.

Верхний показывает, как накладывается стрела на тетиву. Дальше вы видите «фартучек». Он надет петлей на два пальца и защищает руку при натягивании тетивы. Иначе после первой же тренировки будут водяные мозоли. На третьем снимке стрелок натягивает тетиву. На четвертом он целится. Заметьте: тетива прижата к носу. Кожаные латы на руке — защита от удара, если сорвется тетива. Она бьет очень больно.

Нынешний год олимпийский. Олимпийские игры будут в Риме. Но луки и колчаны со стрелами на этот раз не станут оружием спортсменов наравне с диском, ядром, шиповками, кожаным мячом. Лук включается в олимпийские игры по желанию страны-хозяйки. Италия его не включила. Следующие игры будут в Токио, и Япония, конечно, включает лук в программу. Ведь японские лучники занимают второе место в мире.

До токийских игр — четыре года. Срок не очень большой, но и не такой уж малый. Словом, у тех, кто этим летом начнет тренироваться всерьез, есть шансы побывать в «стране восходящего солнца». Только надо иметь в виду, что претендентов на место в советской олимпийской команде лучников будет немало. Ведь уже сейчас стрельбой из лука у нас в стране увлекаются многие. От вас, ребята, зависит быть в числе наших Робин Гудов.

Лук готов. Ну-ка, попробуем, далеко полетит стрела?

ШАХМАТНЫЙ КОНКУРС НАШЕГО ЖУРНАЛА

Я, Шах, владыка черных и белых полей, повелеваю: наградить моей грамотой юных шахматистов Оренбурга и отдельно весь шахматный кружок при городском Доме пионеров.

Сорок лучших моих друзей организовывали в своих школах и домах шахматные турниры. Самое большое мое спасибо Жене Леватову. Он подготовил сорок шесть шахматистов пятого и четвертого разрядов и шесть — третьего. Тридцать пять разрядников подготовил Сережа Муталов, Коля Кораблин — тридцать три разрядника. Вручаю мои грамоты также Заранкину Мише и Кутелееву Косте.

Награждаю я Нину Назарову и Риту Ошерович и второклассника Сашу Карабанова. Саша провел два турнира, в которых семь его товарищей выполнили разрядные нормы.

Моя армия пополнилась ста семьюдесятью девятью шахматными бойцами-разрядниками.

А теперь, дорогие мои друзья, вас ожидает еще одна большая радость.

Для того, чтобы вы могли проверить свое умение составлять шахматные задачи и этюды и получить возможность усовершенствовать свое шахматное мастерство, мы решили провести Всесоюзный конкурс составления задач и этюдов.

ВОТ УСЛОВИЯ НАШЕГО КОНКУРСА:

В этом соревновании могут принимать участие все ребята — любители шахмат.

Количество задач и этюдов, которые можно присылать на конкурс, не ограничивается.

Задачи и этюды надо присылать в виде нарисованных диаграмм или четко и аккуратно записанной шахматной нотацией.

Конкурс проводится по следующим разделам:

а) двухходовки,

б) трехходовки,

в) этюды.

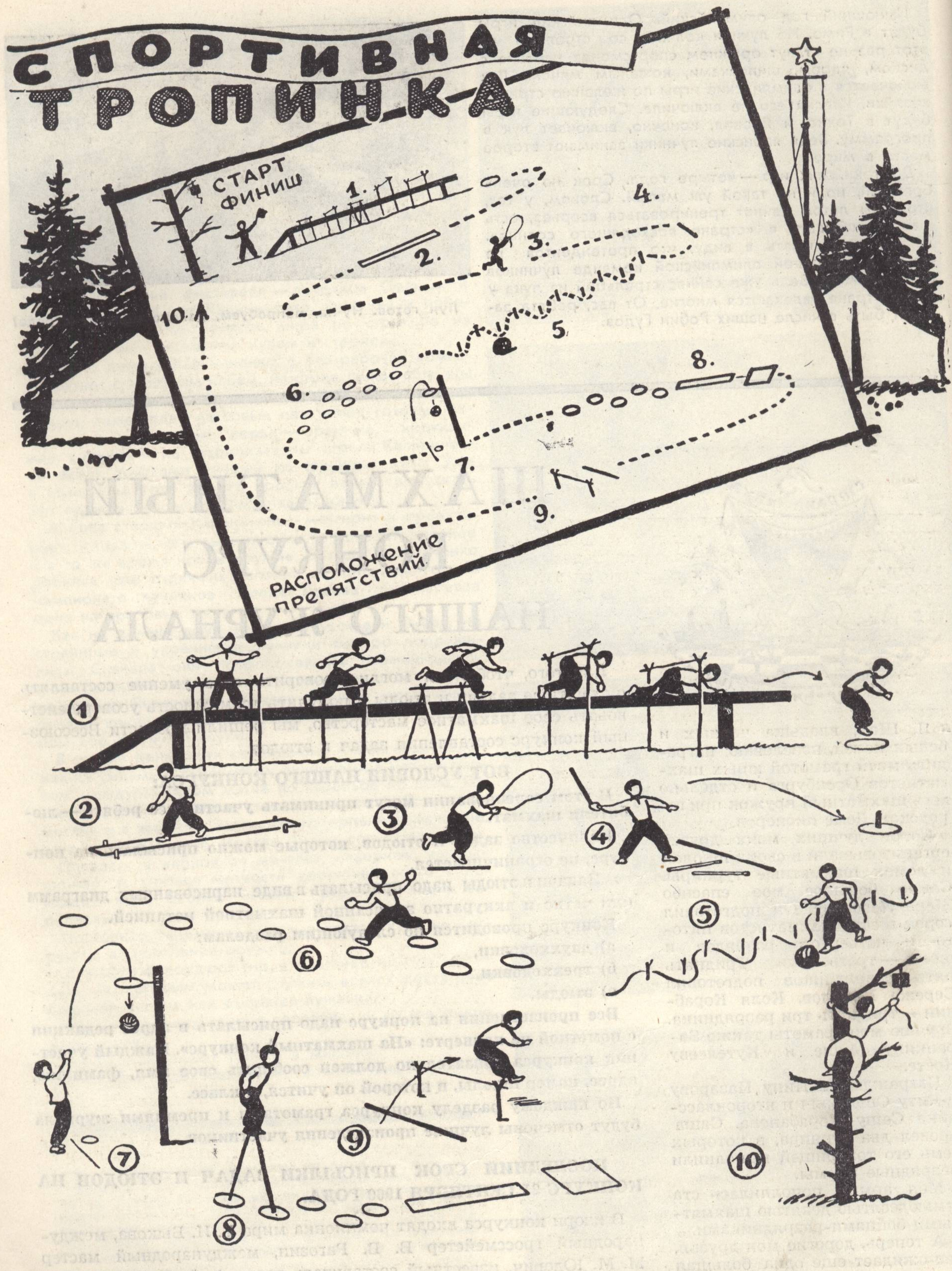
Все произведения на конкурс надо присылать в адрес редакции с пометкой на конверте: «На шахматный конкурс». Каждый участник конкурса обязательно должен сообщить свое имя, фамилию, адрес, номер школы, в которой он учится, и класс.

По каждому разделу конкурса грамотами и премиями журнала будут отмечены лучшие произведения участников.

ПОСЛЕДНИЙ СРОК ПРИСЫЛКИ ЗАДАЧ И ЭТЮДОВ НА КОНКУРС 25 СЕНТЯБРЯ 1960 ГОДА.

В жюри конкурса входят чемпионка мира Е. И. Быкова, международный гроссмейстер В. В. Рагозин, международный мастер М. М. Юдович, известный составитель задач А. А. Батурин.

Ждем ваших писем. Принимайте участие в конкурсе!

СПОРТИВНАЯ ТРОПИНКА
СТАРТ
ФИНИШ
1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.
9.
10.
РАСПОЛОЖЕНИЕ ПРЕПЯТСТВИЙ
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10

СПОРТИВНАЯ ТРОПИНКА

Так назвали пионеры нашего лагеря серию своих любимых упражнений. Проделывали они их одно за другим, бегая то по прямым дорожкам парка, то по извилистым стежкам и лесным лужайкам.

Все это на первый взгляд напоминало игру. На самом же деле здесь шла упорная тренировка. Она и взаправду служила одной из тех спортивных тропинок, которые выводят многих ребят на широкие дороги большого спорта...

А началось совсем просто.

В родительский день к пионеру Саше Мухину приехала его мама. Мы и раньше знали, что она врач. А тут оказалось, не только врач, но и спортсменка, конькобежец. И согласилась выступить на отрядном костре. Некоторые ребята перед костром недоумевали: ну чем может блеснуть в июле разрядница по конькобежному спорту? Оказалось, может, да еще как! Все громко аплодировали, когда она выполняла сложные акробатические упражнения, потом легко перепрыгнула через веревочку, подвешенную Васей Брыкиным к стойкам на высоте 130 сантиметров «с гаком», потом забросила мяч три раза подряд в баскетбольную корзину и в кроссе вокруг костра перегнала лучших бегунов, а среди отрядных вожатых у нас есть отличные бегуны!

— Считается,— сказала она,— что моя спортивная специальность — коньки. Но не будь я и гимнасткой, и бегуньей, и баскетболисткой — не была бы я перворазрядницей по конькам. Тут самый наглядный пример — гимнастика. У каждого гимнаста есть свое любимое упражнение, которое он исполняет с особым блеском. Но что было бы, если бы он не тренировался в других упражнениях? Он не сумел бы выполнить и свое любимое. Попробуйте выбрать несколько различных упражнений, и начинайте здесь же, в лагере. Получится большая польза для разносторонней физической подготовки, а она — залог успеха в любом виде спорта.

На другой же день наши ребята устроили «смотр любимых упражнений». Сколько оказалось интересного! Из всего, что было показано, отобрали по совету вожатого десять разнообразных номеров.

Решили проводить тренировки звеньями, а затем организовать соревнования по новой игре — «десятиборке».

Разметили дорожки и тропинки, установили в разных местах все, что надо. Каждое звено знало свое время тренировок. Так начались занятия на «спортивной тропинке».

Условились, как проводить соревнования. Стартовать по очереди, когда судья взмахнет флажком. Препятствия преодолевать одно за другим. Если что-нибудь не удалось, повторять, пока не выйдет. Когда препятствие преодолено, быстро положить (поставить) снаряды на место и продолжать путь дальше. Побеждает тот, кто скорее пройдет весь путь. Остальные получают следующие места в зависимости от показанного времени. Тропинка замкнутая, кольцевая. Следовательно, старт и финиш находятся рядом. Так удобнее. Судья засекает по часам с секундной стрелкой время начала и конца пути каждого участника.

Вот какие приключения ждали участников состязаний на «спортивной тропинке»:

Первое приключение. На пути бревно с хворостинками на рогульках. Надо пройти по этому бревну, положенному на высоте около одного метра, сперва шагая боком, чтобы не задеть хворостинок, положенных поперек бревна, затем, идя прямо, перешагнуть через поперечную ветку, затем через продольную. Под второй веткой от конца пройти согнувшись, а под последней пробраться ползком и спрыгнуть в нарисованный на земле круг диаметром 50 сантиметров.

Второе приключение. Бегом по доске. Она лежит прямо на земле и закреплена колышками. Длина ее — три метра. Надо пробежать с одного конца до другого, ни разу не ступив на землю.

Третье приключение. На тропе — обыкновенная скакалка. Участник должен пробежать 25 метров, прыгая через нее и ни разу не задев ногой за веревочку. Затем вернуться, положить скакалку на прежнее место и продолжать путь дальше.

Четвертое приключение. Поперек тропы — черта. У черты лежат три палки. Надо сбить палкой стоящий в кружке городок с расстояния четырех метров. Когда городок сбит, снова поставить его в кружок и положить палки у черты.

Пятое приключение. Обводка мяча.

Пробежать «змейкой» между десятью расставленными на тропе чурками, ведя мяч ногою и не задев ни одной чурки. Затем отнести мяч на место.

Шестое приключение. Прыжки по кочкам.

Вообразите, что перед вами топь. Пройти можно, только прыгая с кочки на кочку. На тропе их заменяют десять кружков, нарисованных через 70 сантиметров один от другого. Надо преодолеть этот участок, перепрыгивая точно с кружка на кружок, ни разу не став на землю.

Седьмое приключение. Попадание мячом в кольцо. У тропы — столб. На высоте двух с половиной метров укреплено кольцо. Стоя за три шага от столба, надо забросить в кольцо волейбольный мяч. Забросив, положить мяч на место.

Восьмое приключение. Пройти на ходулях, сначала ставя их в кружки, потом по узенькой полосочке, не перешагивая за ее границу; в квадрате, переступая, повернуться на полный круг. Возвратиться и положить ходули на место.

Девятое приключение. «Далеко-высокий» прыжок. Прыгнуть через ветку, укрепленную с помощью рогулек на высоте 90 сантиметров, оттолкнувшись ногой на расстояние одного метра от препятствия.

Десятое приключение. Колокольчик на ветке. Влезть на дерево и позвонить в подвешенный к ветке колокольчик (он может быть сделан просто из консервной банки).

Звон колокольчика — сигнал финиша. Услышав звон, судья отмечает время, затраченное вами на путешествие по «спортивной тропинке».

Ребята! Попробуйте и у себя в отряде устроить такую «спортивную тропинку». Может быть, у вас на тропинке будут другие упражнения? Посоветуйтесь с вожатым, какие выбрать. Напишите, как тренировались, как провели соревнования.

В. ЯКОВЛЕВ

На золотых песках

Владимир СТЕПАНЕНКО

Рисунки А. Смолина, П. Смолина.

(Окончание)

САЛЯМ АЛЕЙКУМ БУДЕТ ПОБЕЖДЕН

После своего возвращения с канала Ромка вдруг почувствовал себя знаменитым человеком. Никто из ребят — ни Джура, ни Мамед, ни Ташли — не мог похвастать тем, что летал на вертолете или плавал на катере. Ребята с неостывающим интересом слушали Ромкины рассказы о канале. И где бы ни располагались вокруг Ромки слушатели, в школе или на улице, среди них непременно появлялся старый Оразгельды. И если Ромка, не дай бог, упускал какой-нибудь случай, о котором говорил раньше, старик обязательно замечал это:

— О пеликанах сегодня не сказал. А они интересно охотятся.

Увлеченный своей славой, Ромка не мог и предположить, что настанет день, когда ребятам надоест его слушать. Но так случилось. Ребята играли, спорили, обсуждали отрядные дела, выясняли, сколько бабочек карадрины попало в ловушки. И никто не заговаривал о Ромкином путешествии.

Ромка, расстроенный, приплелся домой.

Не зная, чем заняться, он потянулся к отрывному календарю. С недавнего времени Ромка «открыл» для себя календарь. Так интересно перелистывать страничку за страничкой. О чем только тут не узнаешь! О новостях техники, замечательных открытиях, о знаменитых путешественниках, летчиках, ученых. А ведь Ромка одно время мечтал стать историком! Он даже завел особую тетрадь, куда переписывал биографии великих людей. Но потом это ему надоело, и он решил стать изобретателем. Вопрос был только в том, что изобрести!

Идею подал Федя Сухов. Она была удивительно простой. Федя предлагал построить огромную трубу. Выкачать из нее воздух и установить на концах ее магниты. Стоит потом включить рубильник, и вагон с пассажирами помчится по трубе от магнита к магниту.

Ромка высчитал, что проезд по такой дороге от Воронежа до Москвы будет стоить не дороже двадцати пяти рублей. Он аккуратно начертил проект на большом листе ватмана и послал его в Москву. Скоро он получил свой чертеж обратно с короткой запиской:

«Дорогой товарищ Кузьмичев Р. В.! Ваш проект принадлежит к неосуществимым проектам «вечных двигателей». К тому же он не оригинален. О подобных проектах вы можете прочитать в книге «Занимательная физика».

Консультант комитета изобретений и открытий инженер Н. Иванов».

Часто, перелистывая календарь, Ромка подумывал о том, что хорошо бы все-таки что-нибудь изобрести, только на этот раз уж непременно всерьез. И вот сейчас он вдруг наткнулся на удивительную заметку. В ней описывался способ посадки овощей по бумаге. Это было так интересно, что Ромка перечитал заметку несколько раз подряд. И сразу же весь мир с обязательными домашними делами, с обидой на ребят и со школьными уроками для Ромки перестал существовать.

Как это просто! Сколько раз, когда ему приходилось копать червей для рыбалки, поднимал он камни или бревна! Трава под ними всегда была белой, безжизненной. Какие-то вялые, немощные ростки, а не трава. Он это хорошо помнил. Ну, конечно, бумага тоже будет задерживать рост сорняков, лишая их солнца и воздуха! Как он сам до этого не додумался, а еще хотел стать изобретателем!

Схватив лист газеты, мальчик тут же выбежал во двор. Притащить из сарая лопату было делом одной минуты. Ромка вскопал клочок земли, расстелил на нем газету и придавил большими глыбами дерна. Затем проколол карандашом несколько дырочек. Жаль, семян под рукой не было. Но Ромка не смутился. Он набрал маленьких камешков и просунул их в дырки.

Эджегиз из окна видела, как Ромка лопатой вскапывает землю. Вот он расстелил газетный

лист и стал что-то тыкать в него. Эджегиз не выдержала:

— Ромка, что ты колдуешь?

Не оборачиваясь, Ромка помахал ей рукой.

Когда Эджегиз подошла, Ромка сказал, что он сел делать уроки и нечаянно проколол газету. Он не знает, как это объяснить, но ему вдруг пришла в голову мысль попробовать сажать овощи по бумаге.

— Если в дырочки посеять, например, морковь, то она пробьется, ведь над семенами будут отверстия в бумаге. А вот сорняки бумага не пустит! Поняла?

— Ты настоящий изобретатель! — Эджегиз даже немного отступила от Ромки, словно хотела лучше рассмотреть его облупившийся от загара нос и рыжеватый вихор.— А мы можем у себя на школьном участке посадить что-нибудь по бумаге?

— Да хоть на колхозном поле!

В этот день к Ромке вернулась слава. Но это была совсем другая слава. Теперь Ромка не рассказывал о чужих делах, а становился самым главным действующим лицом. Ребята из младших классов бегали за ним на переменах, как недавно бегали они за Джурой. Они то проносились мимо Ромки, чтобы потом остановиться и заглянуть в лицо, то ходили сзади, шаг в шаг. Ромке это нравилось, и он старался выступать неторопливо, с достоинством. Ему казалось, что он теперь почти сравнялся с храбрым Джурой, лучшим садоводом, настоящим охотником и следопытом.

Джура сам подошел к Ромке.

— Мне Эджегиз все рассказала. Как ты думаешь, что лучше сеять по бумаге: морковь или свеклу?

— Это все равно!

— У нас ведь, знаешь, овощи можно в любое время сажать, был бы полив! По два урожая можно снимать. Давай сразу попробуем. Давай на школьном участке устроим опытные грядки. А хочешь, попросим земли в колхозе?

— Что ж, давай! — согласился Ромка, немного напуганный таким размахом событий.

Но страх его скоро прошел. На уроке ботаники учитель Сейдулла Таганмурадов попросил Ромку подробно рассказать о придуманном им способе посадки овощей по бумаге.

— Можно мне выйти к доске?

Класс притих. Не всякому мальчику или девочке выпадает такое счастье, не всякому приходится что-нибудь объяснять своему учителю. По настороженным глазам ребят, по затаенному дыханию и сдержанному посапыванию Ромка чувствовал, как внимательно его слушают.

Ромка принялся старательно чертить на доске, четко выводя каждую линию, кроша мел.

— Очень хорошо,— сказал учитель.— Действительно, надо попробовать. И ты это сам придумал, Рохман? Может быть, ты где-нибудь прочитал или слышал? Вспомни хорошенько! — Учитель смотрел прямо в глаза Ромке. Ромка вспыхнул. Но отступить он уже был не в силах.

— Нет, я сам!

На другой день ребята из всех классов понесли в школу старые газеты, журналы, оберточную бумагу. Ромка рассматривал все, что приносили, и давал свое заключение. Тонкую бумагу по его совету склеивали. На бумажных листах чертили линии и по ним прокалывали заточенным карандашом дырочки.

Все, казалось бы, шло чудесно. И с Джурой сами собой наладились прежние дружеские отношения, и дело такое затеялось! Ромка больше всего любил, когда весь отряд захватывало общее кипучее дело. Да, все было бы чудесно, если б можно было забыть о листочке календаря! Забыть о том, что он, Ромка, наврал всем!.. Даже Джуре. И зачем ему понадобилось выдавать этот посев по бумаге за свое изобретение?! Как-то нечаянно вышло. Но теперь уж ничего не поделаешь.

Через несколько дней Оразгельды привел Ромку в огородную бригаду к Курбану Садыкову.

Между грядками медленно двигались женщины в широких ярких платьях. Оразгельды нагнулся и выдернул растение с длинными белыми корнями.

— Салям алейкум!

— Салям алейкум,— растерянно повторил Ромка. Что это с Оразгельды, ведь они уже здоровались?

— Ты знаешь, что такое салям алей-

кум? Самый злой сорняк. Сегодня женщина срубит его кетменем, а завтра он опять сидит на грядках: «Салям алейкум! Здравствуйте!»

— Шайтан салям алейкум! — устало произнесла пожилая женщина в высоком тюльбеке, с трудом разгибая спину. Она выпрямилась и показала Ромке свои руки.

Ромка ужаснулся. Никогда ему еще не приходилось видеть таких рук, потемневших, порезанных травой.

Первый раз Ромка серьезно задумался. До этой минуты вся история с посадкой по бумаге казалась ему только увлекательной игрой. Было приятно слышать, что его называют изобретателем. Но здесь, на поле, он понял, почему его с таким вниманием слушали все ребята и Оразгельды.

— Ну что ж,— сказал Курбан Садыков.— Я слышал, ты что-то затеваешь у вас на школьном участке. Ты не откладывай, начинай.

— Хорошо! — растерянно произнес Ромка.— Но я один не справлюсь. Мы все вместе...

— Якши! — Курбан улыбнулся.— Салям алейкум ждет твою дружину.

* * *

На другой день Ромка рассказал в школе, что даже бригадир заинтересовался их опытом. Ребята обрадовались.

Только Ромка не ощущал особой радости. Сажать овощи через бумагу даже на маленькой школьной грядке было трудно. Бумага коробилась, рвалась. Как же они будут сажать, если Курбан Садыков отведет им участок у себя на колхозном поле? И сколько понадобится газет на каждую большую грядку?

Ромка достал из кармана свой знаменитый блокнот на скрепках, принялся чертить и считать. Одна колонка цифр сменялась другой, а он все не мог получить ответ на свой вопрос. Скоро Ромка окончательно запутался. Он вырвал исписанный листок и посмотрел на класс. Ребята прилежно скрипели перьями, не представляя себе, какой труд навалился на Ромкины плечи.

Джура с сожалением посмотрел на вырванный листочек.

— Не жалко?

— Да я их сам делаю.— Ромка достал несколько листочков и сложил их вместе.— Дыроколом пробиваю. Сколько надо, могу сделать.

И вдруг его осенила удивительная идея. Он представил себе, как во всю длину газетного листа вытягиваются аккуратно пробитые дырочки. Можно набить их дыроколом сколько угодно! Вот оно, изобретение!

Он нетерпеливо открыл скобы в блокноте и достал сразу несколько листков.

Белые прямоугольники вытянулись по черной крышке парты. Дырочки легли двумя дорожками.

— Понял? — Ромка толкнул Джуру в бок.

— Якши!

То сдвигая листочки, то раздвигая их, ребята намечали нужные междурядья для посева разных овощей.

— Карандашом больше не будем дырочки пробивать! — торжествующе прошептал Ромка.

— А когда начнем сажать в поле?

— В поле? — переспросил Ромка.— Ох!.. Постой! Постой!

Новая идея пришла в его вихрастую голову. Она была настолько неожиданной, дерзкой и смелой, что он удивленно посмотрел на своего приятеля.

— Можно сажать прямо в классе.

Теперь настала очередь удивляться Джуре.

— Где?
— У нас в классе.
— Брось смеяться!
— Не веришь?
— Кузьмичев, ты что шепчешься, у тебя вопрос по задаче? — спросил учитель.

Ромка растерянно огляделся. Он не понимал, что спросил учитель, какую задачу решает класс.

На перемене, едва учитель вышел, Ромка крикнул:

— Ребята, у кого есть папиросная бумага? Нужно для посадки.

Эджегиз сразу догадалась, что на уроке Ромка что-то изобретал.

— У меня дома есть бумага! — торопливо сказала она.

Ромкину парту окружили ребята. Чуть важничая, он рассказывал о своей новой выдумке.

— Все сделаем в классе. Огород будет на парте! — закончил он свое объяснение.

Это было так просто и так умно, что Эджегиз впервые не поверила Ромке.

— Рохман, неужели это ты сам все придумал?

— Я видел! Он при мне изобретал,— запальчиво сказал Джура.— Я всегда поручусь за него.

Эджегиз покраснела. Ей стало стыдно, что заподозрила товарища в обмане.

— Я тебе отдам всю папиросную бумагу! — поспешно сказала она.

— И я достану бумаги! — пообещал Ташли.

Кажется, еще ни один концерт художественной самодеятельности, ни одна новогодняя елка или новая кинокартина не собирали в школу столько ребят, как в этот вечер.

Ромка принес из дому дырокол.

Удар — и первые дырки засияли на бумаге. Два ровных ряда дырочек прошли по всему листу. Потом под эти дырочки Ромка подклеил узкие полоски папиросной бумаги.

— Поняли? Надо разложить по дырочкам семена, заклеить их сверху папиросной бумагой — и огород на столе готов.

— Вот грядка и засеяна! — Ромка поднял перед собой газетный лист. Когда он чуть наклонил его, во всех дырочках задвигались семена, как будто сразу двадцать пар мышиных острых глаз глянули вправо.

— Как мыши из норы! — весело сказала Эджегиз.— Посмотрите.

— Не ври! — заметил пренебрежительно Мамед.— Рохман, ты заклеил семена бумагой. У тебя ничего не выйдет.

— Так это же папиросная бумага, росток ее легко прорвет. А вот с газетой сорнякам уже не справиться.

Ребята быстро заклеили семена. Готовые листы склеивали между собой и свертывали в рулоны.

— Это морковный ковер! — говорила Эджегиз, свертывая рулон.— А это свекольный.

АФГАНЕЦ

Эджегиз вымыла ноги, не спеша умылась. Приятно после работы вытянуться на мягком ковре! Три дня девочка вместе с другими ребятами работала на колхозном поле. Честное слово, Рохман молодец! Как горячо благодарили их женщины из огородной бригады! С каким интересом смотрели они на опыты с посадкой овощей по бумаге!

В комнату неслышно вошла мать. На ногах у нее были надеты красные вышитые носки.

— Отдыхаешь, баранчик? — Мать погладила Эджегиз по голове. — Кончили посадку? А как растут овощи, что вы посадили у себя на школьном участке?

— По Ромкиному способу?.. Хорошо!

— Знаешь, сегодня мать Рохмана дала мне календарь... Не знаю, как тебе сказать... Лучше сама посмотри!

Эджегиз взяла календарь и быстро пробежала глазами маленький листок. Потом, чтобы успокоиться, заставила себя прочитать еще раз, медленно, не торопясь, строчку за строчкой. Так вот оно что! Оказывается, Рохман совсем не изобретатель, а самый обыкновенный обманщик!.. Посадка по бумаге давно всем известна.

Девочка вскочила с ковра и бросилась к двери. Мать попыталась удержать ее:

— Подожди... Разберись как следует!

Но Эджегиз не слушала. Неужели же Ромка все врал?! Неужели и в Москве он не был, не видел Красной площади?..

Девочка прикрыла ладонями запылавшие щеки. Еще никогда за всю ее короткую жизнь Эджегиз не приходилось сталкиваться с обманом. И к тому же ведь это она первая назвала Рохмана изобретателем, уверилась сама и всех уверяла в его выдающихся способностях. Что же теперь делать? С кем посоветоваться? Конечно, лучше всего с Джурой: он друг Рохмана.

Джуры не оказалось дома, и никто из его домашних не знал, куда он девался. А что, если поговорить с Мамедом? Сейчас он дружит с Рохманом даже больше, чем Джура. И потом Мамед за последнее время неузнаваемо изменился. Строил со всеми ребятами ловушки для карадрины, ночевал в поле...

— Что, задача не получается? — спросил Мамед, когда взволнованная девочка вошла в комнату.

Эджегиз отрицательно покачала головой и молча протянула календарь.

Мамед цепко схватил его, хлопнул в ладоши и весело потер рука об руку.

— Изобретатель! — Мамед громко засмеялся.

Эджегиз испугалась. Почему это он торжествует?

— Ты друг Рохману?

— Конечно, друг! — торопливо сказал Мамед. Но не удержался и снова радостно ухмыльнулся и потер руки.

«Зачем я сказала ему, вот дура! — тревожно подумала Эджегиз. Никогда еще Мамед не казался ей таким противным.— Надо было рассказать Язмураду, учителю. Почему я не посоветовалась с ними?!»

Она стремительно хлопнула дверью и убежала.

На другой день перед школой Мамед зашел за Ромкой.

— А, Мамед! — радостно сказал Ромка, на ходу застегивая портфель.— Знаешь, я примеры сегодня не решил. Дашь списать?

— Списывай, мне не жалко! Как твоя рыба, не испортилась? Какую погоду предсказывает?

— На «ясно» стоит!

— А помнишь, ты обещал ее мне подарить? — Мамед хитро улыбнулся.

— Ничего я не обещал! Это подарок! А подарок никогда не дарят!

— Ай бо! — сокрушенно покачал головой Мамед, все еще продолжая улыбаться.— Ай бо! Для друга и жалко рыбы! В нашем магазине не такие селедки бывают!

— Да это же не селедка! Ты же знаешь! Эту рыбу Том Сойер и Гекльберри Финн ловили. Она погоду предсказывает...

— Подари! — угрожающе прошептал Мамед. Его глаза сузились и потемнели.— Вчера Эджегиз приходила советоваться. Не знает, как с тобой быть. Хочет тебя обсуждать... Ты все наврал! Мы с ней знаем, кто придумал сажать овощи по бумаге. Об этом в календаре написано. Сам читал.

Ромка беззвучно шевелил побелевшими губами.

— Я пошел. А ты, Рохман, думай... Говоришь: Том Сойер, а я тебе не верю. Может быть, ты и его тоже выдумал!

«Про Тома Сойера не верит!» — с ужасом подумал Ромка.

Да, теперь никто не будет верить ни одному Ромкиному слову. Он врун. Врун! И про охоту врал. Никакой он не охотник. Хорошо, хоть об этом забыли... И кто поверит, что он не хотел никого обманывать! Все это вышло как-то случайно. А потом Ромке захотелось помочь женщинам из огородной бригады. Он решил уничтожить салям алейкум.

Для Ромки наступили тяжелые дни. Он прятался от ребят, прогуливал уроки, боясь разоблачения. Каждую минуту он ждал, что вдруг его окружат ребята и будут кричать: «Врун, обманщик!» Любой первоклассник имел теперь право смеяться над ним. Вот Мамед потребовал себе скаферинха. А что скажет Джура? Простит ли он Ромке обман?

Два дня подряд Ромка по утрам уходил далеко от аула и прятался там за высокими барханами. Утомительно долго тянулось время. Часами смотрел он, как песок, курясь, сыплется с вершин барханов. Гребень переламывался и волной скатывался вниз.

Изнывая от скуки, Ромка ловил юрких ящериц, серых, рыжих, зеленых. Потом подолгу лежал на горячем песке, предаваясь воспоминаниям, строя самые различные планы. Порой он принимался ругать себя, что не отдал скаферинха Мамеду. Наверно, тот уже все рассказал ребятам. Но нет. Правильно, что не отдал! И не скаферинха жалко. А не хочет он подлизываться к Мамеду. Не хочет!

Самым мучительным было возвращение домой. Надо было обманывать мать, отца, придумывать для себя домашние занятия. Ромка торопливо обедал и с лихорадочной поспешностью садился к столу делать уроки. Это необыкновенное прилежание не укрылось от отца.

— Парень, что стряслось? — спросил он.— Или в школе нелады?

— Да нет! Что ты! Я пятерку получил! — возбужденно затараторил Ромка.

И надо было так случиться, что именно когда Ромка бессовестно врал отцу, в комнату вошла Эджегиз.

Ромка закрыл лицо книжкой.

— Ты задачу решил? — Эджегиз подошла к Ромке и ногтем отчеркнула в книге нужный номер.— Начни с этой, так учитель велел!

— Правильно,— засмеялся отец.— Ты, Эджегиз, не давай ему списывать. Пусть своей головой доходит.

Эджегиз попросила у Ромкиной матери стакан хлопкового масла и ушла.

«И зачем приходила Эджегиз? Только ли за маслом? — думал Ромка.— Все-таки она молодец — не выдала! Хоть бы что случилось со мной! Заболеть разве? Или змея укусила бы! Вот бы тогда все начали жалеть, всполошились: «Ромка Кузьмичев при смерти! Он может умереть! А мы с ним так плохо обошлись! Он был совсем неплохой парень!»

Но напрасно на следующий день Ромка ползал по барханам: змеи ему не попадались.

Возвращаясь домой, Ромка встретил Ташли.

— Ты с охоты? — спросил тот, соскочив с велосипеда.— Посмотри, я динамку новую поставил. Теперь фонарь светит, как прожектор. Послушай, Рохман, попроси у отца лампочку, я задний свет сделаю. Будет, как у автомашины.

Ташли, видно, ничего еще не слышал и даже не спросил Ромку, почему тот три дня не был в школе.

— Хотел пострелять,— соврал Ромка,— да у ружья курок сломался.

— Хочешь, возьми мою одностволку. Старая, но стрелять можно.

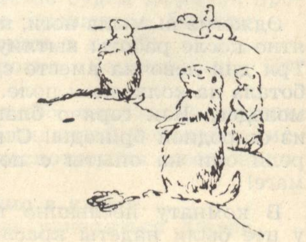
— Завтра принесешь? А лампочку я тебе достану.

— По рукам! — Ташли хлопнул Ромку по ладони.— Ружье получишь сегодня. Я на велосипеде за две минуты смотаюсь! Ты с Джурой пойдешь? Один не ходи... Ты степь не знаешь... В степи легко заблудиться.

На рассвете Ромка уходил все дальше и дальше от аула. На плече у него висела старенькая одностволка с расколотым и старательно перетянутым медной проволокой прикладом. От сознания, что в руках у него настоящее ружье, Ромка сам себе казался необыкновенным. Как хотел бы он, чтобы его сейчас видел Федя Сухов или Айнабад! Он будет так же метко стрелять, как Петенька! Шутка сказать, стоит ему только вскинуть ружье — и заряд дроби уложит зайца, рыжую лису или волка!..

Пока солнце не припекло, идти было легко. Сначала Ромка нес ружье в руках. Каждую минуту он ожидал, что вот-вот вылетит прямо на него птица или выбежит зверь. Но время шло. И по-прежнему по песку бегали одни ящерицы да рыжие песчанки.

Песчанки жили колониями. Зверьки как будто знали, что Ромка не будет в них стрелять, и не убегали. Они садились на задние лапы, насмешливо посвистывая. Ромка вскидывал ружье и целился. Ему хотелось выстрелить, но он сдерживал себя, берег патроны.

Вдруг где-то совсем рядом грохнул ружейный выстрел. Дробь стеганула по кустам.

Ромка от страха упал, но быстро вскочил.

— Эй, не бойся!

Голос показался Ромке удивительно знакомым... Ну, конечно, это Джура! Ромка бросился в сторону. Он боялся встречи, боялся предстоящего объяснения. Уж Джуре-то Эджегиз, конечно, все рассказала!

— Рохман, подожди!

Бежать, бежать от позора! Даже в степи нет места, где можно спрятаться, остаться одному! Ромка мчался куда глаза глядят.

— Стой! — кричал Джура и бежал за товарищем.

Джура давно заметил на горизонте легкое белое облачко. Оно быстро росло. Песок над барханами закурился, хотя ветер и не усилился. Кто-кто, а уж Джура знает, что это значит! Вот и песчанки испуганно забегали, прячась по норам. Ни одна из них не остановилась, чтобы посвистеть вслед Джуре. Скрылись по норам ящерицы. Какое-то предчувствие и страх гнали всех животных.

Но Ромка не замечал того, что ясно видел Джура. Он несколько раз менял направление, стараясь всячески запутать свои следы. Наконец выбился из сил и остановился. И тут он почувствовал, что воздух раскалился, он просто обжигал ноздри.

У Ромки не было часов, но ему казалось, что времени прошло немного. Почему же вдруг начало смеркаться? Огромный красный диск солнца спрятался в темном мареве.

Сначала робко, а потом все сильней, все злей подул ветер. Тучи песка взлетели вверх. Песок хлестал, царапал лицо, руки. От него нельзя было спрятаться. Дышать стало трудно.

Ромка упал на песок и закрыл голову руками. Кровь гулко стучала в висках от страха. Вдруг он почувствовал, как что-то тяжелое легло ему на ноги. Какой-то мешок придавил ему спину. Песок заносил Ромку. А ему уже не хотелось шевелиться, его клонило ко сну.

Когда Джура отыскал Ромку, он еле-еле растолкал его и заставил подняться.

— Вставай, Рохман! Нельзя лежать, это афганец! — кричал Джура.

Ветер хлестал с прежней силой, и нечего было думать о возвращении домой. Ветер толкал ребят вперед так же, как катил он вырванные с корнем кусты колючек и обломанные ветви саксаула.

В тучах поднятого песка ничего нельзя было рассмотреть. Но Джура упорно держался одного направления. И вот он почувствовал под ногой не податливый, мягкий песок, а твердую тропинку. По ней гоняли отару к колодцу.

То теряя эту тропинку, то снова находя ее, двигались ребята. Неожиданно прямо перед ними возникла темная войлочная кибитка чабана.

— Кибитка! — закричал Джура и втолкнул Ромку под полость кошмы.—Эй, кто здесь живой?

— Я.— Из-под одеяла вылезла маленькая девочка.— Мне страшно!

— Это ты, Кумыш? А где овцы?

— Здесь ходили!

Джура бросился к выходу. Ветер словно остервенел за те несколько минут, пока мальчики были в кибитке. Песок тучами носился в воздухе, царапая кожу, как острый напильник. Джура чуть не плакал от боли. Но как ни трудно было бороться с ветром, как ни хлестал песок, Джура не вернулся в кибитку! Не вернулся и выбежавший вслед за ним Ромка.

Долго кружили они в темноте, пока не наткнулись на овцу. Вся отара лежала перед ними маленькими песчаными холмиками.

Джура попробовал поднять овцу. Он кричал, пинал ее ногой. Но то ли голос его относил ветер, то ли удары его были слабыми,— овца не вставала. Холмики над отарой росли. Песок все тяжелее давил овец. Животные были уже на краю гибели. Вдруг Джура приложил ко рту согнутые ладони.

— Угу-гу! Угу-гу! Уу-уу-уу! — Протяжный дикий волчий вой пронесся над барханами.

И мгновенно вскочили огромные собаки-овчарки, с лаем бросились вперед.

Джура завыл еще сильнее. Теперь вскочили перепуганные овцы. Они стряхнули с себя тяжелый песок. И вот вся отара понеслась вперед.

— Здорово ты! — закричал восхищенный Ромка.

— Да... отара могла бы пойти на шашлык! — сказал смертельно уставший Джура.— Пойдем в кибитку. Афганец не скоро пройдет!

* * *

Афганец свирепо налетел на аул. Он обрушил на хлопковые поля, сады и виноградники горы песка. И пока ветер ошалело хлестал по окнам домов сухим, песчаным дождем, не одна мать с тревогой и беспокойством думала о детях.

Разразившаяся буря напугала и Ромкину мать. Она подумала о сыне и о муже. Муж, вероятно, в мастерской, да если и в поле, то все же не один, с людьми, а вот где сын? Она замечала, что с Ромкой уже несколько дней подряд творится что-то неладное. И сегодня он так рано убежал из дому. Куда?

Одна в пустом доме, мать не находила себе места, казалось, что буря продолжается целую вечность. А когда ветер стих так же внезапно, как и поднялся, небо прояснилось и выглянуло жгучее солнце, прибежала Эджегиз.

— Варвара Федоровна, Рохман дома?

— Нет его, не вернулся из школы...

— Не вернулся? — упавшим голосом переспросила девочка.— В школе его сегодня не было!.. Это я во всем виновата. Я знала, что Рохман в песках прячется. А сегодня он на охоту ушел.

— Ой, Ромка, что ты наделал! — заголосила мать.— Нашел здесь свою смерть!

— Не надо. Не бойтесь,— успокаивала Эджегиз.— Ребята и учителя уже пошли его искать. Когда началась буря, Ташли сказал учителю, что Ромка охотится, что он дал ему ружье... Пойдемте скорей к Оразгельды.

Запыхавшиеся от быстрой ходьбы, заплаканные Ромкина мать и Эджегиз предстали перед старым охотником.

Оразгельды обстоятельно расспросил, когда ушел Ромка из дому, как был одет, взял ли с собой воду, пил ли перед уходом чай.

— Пил! — удивленно ответила Варвара Федоровна. Она не понимала, к чему эти праздные вопросы, когда дорога каждая минута.

— Сколько пиал пил?

— Большую кружку выпил!

Оразгельды улыбнулся:

— Чай пил, молодец! Если чаю мало выпил,— беда. В песках человек много потеет. Всегда надо пить с запасом. Якши! Пойду искать

Оразгельды быстро собрался. Скоро он уже шагал к барханам, высокий и стройный. Сколько раз за свою долгую жизнь уходил он так из аула на охоту! Сейчас самое время стрелять туртушек.

Рядом с Оразгельды бежал Кавлач. Кавлач — это борзая, таазы. Пес как будто стлался по песку, стремительный и легкий. Он бежал не спеша, но охотник знал, что стоит Кавлачу прихватить след зверя, как бег его станет совсем другим. Еще не было случая, чтобы он не добирал лисицу!

Кавлач убежал далеко вперед, потом остановился, повернул свою узкую голову, как будто спрашивая Оразгельды: «Почему ты отстаешь? Что случилось?» Старик подошел к собаке и ласково потрепал ее по спине.

На песке было много следов. Крупные — взрослых, поменьше — детей. Оразгельды обрадовался. «Не оставили товарища в беде!» Он быстро определил, что прошло пятнадцать человек. Двое взрослых, пятеро ребят в чокоях, один — в больших ботинках, а остальные — босиком.

— Пойду к колодцу! — решил Оразгельды.— Мальчик ушел из дому с ружьем. А охотника во время пролета туртушки надо искать около воды.

Всюду по дороге Оразгельды замечал следы недавней бури: вырванную с корнем траву, сломанные ветви. Барханы изменили свои очертания, песок передуло ветром, и местами кусты саксаула стояли на длинных обнажившихся корнях. Песчанки торопливо отрывали свои засыпанные норы.

Вдруг Кавлач опустил голову и скачками понесся вперед, нюхая на бегу песок.

— Вот, вот! — закричал Оразгельды, подзадоривая собаку.

Сразу пропала усталость. Старик быстро взбежал на бугор. Так и есть, Кавлач гнал лису. Знакомый азарт захватил Оразгельды.

— Вот, вот, вот!

Но вскарабкаться так же быстро на второй бархан не смог. Как ни бодрись, а старость не радость. Видно, он уже отходил свое. А что, если подарить Кавлача кому-нибудь из ребят? В ауле второй такой собаки нет.

Старик знал, что Ромка обманул ребят. И не мог понять, почему он это сделал. Может быть, ему не нравится здесь? По тому, как настороженно смотрела мать мальчика, как сухо отвечала на приветствия в день приезда, Оразгельды понял, что она приехала в Среднюю Азию без особой охоты. «Если я подарю Кавлача Джуре, то ничего не прибавлю к его охотничьей славе. Надо подарить Кавлача Рохману. И тогда он быстрее полюбит наши просторы, нашу степь, золотые пески»,— подумал Оразгельды.

А в это время Ромка, проснувшись в темной кибитке, лежал с закрытыми глазами. Он старался как можно дольше оттянуть тот страшный момент, когда придется посмотреть в лицо товарищу. Но избежать этой минуты было нельзя. Ромка, ощущал, что в кибитке посветлело. Буря, очевидно, кончилась. Пора было идти домой.

Джура вполголоса, стараясь не разбудить Ромку, разговаривал с Кумыш. Ромка, уже немного понимавший потуркменски, разобрал, что они говорят об отце Кумыш, ушедшем накануне, задолго до бури, в аул.

Джура вышел и скоро вернулся с пузатой тунчой.

Ромка услышал потрескивание огня, почувствовал острый запах полынного дыма.

«Напьется чаю и уйдет! — с тревогой подумал Ромка.— А уж лучше пережить позор здесь, чем в школе, на виду у всех ребят!»

— Верблюд пришел? — спросил Джура.

— Где-то пасется! Теперь уж скоро придет,— ответила Кумыш.

— Да,— согласился Джура.— В песках мало воды остается!

Ромка шумно перевернулся на другой бок, чтобы привлечь к себе внимание, и открыл глаза. Он встретился взглядом с настороженными черными глазами Кумыш.

— Почему еще не вернулся верблюд? — тихо спросил Ромка.

Кумыш не понимала по-русски и нетерпеливо дернула Джуру за полу халата, чтобы перевел.

Уткнувшись лицом в пеструю ситцевую подушку, Ромка повторил вопрос. Его не интересовало, что произошло с верблюдом. Это был только предлог, он хотел заговорить с Джурой. И Джура это понял. Он стал объяснять так подробно, как будто это сейчас было самым важным.

— Пустят верблюда гулять, а он далеко уйдет от кибитки хозяина. Пасется и жиреет. Нет его дома день, неделю, месяц. Хозяин не беспокоит-

ся: он знает, придет время, и верблюд вернется. Это случится, когда в степи высохнут последние лужи. Верблюду надо будет пить, он пойдет к колодцу. А там чужого верблюда прогонят. Так от колодца к колодцу будет ходить и вернется к своей кибитке.

— И никто не пасет их?

— Никто.

— Ты много настрелял?

— Две туртушки!

— А я ни одной не подстрелил.

— Настреляешь еще! Птиц много в этот перелет... Пей чай, надо домой идти.

Ромка встал. Джура налил ему чаю, протянул чурек.

Вдруг послышался шум, и внезапный порыв ветра ударил в войлочную стенку. Это пробежала отара.

Когда Ромка выглянул из кибитки, овцы уже спокойно паслись. Два черных козла важно двигались впереди.

— До свидания, Кумыш! — сказал Ромка и протянул застеснявшейся девочке блестящий медный патрон от ружья. Больше нечего было ей подарить.

Уныло брел Ромка вслед за Джурой. Он удивлялся, почему тот не заговаривает о календаре, не ругает Ромку.

Неожиданно между кустами мелькнула черная спина собаки. Джура признал Кавлача. Он пронзительно свистнул, и собака на полном бегу повернулась, бросилась к ним.

— Кавлач, Кавлач!— ласкал собаку Джура.— Рохман, видимо, нас ищут. Оразгельды вышел в степь. Это его Кавлач!

— Ищут? — испуганно спросил Ромка, представив себе, какая паника сейчас дома.

— Гоп, гоп! — послышался отдаленный крик.

— Гоп, гоп! — прокричал Джура, приложив ладони ко рту.

— Гоп, гоп! — крикнул и Ромка.

Так, перекликаясь, идя по следам снова убежавшего к хозяину Кавлача, ребята вышли к Оразгельды.

— Оразгельды! — Ромка бросился к старику и прижался лицом к его пыльному, старому халату.— Оразгельды, дедушка, дорогой!

— Салам, Рохман, салам! — Старик отстранил от себя мальчика и внимательно посмотрел на него.— Испугался, джигит?

Ромку подмывало сказать, что он не испугался и вообще не боится ничего на свете, но сказал он иначе.

— Да, страшно было. Особенно испугался я, когда овец засыпало песком. Это Джура их поднял. Он завыл по-волчьи.

— Джура — настоящий джигит! — скупо похвалил Оразгельды..

Джура быстро сказал:

— Рохман мне помогал. Без него я бы не справился...

— А туртушек ты убил? — спросил старый охотник.

— Нет,— горестно ответил Ромка,— я ничего не подстрелил! — И опустил голову.

Оразгельды взял Ромкино ружье, осмотрел его, покачал головой:

— Плохое ружье! Не ружье — палка! А где твое? Хорошее ружье — праздник для охотника. Если твое ружье висит на стене, ты не охотник.

Оразгельды хотел выяснить, не жадность ли заставила Ромку оставить хорошее ружье дома. Неужели Ромка, его маленький друг, так жаден? Тогда не выйдет из него охотника. Видно, зря Оразгельды собирался подарить ему своего Кавлача!

— Нет у меня ружья! — прошептал Ромка.— Я все выдумал. Я никогда не охотился... А про посадку овощей по бумаге прочитал в календаре...

— Так! — Оразгельды притянул к себе мальчика. Да, Ромка врал. И это плохо. Но он сознался. Он немало перестрадал. Признание в обмане далось ему нелегко. Нет, Ромка больше никогда не будет врать! Человек большого жизненного опыта, Оразгельды готов был поручиться за Ромку, за то, что он будет теперь другим.

Оразгельды молча надел на плечо Ромке широкий ремень своей двустволки.

— Будешь охотиться с моим Кавлачом. Вот, держи ружье! Джура тебя научит. Я буду тебя учить... А эту историю с календарем, я думаю, Джура и другие ребята тебе простят!

ЛУЧШЕ, ЧЕМ МОЖНО ВЫДУМАТЬ...

Ромка посмотрел в окно. Стекла, всегда такие светлые и блестящие, стали матовыми. «Как в фотографическом аппарате!» — подумал мальчик.

— Мам, разве нам меняли стекла? Почему они такие серые?

— Это афганец песком их побил.— Мать вздохнула.— Пустыня!

Раздался стук в дверь, пришла Эджегиз.

Ромка покраснел. После совета отряда, где разбирали Ромкины провинности, он избегал встречи с Эджегиз.

— Знаешь, Оразгельды заболел! — сказала девочка.— Нурчи одной трудно справляться с хозяйством. Вчера Джура привез ей саксаул для печки. Сегодня нам с тобой дежурить. Пойдешь, Рохман?

— Сходи, Рома, сходи,— сказала мать.

— Конечно, пойду!

Нурча топила печь, готовясь сажать чуреки. Перед ней лежала большая рукавица. Она надевала ее, когда совала в печь тесто, прилепляя лепешки к стенкам печи.

— Мы будем помогать вам, бабушка Нурча! — сказала по-туркменски Эджегиз.— Мы тимуровцы! Что сейчас надо делать? Мы с Рохманом быстро управимся!

Нурча отрицательно покачала головой и что-то ответила.

— Говорит, что все уже переделала,— перевела Эджегиз.— Осталось только чуреки в печь посадить.... Бабушка Нурча, мы будем печь чуреки!

— Отстань, Эджегиз! — не сдавалась старуха.— Не пачкай свои белые руки. А джигиту не годится выполнять женскую работу.

Эджегиз засмеялась:

— Бабушка говорит, что нельзя тебе топить печь, делать женскую работу.

— Скажи, что для пионеров все работы одинаковы!

— Сходите лучше к Оразгельды! — сказала Нурча.— Испортилось радио, и он злится. Меня за мастером посылал. А его нет. Говорят, уехал сдавать экзамены в заочный институт.

Оразгельды лежал в постели, но не спал. Он приподнялся, увидев ребят, и звонкие пружины матраца протяжно загудели на всю комнату. Старик стукнул по матрацу кулаком.

— Не могу тихо встать. Сразу всех подымает! Рохман, ты собрался идти за туртушками?

— Рохман не пойдет на охоту! — возразила Эджегиз.— Мы пришли помогать вам по хозяйству.

— Знаю, знаю,— недовольно проворчал Оразгельды.— Джура привез саксаул, Карасач месила кизяки. Я их выгнал. Разве я собираюсь умирать? У меня руки еще крепкие. Есть ишак, есть верблюд, чтобы привезти саксаул. Рохману надо охотиться, а ты пойдешь домой вязать чулок.

— Мы тимуровцы! — твердо сказал Ромка.— Мы должны помогать старикам!

— Ладно! — неохотно сдался Оразгельды.— Найдите тогда радиста. Радио молчит!

— Я сам попробую... Может, исправлю! — Ромка посмотрел на черную тарелку репродуктора. «Провод, наверное, оборвался!» — подумал он. Но проводка была цела. Ромка покрутил ручку громкости. Репродуктор упрямо молчал.

— Обрыв, наверное!

— Наверно, арба порвала! — согласился старик.

— Найдем и починим! — уверенно пообещал Ромка.

На улице он удивленно огляделся. Нигде не было видно столбов, на которых должна была висеть проводка. Он осмотрел стену дома. Провод уходил в землю.

— Ну как? — спросила Эджегиз, не отстававшая от Ромки ни на шаг.

— Пустяки! — Ромка достал из кармана черную коробочку компаса, с которым после бури не расставался.— Он поможет нам: будет вроде миноискателя. Около провода образуется магнитное поле. Вот увидишь: если обрыв, стрелка сразу покажет!

«Не врет!» — подумала Эджегиз, снова удивляясь Ромкиным познаниям. Она не видела, как Ромка освободил стрелку. Та сразу заплясала...

— Смотри!

— Как ты быстро нашел,— с уважением сказала Эджегиз.

Ромка никак не ожидал, что девочка так легко поверит ему. Он оторопело посмотрел на нее.

— Надо еще раз проверить! — сказал он и опустил компас к самой земле. Незаметно для Эджегиз он зажал стрелку. Можно было как-нибудь извернуться, что-нибудь наплести, но Ромка вдруг вспомнил, как Оразгельды поручился за него перед ребятами, обещал пионерам, что Ромка не будет врать.

— Здесь нет обрыва,— сухо произнес он.— Поищем в другом месте!

Он подошел к кибитке, взял стоявшую у дверей лопату и принялся копать в том месте, где провод уходил со стены в песок.

— Рохман, почему ты не смотришь на компас?

— Эх ты, отличница! — не выдержал Ромка.— С компасом я просто так... пошутил! Надо копать и искать повреждение.

Ромка не знал, где может быть обрыв: здесь ли, под самой стеной кибитки, или где-то далеко на линии. До колхозного радиоузла было более двух километров, но это его не пугало. Он знал, что найдет повреждение и исправит.

Эджегиз улыбнулась.

— Рохман, ты знаешь, в школу пришло письмо из Ашхабада?

— Нет, а что пишут?

— Профессор хвалит нас за то, что посадили морковь по бумаге. Называет опытниками. Предлагает попробовать посадить так хлопчатник.

— А чего пробовать? Ты сама видела, что на грядках нет салям-алейкума. И с хлопчатником получится!

Ромка выпрямился и, опираясь на лопату, весело поглядел вокруг. Кажется, никогда до этой минуты ему здесь так не нравилось. Сердце его учащенно билось, руки потеплели. Он почувствовал, как любит этот аул, горьковатый дым тандыров, саманные кибитки, высокие песчаные барханы. Его жизнь здесь была так богата интересными событиями и делами, что лучше никогда и не выдумаешь

КАРТОФЕЛЬНЫЙ СТАРИЧОК

Была обыкновенная картофелина с выростом на боку. Такую очень неудобно чистить. Хозяйка и не захотела ее чистить; взяла другую, круглую. А хозяину как раз понадобилось испробовать новый бурав: определить, какого диаметра получается дырка. Он подумал: «Зачем тратить силы на неподатливое дерево? Дырку я получу такую же, просверлив что-нибудь менее твердое». И он взял картофелину, оставшуюся на кухонном столе.

Когда хозяйка увидела ее снова, то с удивлением сказала:

— Да ведь у нее теперь есть и нос и рот. Только глаз не хватает!

Быстренько приделала две бусины и насадила картофелину на гвоздь в стене над диваном.

Это случилось семь месяцев назад. Картофелина в то время не была старичком, а была круглолицым дяденькой средних лет, который раскрыл рот, чтобы сказать «о». Потом появились морщины, весной полезли зеленые ростки. Один росток образовал остренькую бородку. А рот сморщился, скривился набок. Теперь он не говорил «о», а кричал что-то сердитое. В мае хозяйка посадила его в землю вместе с другими картофелинами, и вырос большой, густой зеленый куст. Вот и вся история. Хотя нет! Осенью от куста будет новый картофель.

НАШИ ВОПРОСЫ

Вторая серия

Ответы присылайте до 1 сентября

1. Что ты знаешь о ласточках разных видов, о том, где и как они вьют гнезда, на какой высоте они летают и за какими насекомыми охотятся?

2. Видят ли совы днем?

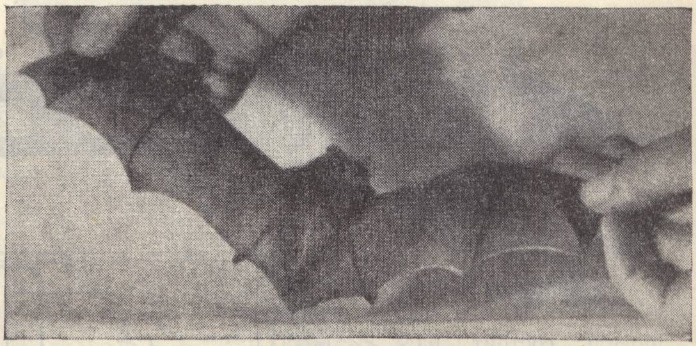
3. Сидит в траве зайчонок, не шевелится. Прошла совсем рядом лиса и не почуяла зайчонка. Почему?

4. Как выкармливают зайчихи детенышей?

5. Все вы, ребята, знаете стихотворение «Ласточка». Какая ошибка в этих его строчках: «Дам тебе я зерен, а ты песню спой...»?

6. Почему инкубаторные утята могут утонуть, если их пустить сразу на воду, а утка ведет своих новорожденных на пруд или на речку и они плавают вместе с ней?

7. Кто на этих снимках? Что вы знаете о них? Какую пользу они приносят?

8. Почему иногда происходит переселение белок? Как они перебираются через озера и реки, встречающиеся на их пути?

КОНКУРС

КТО ПОСТРОИТ ЛУЧШУЮ МОДЕЛЬ

Советскому авиамоделизму исполнилось пятьдесят лет. В ознаменование этого юбилея с 15 мая 1960 года по 15 апреля 1961 года проводится всесоюзное соревнование юных конструкторов авиамоделей с резиновыми двигателями. Победит тот, чья модель дольше продержится в воздухе.

УСЛОВИЯ КОНКУРСА

Каждый участник соревнований должен представить резиномоторную модель самолета собственной конструкции или изготовленную по готовым чертежам. Она должна отвечать таким требованиям: размеры фюзеляжа любые; площади горизонтальной проекции крыла и стабилизатора в сумме не больше 14 квадратных дециметров, полный полетный вес не менее 170 граммов, в том числе вес резинового двигателя не более 40 граммов

Не разрешается запускать модель с возвышенностей. Модель запускается пять раз. Лучшей считается модель, летавшая дольше всех в пяти запусках. Максимальное время, которое учитывается, 3 минуты. Каждая секунда полета — одно очко. Если модель в одном запуске летала более трех минут, то все равно за этот полет засчитывается только 180 очков, значит, самая высокая оценка полета модели может быть 900 очков.

Для победителей соревнований установлены премии. Фотографии призеров и их моделей будут опубликованы в журналах «Пионер», «Крылья Родины» и «Юный техник».

Адрес жюри конкурса: Москва, Б-66, Ново-Рязанская улица, дом 26. Редакция журнала «Крылья Родины», жюри Всесоюзных заочных соревнований школьников по резиномоторным моделям самолетов.

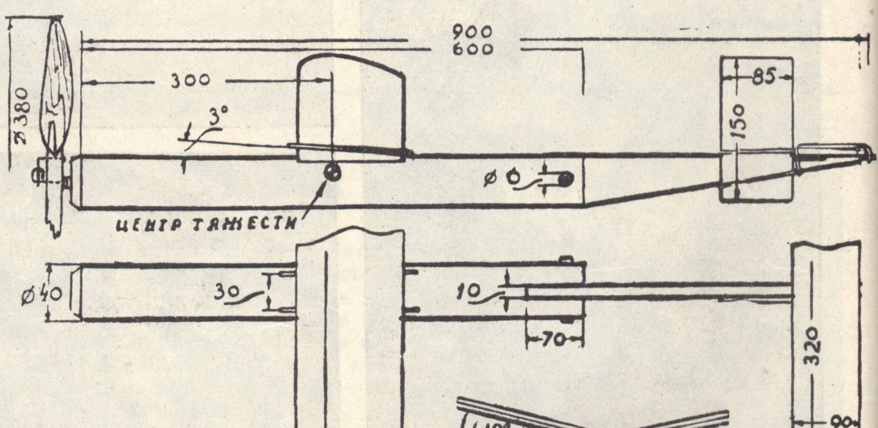

Модель самолета «Пионер»

Модель состоит из пяти основных частей:

1. ФЮЗЕЛЯЖ

Делается из трех-четырех слоев плотной бумаги, склеенных канцелярским или любым другим клеем. Две силовые рейки (1,5×10), скрепленные раскосами (1,5×4), образуют хвостовую балку. Места крепления резиномотора и носовой бабышки усилены бумажными кольцами (2—3 слоя).

2. ВОЗДУШНЫЙ ВИНТ

Лопасти воздушного винта выполняются по шаблону из трехмиллиметровой липовой дощечки или одномиллиметровой фанеры. Готовые лопасти вклеиваются в ступицу, а после этого балансируется и окончательно отделывается винт. Для уменьшения сопротивления модели в планирующем полете воздушный винт имеет механизм свободного хода.

3. КРЫЛО

Крыло модели неразборное. Набирается из нервюр, сделанных из одномиллиметровой фанеры или липовых дощечек толщиной 1—1,2 мм, и сосновых лонжеронов. Места излома лонжеронов крыла в поперечном «V» должны быть усилены фанерными или бамбуковыми уголками. Крыло крепится к ложементам фюзеляжа резиновой нитью 1×1 мм или 1×4 мм.

4. ХВОСТОВОЕ ОПЕРЕНИЕ

В продольном сечении стабилизатор и киль модели имеют плоский профиль. Крепление киля и стабилизатора к фюзеляжу не жесткое. Это повышает живучесть модели.

5. РЕЗИНОМОТОР

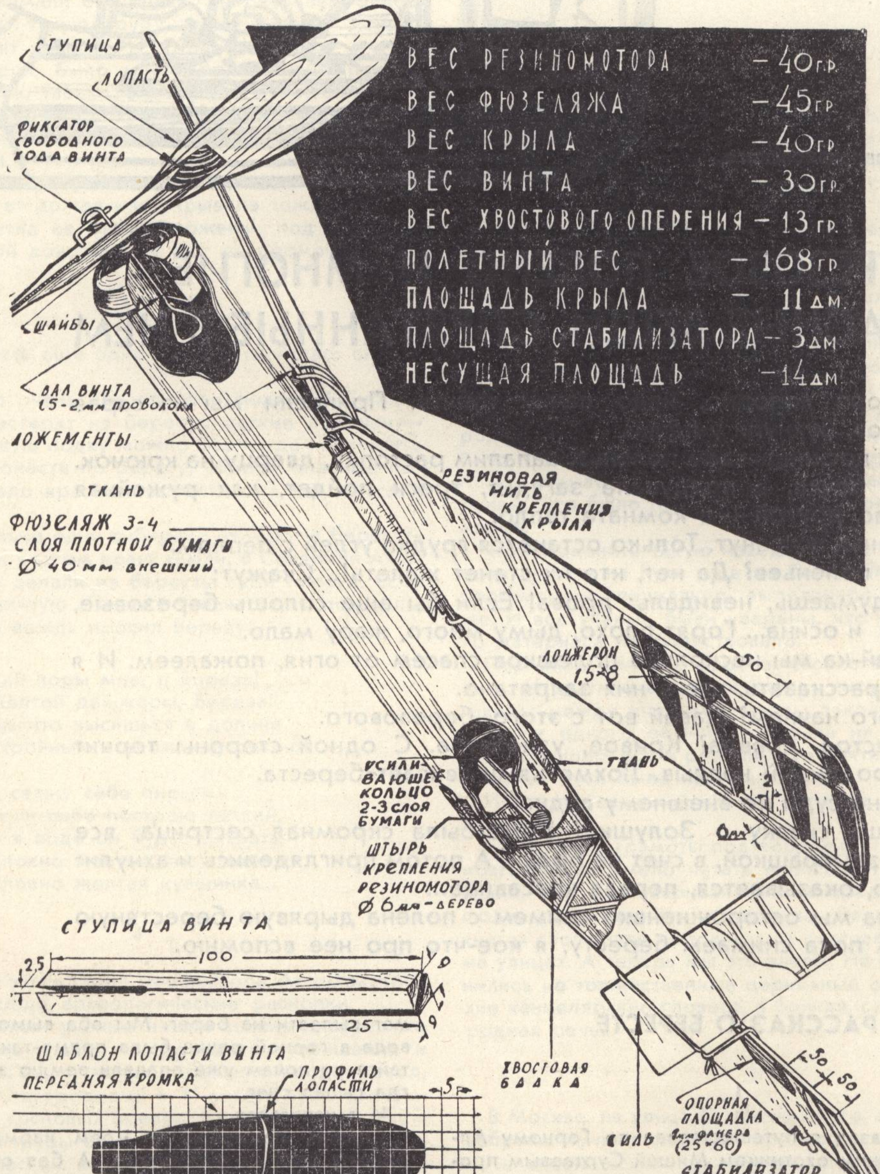
Лучший мотор из 16 нитей сечением 1×4 мм длиной 650—600 мм.

Следует помнить, что вес резиномотора вместе со смазкой (касторовым маслом) не должен превышать 40 г.

Модель обклеивается папиросной бумагой и покрывается двумя-тремя слоями нитролака. Покрытие может быть выполнено любым другим способом, но только таким, который не коробит конструкцию и не вызывает провисания обтяжки модели.

В. КУМАНИН, мастер спорта.

Рисунки В. Долматова.

Эдуард ШИМ

Рисунки Е. Кршижановского.

БЕРЕЗОВОЕ ПОЛЕНО И МНОГИЕ ПРЕКРАСНЫЕ ВЕЩИ, СПРЯТАННЫЕ В НЕМ

На дворе холодно, надо печку топить. Принесли мы из сарая вязанку дров, бухнули у печки.

Сейчас поскладываем поленья, запалим растопку, дверцу на крючок. Разгорится печка, в поддувале загудит, треск пойдет, как ружейная пальба... Час, другой — в комнате тепло.

А поленья исчезнут. Только останется грудка углей с пеплом.

Жалко поленьев? Да нет, кто их станет жалеть!.. Скажут:

— Подумаешь, невидаль: дрова! Если бы еще сплошь березовые, а то и елка и осина... Горят плохо, дыму много, жару мало.

А давай-ка мы несколько полешков спасем от огня, пожалеем. И я попробую рассказать, что в них запрятано.

С какого начнем? Давай вот с этого, березового.

Неказистое, правда? Кривое, узловатое. С одной стороны торчит грязный, уродливый наплыв. Лохмотьями свисает береста.

Но ты не суди по внешнему виду.

Помнишь сказку о Золушке? Жила-была скромная сестрица, все считали ее замарашкой, в счет не брали. А потом пригляделись и ахнули: Золушка-то, оказывается, первая красавица...

Сначала мы осторожненько снимем с полена дырявую берестяную рубашку. А пока снимаем бересту, я кое-что про нее вспомню.

РАССКАЗ О БЕРЕСТЕ

1

Года три назад я путешествовал по Горному Алтаю. С тамошним охотником Мишей Суртаевым пробирались мы сквозь тайгу к Телецкому озеру.

Как-то вечером, переходя по камням речку, я поскользнулся и упал в воду. Миша кинулся ко мне, помог вылезти на берег. Мы оба вымокли до костей; вода в горной речке была прямо-таки ледяная. А в тайге по ночам уже опаляли землю заморозки, иногда сыпал снег.

И я испугался.

Спички, лежавшие в моем кармане, промокли. Значит, огня не разведешь. А без огня в мокрой одежде нам не дотянуть до утра. Закоченеем!

Выручил Миша. Он достал из-за пазухи маленькую коробочку. Она была сделана из бересты. И спички,

спрятанные в ней, остались сухими, даже побывав под водой.

Мы набрали веток, сложили костер. Берестяная коробочка пошла на растопку. На следующий день Миша сделал себе новую и опять аккуратно затолкал в нее спички.

Я теперь тоже был хитрей и, прежде чем идти дальше, смастерил такую же коробочку и для себя.

2

В минувшую войну жили мы в глухой северной деревне. Обуви тогда не хватало, летом бегали босиком. Но когда идешь в лес, все-таки нужна обувка. И мне сплели из бересты маленькие лапти.

В той же самой деревне, где мы жили, было много посуды, сработанной из бересты. В избах стояли берестяные ведерки, назывались они «меры». Для них бересту снимали с чурбака, не разрезая, целой трубой. Снимут такую трубу, снизу вставят донце, сверху приладят крышку. И готово ведерко.

Кроме ведерок, было много берестяных кружек, солонок, туесков, табакерок, корзин, лукошек. И отчего-то очень хорошо сохранялась еда в такой посуде. А впрочем, может быть, это опять мне только казалось тогда...

Мы жили в старой, потемневшей избе с резными ставенками, и от дождя нас укрывала тоже береста. Широкие полотна ее были уложены под тесовую крышу. Никакой дождище не мог ее промочить.

3

У бересты есть еще одно доброе свойство: она не гниет.

Это свойство очень пригодилось людям. В Сибири до сих пор мастерят из бересты легкие лодочки — берестянки. Такую лодку можно без труда подхватить на плечи и пронести по берегу, обходя опасные пороги. Ее не надо красить: сырости она не боится и не загниет.

Да разве только одни сибиряки плавают в берестяных лодках? На другом краю земли, в Северной Америке, индейцы делали из бересты свои пиро́ги. Если ты читал знаменитую «Песнь о Гайавате», то помнишь, как индейский вождь просил Березу:

Дай коры мне, о Береза!
Желтой дай коры, Береза!
Ты, что высишься в долине
Стройным станом над рекою!

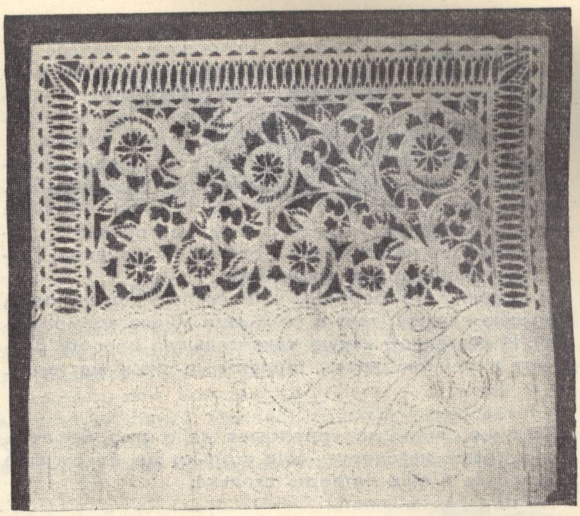
Я свяжу себе пирогу,
Челн себе построю легкий,
И в воде он будет плавать,
Словно желтый лист осенний,
Словно желтая кувшинка...

4

В 1951 году экспедиция профессора Арциховского вела в Новгороде археологические раскопки.

В пластах земли ученые нашли всякие интересные вещи: древнюю утварь, инструменты, украшения и многое другое. Был откопан деревянный водопровод, построенный новгородцами в XI веке. Трубы его были из толстых сосновых бревен, продолбленных внутри. А там, где трубы соединялись коленом, они были обмотаны берестой, которая предохраняла от утечки воды.

Даже если нашли бы один этот водопровод — и

то большая удача. Деревянные трубы, обмотанные берестой, говорили о многом. Они подтверждали, что древний Новгород был культурным, благоустроенным городом. В большинстве европейских городов того времени не только что водопровода, но и мостовых на улицах не было. Новгородцы опередили своих западных соседей на несколько столетий.

Но все-таки самое любопытное было не в этом.

Однажды работница Акулова нашла в раскопе свернутый в трубочку кусок бересты. Она не удивилась: таких кусочков попадалось великое множество. В земле встречались берестяные поплавки (до сих пор новгородские рыбаки пользуются такими же), просто обрывки и обрезки бересты. У древних новгородцев береста шла тоже на многие поделки.

Но этот берестяной свиточек оказался особенным. Когда внимательно разглядели его, заметили на нем буквы. Это было письмо, нацарапанное девять веков назад!

Чтобы оценить такую находку, надо знать, что в XI веке бумаги на Руси еще не было. Писали тогда на пергамене — специально выделанной телячьей коже. И все ученые были уверены, что другого писчего материала не существовало.

Пергамен ценился дорого, его не всякий мог купить. И тратили его бережливо: писали на нем договоры между князьями, своды законов, жития святых. Ни одного обычного письма на пергамене до нас не дошло. Вот и решили, что почти все население древней Руси было неграмотным...

И вдруг маленький клочок бересты закричал: «Неправда!»

Берестяные грамоты подтвердили, что большинство новгородцев умело читать и писать. Прежде мы не знали, как разговаривали наши предки — работные люди, ремесленники, крестьяне. Ведь в старинных книгах слог вовсе не тот, каким разговаривали дома и на улицах. А теперь мы это знаем. На бересте сохранились не торжественные церковные обороты, не сухие канцелярские словеса, а бойкая, самоцветная, народная речь...

5

В Москве, на улице Станиславского, есть музей, где собраны лучшие работы народных умельцев.

Не счесть всяких диковинок, выставленных там, — пестрых, тяжелых ковров, нарядной мебели, чеканных кубков и блюд, каменной и деревянной резьбы.

А в одном из шкафов хранятся под стеклом небольшие шкатулки, блюда и коробочки. Сначала даже не понять, из какого материала они сделаны. То покажется, что это — застывшее серебряное кружево, то вдруг обманчиво блеснет мягкая, тисненая кожа, а то подумаешь, не глянцевая ли это бумага.

Вещи сделаны из бересты. Они стоят рядом с изделиями из драгоценных камней, золота и серебра.

Пусть вокруг нас появляется все больше и больше новых материалов, созданных в лабораториях! Но хороший мастер не забывает и старых материалов. Разве они использованы до конца?

Я уверен, что береста, уже сослужившая людям большую службу, таит в себе еще много возможностей. И кто знает, какую удивительную красоту раскроют в ней любящие, терпеливые руки мастера!..

Конечно, я не все рассказал тебе про бересту. Можно было наговорить еще столько же, потом еще полстолька и еще четверть столька.

Но пора заканчивать.

Вся береста ободрана, теперь пускаем ее в ход. Что сработаем?

Да вот, пожалуйста: надо сделать коробки для гвоздей и шурупов; надо кузовок сплести для хранения разных обрезков, кусков фанеры, наждачной бумаги и прочих вещиц; надо для нескольких книг связать прочные обложки-футляры...

А разве не годится береста для моделей машин, кораблей и самолетов? Для учебных пособий? Для красивых и смешных игрушек?

Летом, когда отправишься за город, тоже пригодится береста. Сделаешь стаканчик — напоит водой из ручья. Смастеришь корзинку — поможет нести ягоды и грибы. Обвернешь спичечный коробок — сбережет спички сухими. Скрутишь поплавок — пособит рыбы наловить.

Да мало ли куда ее можно употребить! Только руки приложи, а она отплатит сторицей.

Остался в руках у меня голый березовый чурбак. Что таится в нем?

О, приятель, в нем запечатана не одна любопытная вещица! Может быть, спрятан в этом чурбаке столик на тоненьких стройных ножках, а может быть, удобное креслице, а может, полка для книг, раздвижная этажерочка, красивая лампа-торшер, смешной и веселый детский стул, рамка для картины.

Десятки разных предметов могут быть в этом чурбаке. Только все они запечатаны за семью печатями, скрыты под грязной берестяной шкурой, спят, как мертвые.

Но я могу их разбудить и вывести на свет. Я позову на помощь инструменты, встану к верстаку и буду работать.

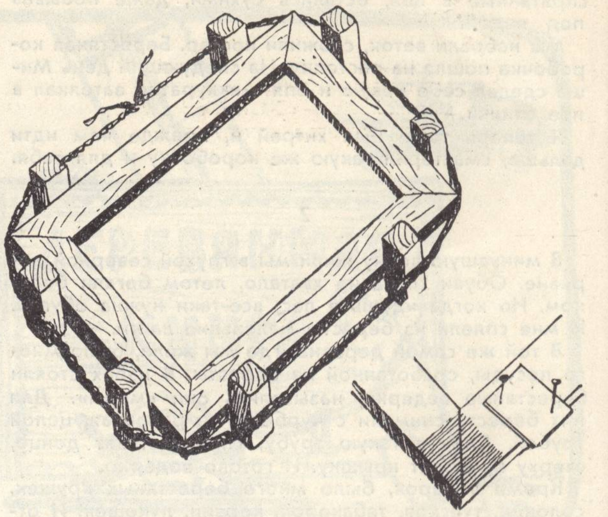
И начнутся чудеса.

РАМКА ДЛЯ КАРТИНЫ

Дочитав до конца эту главу, ты узнаешь про полуавтомат под названием «стусло».

С помощью стусла легко делать рамки для картин и фотографий. Углы брусков запиливаются под сорок пять градусов («на ус»); затем точнехонько подгоняются на другом «полуавтомате», донце.

Рамку можно собрать без шипов, на одном клею. С обратной стороны для пущей крепости рекомендуется прибить на каждый угол по фанерному квадратику.

Сжать рамку, чтоб лучше склеилась, можно нехитрым способом: веревкой с брусочками, как на рисунке показано. Чем ближе подвигаешь брусочки к углам, тем плотнее сжимается рамка.

Окончательно простругивается и шкурится она уже после того, как склеена.

ЛАМПА-СТОЛИК

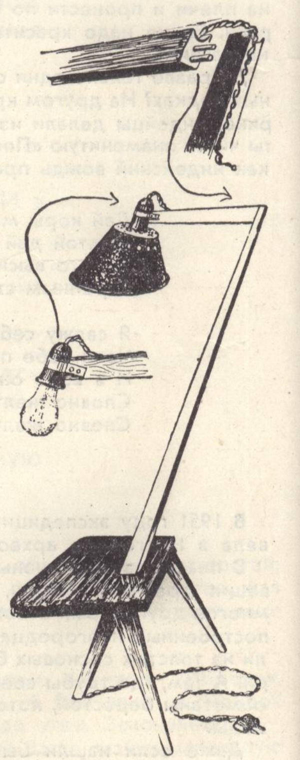
Совсем немного досок потребуется для того, чтобы смастерить вот такую несложную, но очень красивую лампу, соединенную с небольшим столиком.

Собрать ее можно на гвоздях и шурупах. Еще крепче будут соединения на круглых деревянных шипах и столярном клее.

Крышка столика должна быть на высоте в сорок пять сантиметров, а вся лампа — высотою в метр двадцать сантиметров.

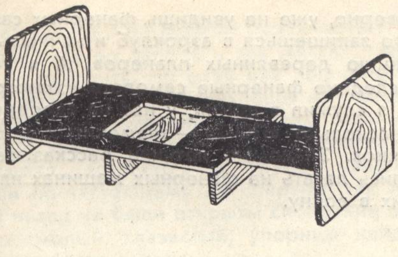
Патрон легко укрепить полоской жести. Шнур, чтобы не бросался в глаза, можно уложить в канавку, выбранную в брусках.

На крышку столика будет падать яркий свет. Поэтому выгодно поставить сюда наиболее красивую дощечку, хорошо бы с волнистыми волокнами. Такая дощечка станет переливаться, отблескивать, словно бегучая вода под солнышком.

КНИЖНЫЕ ПОЛКИ

Вот три образца полочек для книг. По устройству они просты, материала для них тоже надобно немного.

Выберем любую, на свой вкус.

Раздвижная полочка самая маленькая. Ее обычно ставят на стол, и она должна быть таких размеров, чтобы не загромождать его. Соединения этой полочки надо сработать особенно аккуратно и чисто. Любая щелочка тут будет бросаться в глаза.

Настенные полки больше. Их длина — около метра, высота — сантиметров сорок. Боковые стенки для них заготовим из самых красивых дощечек, а на горизонтальные доски материал можно взять поскромней.

Доски хорошенько выстругаем, чтоб не оставалось задиров. После того, как подгоним, тщательно зачистим стеклянной шкуркой.

Собираются полочки на шурупах или гвоздях.

Красить, пожалуй, их не станем. Березовая древесина и без окрашивания будет очень приятной, если мы покроем ее тоненьким слоем бесцветного лака.

Вот и открыли мы красоту, спрятанную в березовом чурбаке. Пусть теперь люди ею любуются...

Конечно, если под руками у тебя есть материал, вовсе не обязательно распиливать поленья. Из чистых досок смастерить любую вещь легче.

Я просто хотел тебе показать, что в любом, казалось бы, совсем бросовом материале хранятся немалые сокровища. Надо лишь добраться до них и суметь сохранить...

Мы с тобой положили березовое полешко на домашний верстак и попробовали заглянуть внутрь: что там? Оказалось, спрятаны хорошие вещи.

Ну, а если попадет береза не к нам на верстак, а на большую фабрику, на завод, в лабораторию?

Что еще найдут в этом богатом дереве?

НЕБЫВАЛАЯ БЕРЕЗА

Положим обыкновенный березовый брусок в металлическую форму. Нагреем сильно. А сверху тяжелым прессом начнем давить, сплющивать.

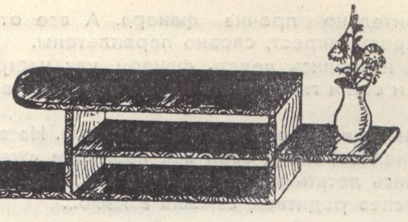
Осядут в березе слои, притиснутся друг к дружке. Станет дерево плотным и тяжелым, как камень. Теперь его и зовут «лигностон» — каменное дерево.

На что оно годится? А оно заменяет дорогие металлы, например, бронзу. И служит не хуже, а, пожалуй, еще и лучше.

Сделали из лигностона тормозные колодки для поезда и увидели, что тяжелый железнодорожный состав теперь можно проще и быстрее затормозить. Выточили из лигностона подшипниковые вкладыши для прокатных станов. И эти вкладыши прослужили в десять раз дольше, чем бронзовые.

Готовят из лигностона подкладки под железнодорожные шпалы, шары для шаровых мельниц, штампы и многое другое.

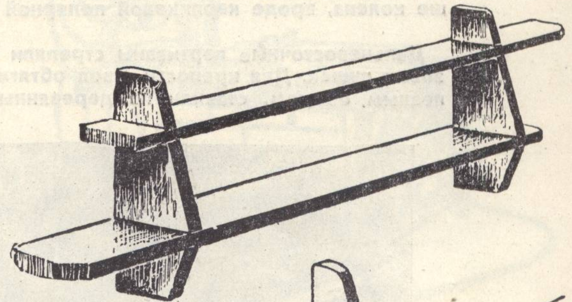
У меня на долотах насажены ручки из лигностона. Смело бью по ним молотком — простая береза не выдержала бы, а каменная несокрушима.

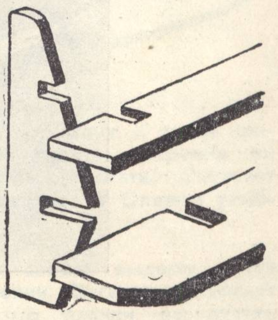

БЕРЕЗОВОЕ ПОЛОТНО

Ты пилишь березу, режешь, строгаешь. А не приходилось тебе видеть, как березу разматывают? Да, да, разматывают, как рулон бумаги.

Когда-то мне доводилось работать на таком «разматочном» станке. Принесу круглый березовый чурбак, закреплю в центрах. Включу станок — чурбак завертится. Тогда потихоньку подвожу к нему нож.

Этот нож широченный, во всю длину чурбака. И снимает он не стружку, а целое широкое полотно. Безостановочно вертится чурбак, делается все тоньше и тоньше, а с ножа бегут волны березового полотна.

Со стороны взглянешь — разматывается чурбак, словно рулон желтой оберточной бумаги...

Таким способом получают ш п о н — тонкие лущеные листы дерева.

Разверни спичечный коробок — в руках у тебя окажется прямоугольный кусочек березового шпона. Он не очень красив, линии волокон едва-едва заметны.

А бывает шпон волнистый, с четким рисунком.

Березовым шпоном, полученным из одного кряжа, можно обклеить десяток шкафчиков.

Шпон приумножает красоту, спрятанную в дереве.

ЛЕТАЮЩАЯ БЕРЕЗА

Русские мастера-хитрецы придумали: несколько листов шпона склеили так, чтобы слои у них шли крест-накрест. И получилась фанера-переклейка.

Ты ее, конечно же, видел и не раз держал в руках. А разглядел, как она сделана? Ведь фанера — удивительный материал...

От всякого полена можно отщепить лучинку. Всякий чурбак можно в конце концов расколоть. А попробуй-ка фанеру... Не тут-то было! Наружный слой еще с трудом отдерешь, а чтобы по всей толщине расколоть — и не старайся.

Удивительно прочна фанера. А все оттого, что слои крест-накрест, словно переплетены.

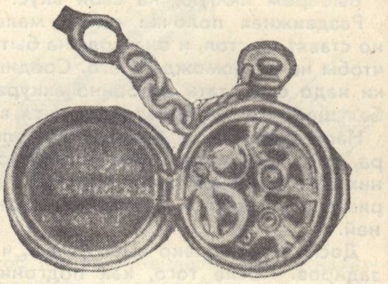
Едва научились делать фанеру, как настроили заводов и стали гнать, гнать целые версты нового материала.

Большая часть его шла на самолеты. На земле царило железо, люди свой век называли «железным», а учились летать на деревянных крыльях. И фанера, едва успев родиться, взмыла в небо...

Ты, наверно, уже не увидишь фанерных самолетов. Разве что запишешься в аэроклуб и начнешь изучать конструкцию деревянных планеров. А я успел застать последние фанерные самолеты-«этажерки».

Когда я служил в армии, у нас на аэродроме еще стояло несколько «ПО-2» — знаменитых деревянных самолетиков. Знакомые летчики рассказывали мне, как учились летать на фанерных машинах или воевали на них в войну.

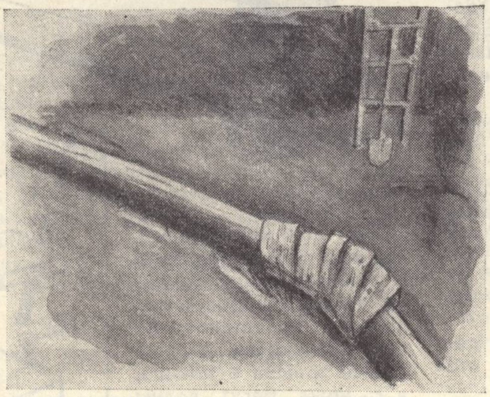
НАША КОПИЛКА

Сорок видов березы растет в Советском Союзе. Есть деревья с белой корой, есть с коричневой и серой, есть высокие березы — до двадцати метров высотой, а есть кустарнички не выше колена, вроде карликовой полярной березки.

Дальневосточные партизаны стреляли из березовых пушек. Для крепости ствол обтягивали железным ободом, ставили на деревянный лафет.

Потом заряжали и начинали палить гвоздями, кусками металла, в общем, всем, что под руку попадет.

Это новгородский водопровод. Трубы сделаны из сосновых бревен, а водопроводное колено забинтовано берестой, чтоб не протекало.

Вверху деревянные часы размером чуть побольше медного пятака. В них нет ни единой металлической детали. Даже пружина и та из бамбука. Сделаны часы русским мастером Бронниковым около ста лет назад.

БЕРЕЗА ПОД ЗЕМЛЕЙ

На что только не годится фанера! Делают из нее дома, палатки, суда, ящики, мебель, даже... трубы.

Ленинградский завод выпускает фанерные трубы для перекачки нефти и газа, для вентиляции в шахтах. Эти трубы, конечно, дешевле металлических, а в некоторых случаях и надежней.

Однажды налили воду в две трубы — деревянную и стальную. Закопали рядышком в землю. Ударил мороз. Стальную трубу разорвало, а деревянная, из фанеры, даже не треснула.

На больших наших стройках тоже появились фанерные трубы. По ним перекачивают от земснарядов пульпу — размытую землю.

БЕРЕЗОВЫЙ МРАМОР

До сих пор еще ведутся споры о том, что это такое — уродец среди берез или особенная форма, самостоятельный вид?

Растет на Севере, в Заонежье, странная березка: скрюченная, вся узловатая, в наростах.

Зато древесина безобразной карельской березы даже не похожа на дерево, словно перед тобою мрамор с густыми жилками, с игрой цвета, с внутренней теплотой и блеском...

Что заставило древесные слои так перекрутиться, пойти такими извивами, узлами, волнами? Может, болезнь таинственная? А может, суровая природа, северные ветры, лютые морозы? Никто не знает.

Но только скопилась в дереве костяная твердость, плотность, разлились краски. Ведь экое диво, как будто и свет неяркого солнца, и блеск белых озер, и мерцание снегов, и огоньки первых вешних цветов — все вобрало в себя дерево, сберегло всю красоту родной земли!..

Один раз в жизни пришлось мне разделывать карельскую березу. Я боялся снять лишнюю стружечку, уронить крохотный кусочек. И не потому, что это дерево на вес золота. Потому, что было жалко, до боли жалко, если пропадет хоть крупинка такой красоты...

Самые лучшие столяры делали мебель из карельской березы. В музеях рядом с полотнами великих художников, рядом с прекрасными статуями берегутся диваны и кресла из карельской березы. Они тоже произведения высокого искусства.

Теперь из карельской березы почти ничего не делают: истощились ее запасы в тех местах, где люди привыкли ее находить. Но ведь как обширны северные наши леса! Сколько в них еще неизведанного, неисхоженного, не увиденного зорким глазом!

Я накрепко убежден: не исчезла карельская береза, она таится, хоронится в глухих чащах. Она просто еще по-настоящему не открыта, так же, как десять лет назад не были открыты сибирские алмазы.

И кто-то смелый, глазастый, упорный найдет запасы драгоценного дерева.

ПРО ОДНОГО ФАНТАЗЕРА

В ремесленном училище был у нас один занятный паренек, Олежка Вахрамеев.

Сам тощий, нескладный какой-то, когда идет, руки-ноги заплетаются. А лицо круглое, как у подсолнуха, и глаза шальные, с чертиками. Глянешь в них, и смех разбирает и страшно: вот-вот обдурит.

Был Олежка отчаянным фантазером; без фокусов да выдумок дня не мог прожить. Только выдумки большей частью получались у него несуразные: то завернет кран у парового отопления — и радиаторы начнут завывать жуткими волчьими голосами; то к дверной щеколде прилепит пистоны от детского наганчика — и дверь бабахнет, когда ее закроешь... Олежке здорово влетало за это, но униматься он не хотел. Фантазия у него прямо-таки бушевала.

В конце года, когда мы уже сдали пробы на разряд, поступил в училище солидный заказ — сделать партию табуреток.

Ретиво мы за дело взялись: быстренько отобрали сосновые доски, нарезали заготовки на станках. А вот дострагивать да зачищать детали пришлось вручную.

Тут-то мы и погрустнели. Не то, чтобы трудно было, сверх наших сил, нет. Вовсе не трудно, а только скучно и утомительно. Строгать подряд одну заготовку за другой, ежеминутно проверять линейкой и угольником, снова и снова, снова и снова... Не слишком-то интересно!

Мы с Олежкой обрабатывали табуретные проножки. Это совсем небольшие палочки; одну штуку выстрогать — чепуха. Но когда таких палочек целая груда, то, разумеется, надоест.

Олежка построгал-построгал, потом отложил фуганок. Лицо задумчивое, насвистывает.

— Ты что,— говорю,— бросил работать?

— Хватит.

— Как «хватит», если мы только еще начали?!

— Все равно не стану.

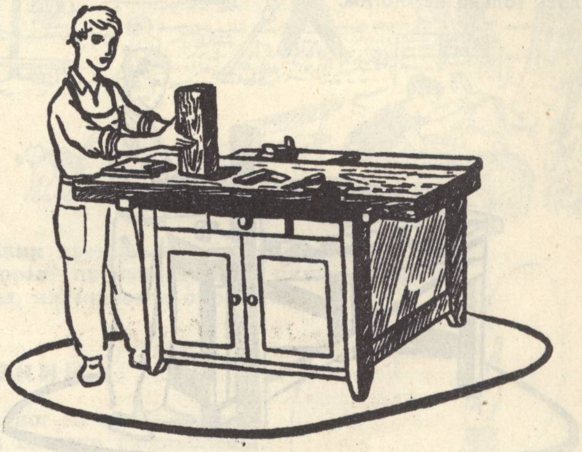
Отвернулся и стал что-то в своем шкафчике перебирать. Я разозлился. Если Олежка строгать не станет, чего доброго, мне придется его долю отрабатывать... Хорошенькое удовольствие!

Отвернулся, на Олежку не гляжу. А он копошится, молотком постукивает. Ерундой какой-то занимается. И Пал Петрович отчего-то не остановит его, не замечает, что ли?

Полчаса, наверно, прошло. Вдруг Олежка окликает меня, показывает проножку:

— Проверь-ка размеры.

Я проверил. Выстрогана тютелька в тютельку.

— Смотри,— говорит.

На верстаке у него доска положена. К доске приколочены две планочки, как рельсы. Закрепил он между ними проножку, начал строгать. Скользит фуганок по рельсам, пофыркивает. У Олежки улыбка блаженная.

— Вот и мерить не надо!

И впрямь не надо. Сам собою выдерживается размер в этом приспособлении. Фуганок не снимет лишней стружки, потому что планки не пустят. Точность обеспечена!

Если мне приходится и рейсмусом линии отводить, и угольник прикладывать, и по линейке отсчитывать, то хитрому Олежке ничего этого не надо: двигай фуганком, и все. Полуавтомат у него получился!

Воспрянул я духом, думаю: сейчас такой же «полуавтомат» для себя сколочу и быстренько с заданием разделаюсь... Уже собрался планки на доску привинчивать, да подошел Пал Петрович.

Поднял он Олежкино приспособление, показывает:

— Обратите-ка внимание, ребятки... Простая штучка, верно? А как облегчает работу, как время экономит! Олег правильно поступил, не только руками действует, но и головой... Вот и вы попробуйте. Таких приспособлений можно добрый десяток напридумывать.

Потихоньку снял я с верстака доску, планки: совестно сделалось.

«Ишь,— говорю себе,— на готовенькое позарился». А разве сам не можешь мозгами раскинуть?

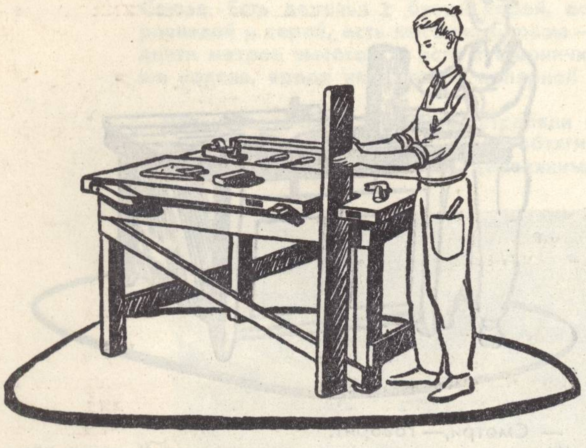
К вечеру почти каждый из нас показал Пал Петровичу свое приспособление. И мне тоже повезло: удалось выдумать такой «полуавтомат», который сразу две стороны у проножки обрабатывал.

Спустя два года, перед самым концом обучения, проходили мы практику на большом оптическом заводе.

Наш цех выпускал фотоаппараты — большие камеры на треногах. И сейчас эти камеры можно встретить в городских ателье: фотографы делают ими крупные портретные снимки.

Работа у нас была сложная: из красивой ореховой древесины мы собирали корпуса будущих фотоаппаратов и кассеты для фотопластинок. Требовалась точность, аккуратность: ведь любая, даже самая крохотная щелочка тут недопустима. Пробьется лучик света — и пропал снимок.

Мы рьяно старались, но работа на первых порах не ладилась. От заводских столяров мы порядочно-таки отставали, и дневную норму выполнить удавалось только немногим.

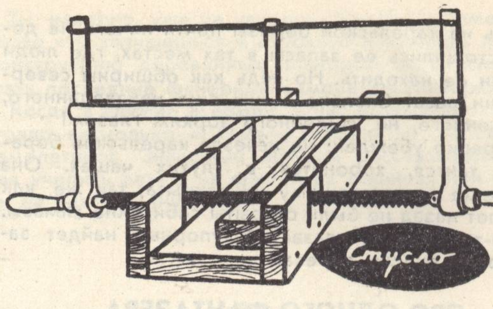
Но через полмесяца Олежка Вахрамеев, обогнав даже хороших мастеров, выдал две нормы с лишком.

Опять помогла ему выдумка.

Он стал обрабатывать на станках сразу по нескольку деталей. Обрезал не одну кассету, а целую пачку; фрезеровал тоже пачками и с нескольких сторон. Разумеется, для этого понадобилось выдумать особые приспособления, но у Олежки-то уже был кое-какой опыт...

Торжественно усадили Олежку перед новым аппаратом — одним из тех, которые мы сами собирали,— и фотограф, накрывшись черным покрывалом, сделал снимок. Затем карточку поместили в цеховой стенгазете, а в подписи было сказано, что все молодые рабочие должны брать с Олежки пример.

Получив дипломы об окончании училища, разъехались бывшие ремесленники по всей стране. След Олежки Вахрамеева потерялся. Говорили, что мой приятель сначала работал на строительстве Московского университета, а позднее укатил в какой-то далекий город.

Прошло еще несколько лет. Однажды, будучи проездом в Зауралье, развернул я местную газету и вновь увидел фотографию Олежки Вахрамеева.

Газета сообщала, что Олежка — один из лучших работников нового мебельного комбината. К любому заданию он относится с хорошей выдумкой, старается внести улучшения, усовершенствования. Изобрел несколько ценных приспособлений, и в частности, изменил конструкцию верстака. Верстак у него превратился прямо-таки в универсальный механизм. Далее было напечатано, что у Олега Ивановича Вахрамеева много учеников и последователей...

На фотографии он выглядел весьма внушительно. Никто, кроме старых друзей, не узнал бы в нем прежнего шалопая Олежку, с лицом, как у подсолнуха, и озорными глазами, и никто, конечно, не догадался бы, что изобретательская слава Олега Ивановича началась в тот день, когда он создал табуреточный «полуавтомат».

Обзаведясь инструментом, примешься ты за работу.

Начнешь, само собой разумеется, с верстака. Чтоб удобно было пилить и строгать, надо смастерить хороший верстак.

Здесь нарисованы два верстака — и попроще и посложней. Выбери, какой тебе лучше годится.

Прикинь, вдруг можно улучшить эти конструкции, чтоб они подходили к твоей комнате или сарайчику, где ты устраиваешь рабочее место.

Заранее приготовь старинные, давно известные приспособления, которые облегчают работу и обязательно понадобятся тебе в будущем.

Сделай вот это с т у с л о, чтобы торцевать бруски и запиливать рамочные углы (так называемые соединения «на ус»).

Сделай вот такое д о н ц е, на нем удобно строгать кромки фанеры, планки, мелкие детали.

Но, кроме этого, не забывай и о создании собственных «полуавтоматов». Задавай работу не только рукам, но и голове

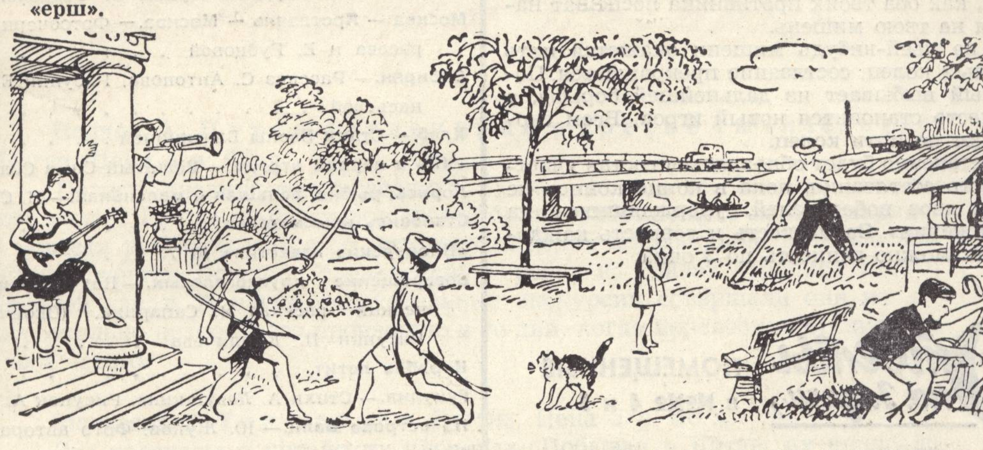

В ЧАСЫ ДОСУГА

ОДИНАКОВЫЕ СЛОВА

У пионера Кости есть приятель, тоже Костя. Выходит, что эти мальчики — тезки: зовут их одинаково.

Тезки бывают не только у людей. Вот, скажем, ерш — рыба. Оказывается, у него есть тезка — круглая щетка на проволочном стержне. Она нужна для чистки ламповых стекол, для мытья бутылок. Называют такую щетку тоже «ерш».

Найдите на этой картинке десять таких предметов, которые имеют тезок. Запомните: два или три слова, которые произносятся и пишутся одинаково, но обозначают различные предметы, называются омонимами.

КТО ИЗ ВАС САМЫЙ ЛОВКИЙ

На земле проводят две черты. Установив носки ног на уровне черты, двое играющих становятся друг против друга. Ноги широко расставлены. У каждого в руках мячик.

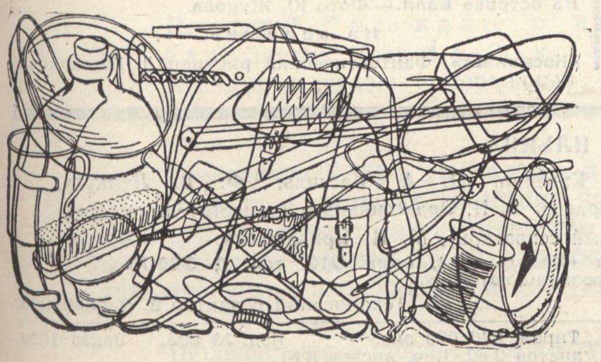
Наклонись и подброcь мячик между ногами вверх за спину. Постарайся придать броску такое направление, чтобы мяч описал небольшую дугу над головой. Быстро выпрямись и успей поймать мяч, не отрывая при этом ног от земли.

Оба игрока делают по десять бросков. Не все из них окажутся удачными, зато за каждый пойманный мяч игроку засчитывается одно очко.

ЧТО НУЖНО В ПОХОДЕ

Уезжая летом в пионерский лагерь, каждый из вас, вероятно, взял с собой вещи, очертания которых показаны на рисунке. Как видите, очертания эти перепутаны.

Однако внимательно рассмотрев рисунок, по контурам нетрудно узнать 15 предметов, которые хорошо вам известны. В лагере эти вещи могут понадобиться каждый день, особенно они нужны в походе.

ХОДЯЧИЕ МИШЕНИ

Каждый из трех участников этого состязания будет одновременно представлять собою и метателя колец и мишень для их набрасывания. Мишень — это палка, подвязанная к спине и возвышающаяся над головой примерно на 30 сантиметров.

Колец понадобится 15 штук — по пяти на каждого метателя. Диаметр кольца — 20—25 сантиметров. Кольца можно сделать из гибких прутьев, из проволоки, вырезать из фанеры и даже из толстого картона.

Метатели становятся в кружок лицом друг к другу. Перед тобой, таким образом, две мишени — выбирай любую, но вместе с тем и два противника, которых надо остерегаться, потому что для них ты тоже мишень. Пока

изловчишься, накидывая на чью-нибудь палку кольцо, глядишь, тебе самому его уже нацепили!

Игроки, разумеется, увертываются от набрасываемых колец, поэтому промахов больше, чем попаданий. Упавшие на пол кольца можно подбирать, но тут особенно приходится быть настороже: стоит только наклониться за упавшим кольцом, как оба твоих противника поспешат нацелиться на твою мишень.

Когда на чьей-нибудь мишени окажется пять нанизанных колец, состязание прекращается. Побежденный выбывает из дальнейшей борьбы, а на его место становится новый игрок. Всем снова раздают по пяти колец.

Так постепенно будет обновляться состав участников этого состязания, пока в конце концов не останется двое победителей, удержавшихся на «поле сражения». За меткость и ловкость каждому из них можно записать по 3 очка.

Ответы на задачи, ПОМЕЩЕННЫЕ в №№ 4 и 5

ВЕСЕЛЫЙ КРОСС ОТ «Я» ДО «А» И ОБРАТНО

1. Маршрут по лабиринту проходит через буквы Я, С, Л, А, В, Ы, Р, К, Т, О.

2. Пословицы и поговорки: «Один в поле не воин», «Труслив, как заяц», «Старого воробья на мякине не проведешь», «Один с сошкой, а семеро с ложкой», «Рыбак рыбака видит издалека», «Повадился кувшин по воду ходить, тут ему и голову сломить». Буквы, с которых начинаются приведенные тексты: О, Т, С, О, Р, П.

3. Недорисованные предметы: «мостик», «ручка», «пила», «стул». Цифры на рисунках указывают порядковые номера тех букв в слове, которые надо выписать. Эти буквы: К, И — в первом слове, Ч, Р — во втором, А — в третьем, Л — в четвертом.

Переписав все найденные буквы в обратном порядке, вы прочитаете: «А ларчик просто открывался» — заключительная фраза из всем известной басни И. А. Крылова «Ларчик».

ВОВА-РЕКОРДСМЕН

Читать головоломку нужно сначала по буквам, которые поставлены в квадратиках, а затем в такой же последовательности по буквам, вписанным в треугольники (вершиной кверху), в кружочки, в ромбы и, наконец, в треугольники с вершиной, опущенной вниз. В результате составится текст: «К сожалению, все это было не наяву, а во сне».

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комн. 710, тел. Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 06384. Подписано к печати 27/VI 1960 г. Тираж 546 000 экз. Изд. № 998. Заказ 1699.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

ЭТИ КНИГИ

скоро выйдут из печати:

Волков А. П у т е ш е с т в е н н и к и в т р е т ь е т ы с я ч е л е т и е. Детгиз. Цена 4 р. 60 к.

Повесть-дневник пятиклассника Гриши Челнокова. Много интересного узнает Гриша из рассказов своего брата, работающего на земснаряде. В повести рассказывается об интересных делах школьников, которые живут на станции Больше-Соленовской. У ребят на глазах строился Волго-Донской канал. А какие увлекательные экскурсии совершали они на канал, сколько интересного произошло в те дни, когда перевозили станицу на новое место!

Матвеева Т. Т р и х о р о ш о. Детгиз. Цена 2 р. 80 к.

Это рассказы о китайских пионерах. Побывав в Китае, их написала редактор газеты «Пионерская правда» Матвеева Т. В. В первой части книги рассказывается о детях — героях Великой Китайской революции и антияпонской войны: вы узнаете о героическом подвиге мальчика-пастуха, заведшего японцев в ловушку («Пять «не»), о девочке-связистке («Связная подпольного центра»), о пионере-рыбаке, который был первым награжден орденом героя первой степени («На разбитой шаланде»), и др. Во второй части книги вы познакомитесь с жизнью пионеров и школьников сегодняшнего Китая. Вы прочитаете о необыкновенных опытах с растениями («Цветущий сад Ван Юй-лина»), о девочке, которая первой в волости стала грамотной и создала школу для детей и взрослых («Изумрудинка»), и др.

Мелентьев В. Б ы л о э т о в Ю ш т е. Детгиз. Цена 3 р. 25 к.

Повесть о Юштенской сельской школе, одной из лучших в Рязанской области, о том, как много интересного сделали ребята своими руками: как создали фермы, мастерские, как заложили сад, как уже в школе овладевают различными профессиями.

Пашек М. П р и к л ю ч е н и е н а б е з ы м я н н о й р е к е. Детгиз. Цена 4 р. 50 к.

Приключенческая повесть из жизни современных чешских школьников, отправившихся во время каникул в плавание.

Погодин Р. Р а с с к а з ы о в е с е л ы х л ю д я х и х о р о ш е й п о г о д е. Детгиз. Цена 4 р. 30 к.

Веселые рассказы о серьезных вещах. Герои рассказов — ваши сверстники — живые, любознательные ребята.

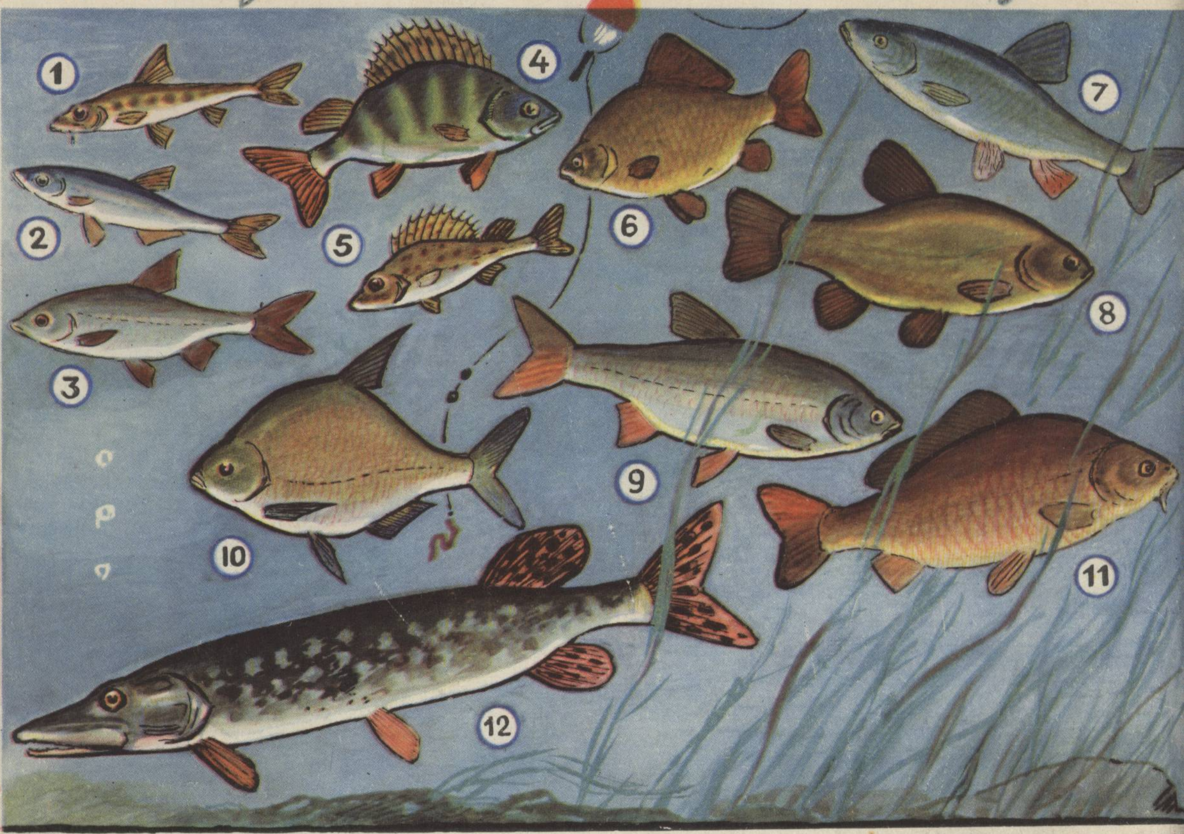
Степаненко В. Н а з о л о т ы х п е с к а х. Детгиз. Цена 3 р. 70 к.

Повесть о пионерах, живущих на строительстве Кара-Кумского канала и в соседнем с ним туркменском колхозе. Ребята дружно помогают взрослым в их трудной борьбе с природой, как и взрослые, хотят превратить пустыню в плодородные и цветущие земли.

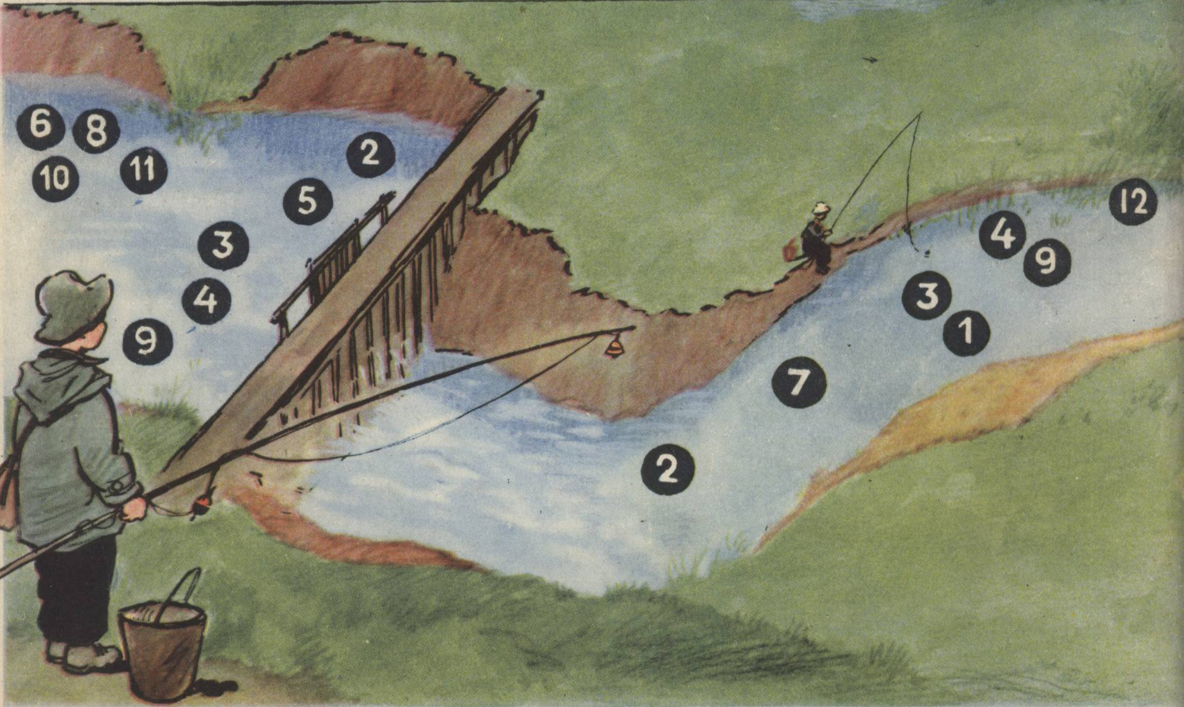
Перечисленные книги скоро поступят в магазины книготорга и потребительской кооперации.

Союзкнига

Цена 2 р. 50 к.

ЛОВИСЬ, РЫБКА, БОЛЬШАЯ И МАЛЕНЬКАЯ!

Художник В. Константинов здесь нарисовал двенадцать самых распространенных у нас рыб: 1 — пескарь, 2 — уклейка, 3 — плотва, 4 — окунь, 5 — ерш, 6 — карась, 7 — голавль, 8 — линь, 9 — язь, 10 — лещ, 11 — сазан, 12 — щука. На нижнем рисунке показано, в каких местах чаще держатся эти рыбы. О том, когда их лучше всего ло-вить, вы прочитаете на 27-й странице журнала.